Аз есмь

Митрополит Митрофан (Баданин)



История житий святых отцов Кольского Севера XVI века

Из керетских пределов

Митрополит Митрофан
(Баданин)

АЗЪ ЕСМЬ ИЗ КОРЕЛИ БЯРЛЯЯМЪ

ИСТОРИЯ ЖИТИЙ СВЯТЫХ ОТЦОВ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА XVI ВЕКА



Санкт-Петербург
2021

УДК 86.372
ББК 271.2
А 35

«Аз есмь из Керети Варлаам». История житий святых отцов Кольского Севера XVI века / Митрополит Митрофан (Баданин). — Санкт-Петербург: Астерион, 2021. — 224 с.: ил. — (Православные подвижники Кольского Севера: Книга V)

ISBN 978-5-00188-006-6

Книга митрополита Митрофана (Баданина) посвящена удивительным историям жизней православных подвижников веры и благочестия, подвизавшихся на территории нынешней Мурманской митрополии в XVI веке.

На фоне реальных исторических событий и житий северных святых — преподобных Феодорита Кольского, Трифона Печенгского и их учеников — автор восстанавливает удивительный жизненный путь преподобного Варлаама Керетского чудотворца.

В полной мере раскрывается все еще не вполне оцененная, непостижимая высота и абсолютная уникальность совершенного им духовного подвига покаяния — трехлетнего плавания в небольшой весельной лодочке по ледяным просторам Северного Ледовитого океана с гробом убиенной жены. Ярко и убедительно показана его исключительная роль в формировании православной духовности на Севере Руси.

ISBN 978-5-00188-006-6

© Митрополит Митрофан (Баданин), 2021
© Инна Куксенко, иллюстрации, 2021

ГЛАВА I



«Я – из Керети Варлаам...»

«Аз есмь из Керети Варлаам...»[1] — так решительно объявлял о себе отчаявшимся мореплавателям крепкий, несколько сгорбленный старец с длинной седой бородой и в монашеском облачении, внезапно появляясь у форштевня судна, терпящего беду в штормовом море. *«Что отчаяваете! Хватай руль! Пошевеливайся, ставь древо, парус ставь!»* Еще пребывающим в недоумении от этого видения поморам старец грозил дубьем: *«Чего расселись! Промышляйте о себе, не плошайте — Бог вас вынесет!»* Когда же опасность была позади и судно оказывалось *«в отишии»*, укрытым *«за коргою»*[2], старец уже примирительно замечал: *«Потонути нынче было бы вам, аще бы не аз, Варлаам с Керети. Людям о том поведайте...»* — добавлял дивный спаситель и растворялся в ветре и водяной мороси.

Троица нераздельная

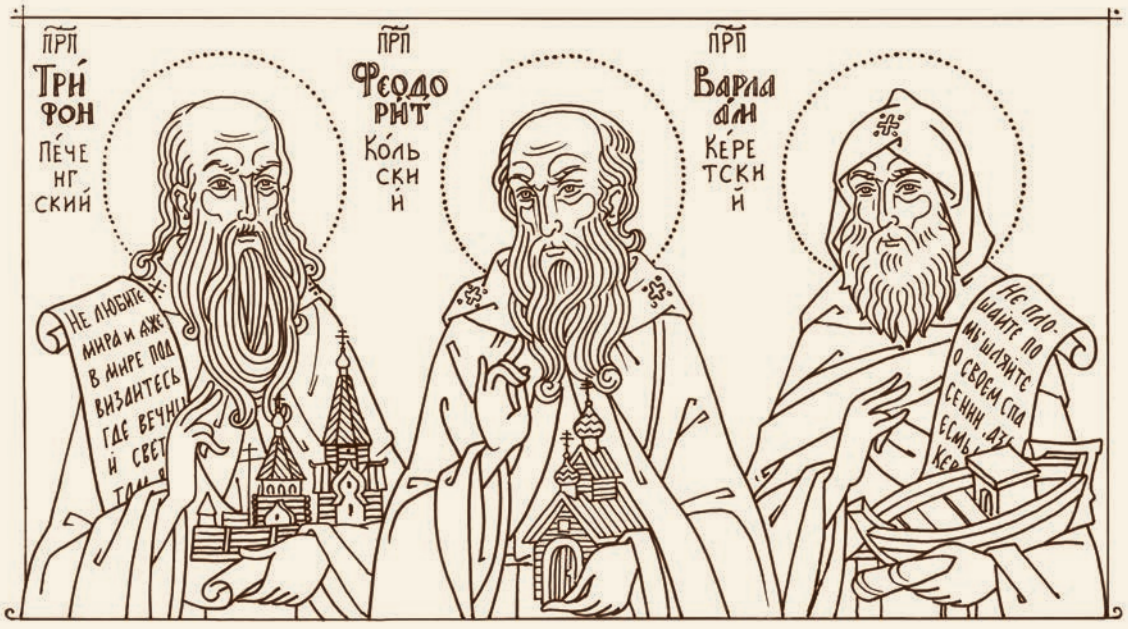
История о преподобном Варлааме Керетском началась *«в лета царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца»*. Именно так начинается повествование о житии этого подвижника в единственной сохранившейся редакции, наиболее известной как «Повесть о преподобном Варлааме с Керети»[3]. Надо сразу сказать, что «Повесть» эта весьма кратка по объему и сдержанна по содержанию, что явно не соответствует той высочайшей степени почитания святого Варлаама на Крайнем Севере и Беломорье в течение уже многих столетий. При этом следует признать, что совершенный Варлаамом немыслимый подвиг покаяния и его беспримерные морские скитания не имеют аналогов в истории православия, что подчас служило *«камнем преткновения и скалою соблазна» (Ис. 8,14)*. Сегодня у нас есть возможность восстановить подлинный глубокий смысл той удивительной истории, произошедшей в начале XVI века, и воздать должное поклонение этому уникальному святому.

---

[1] Здесь и далее по тексту курсивом выделены цитаты по источнику: «Повесть о преподобнем Варлааме Керецком». РГДА. Ф. 196. № 634. Ч. 4, 5. В некоторых случаях текст цитат адаптирован автором к современному звучанию слов.

[2] Корга — скала или камень; риф; каменная подводная гряда. Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 600. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Максимов. — **Прим. ред.**)

[3] В настоящее время известно четыре списка «Повести...», не имеющих принципиальных отличий в редакции. Самый ранний из них относится к концу XVII века. Научное издание текстов по всем спискам см.: Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 178–196.



Однако, говоря о преподобном Варлааме, мы не сможем умолчать о его великих современниках, друзьях и наставниках — о преподобных Трифоне Печенгском и Феодорите Кольском, пришедших в начале XVI века в эти дикие и бесприютные земли Великой Лапландии и просветившие их светом веры Евангельской. Духовный стержень жизненного подвига этих трех святых сокрыт в неразрывном их молитвенном единстве, крепкой дружбе во Христе и тесном переплетении жизненных судеб.

Современники этих христианских первопроходцев XVI–XVII веков, призывая в помощь небесных покровителей Крайнего Севера — преподобных Трифона Печенгского и Варлаама Керетского, не разделяли в прошениях их святых имен, обращаясь к ним не иначе как: *«О, двоица присноблаженная Трифане и Варлааме»*[4].

На сегодняшний день мы имеем все основания говорить о *«присноблаженной троице»*. Проведенные исследования жизни и подвигов великого подвижника Крайнего Севера — блаженного Феодорита Кольского, позволили нам восстановить историческую справедливость и, воздав должное почитание, в 2002 году прославить его в лике преподобного.

История края XVI века ясно свидетельствует о едином молитвенном пространстве, сложившемся на Кольском Севере в первой половине XVI века, и воплощении цельного государственного и духовного замысла об этих суровых землях[5]. Сегодня мы уверенно называем Феодорита Кольского не толь-

[4] Канон преподобному Варлааму Керетьцкому, новому чюдотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. Л. 420 об.

[5] См.: Митрофан (Баданин), иеромонах. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Мурманск, 2002; Митрофан (Баданин), иеромонах. Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. Мурманск, 2003.

ко великим соработником преподобного Трифона в деле просвещения лопарского народа, но и отцом-основателем православной жизни нашего края, учителем и духовником преподобных Трифона Печенгского и Варлаама Керетского.

Так что с полным правом мы можем сегодня молитвенно обратиться к этим великим святым Крайнего Севера со словами: *«О, троица присноблаженная и равночестная, преподобные отцы наши, Трифане, Феодорите и Варлааме, призывающих вас от всех лютых спасайте теплым предстательством вашим!»*

Кереть

Село Кереть — одно из древнейших поселений на Карельском берегу Белого моря. О большой древности этого места говорит тот факт, что к середине XVI века Кереть уже считалась волостным центром. Основными занятиями населения волости были лов рыбы и выварка соли. Соль «зимой и летом через весь год» вываривали на 44 соляных варницах. Кроме того, в реках добывали жемчуг, и «каждое десятое зерно лучшее имали в казну царю и великому князю». Да еще «тутошние жильцы» и «прихожие люди слюду промышляют, бьют ее в каменных горах».

«Близь той Керетския веси имеется гора, по наречию той веси жителей именуемая Варака, в ней же копают слюду изряднаго чистаго качества и немалаго количества»[6].



Карта-схема районов Керети и Чупы

[6] Слово историческое о житии преподобного Варлаама иже в край Соловецкого моря, в месте нарицаемом Кереть просиявшего. РГБ, рукописный фонд, собрание Егорова, № 1571. Л. 298. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Слово историческое… — **Прим. ред.**)

К середине XVI века в этих краях была уже заметна близость активно развивающегося Соловецкого монастыря, имевшего в Керетской волости свои дворы, варницы и тоня[7].

С незапамятных времен в селе стояла церковь Святого Чудотворца Николы. Церковь эта — одна из тех бесчисленных Никольских церквей, которые в конце XIV века ставили по всему Крайнему Северу Руси ученики преподобного Евфимия Карельского, монахи Николо-Карельского монастыря. Что, собственно, и привело к появлению знаменитой поговорки «От Холмогор до Колы тридцать три Николы».

Истоки

В те же давние времена, когда родился преподобный Варлаам Керетский, в самом начале XVI века, соловецкие монахи только осваивали еще отписанный им в полное владение сам Соловецкий архипелаг со всей рыбной ловлей и «лешими угодьями» на нем[8]. Ни Кандалакшского, ни Печенгского, ни Кольского монастырей еще не существовало. Великие деяния на Кольском полуострове преподобного старца Евфимия Карельского и его учеников в XIV—XV веках с падением Новгорода постепенно пришли в забвение. И основанный ими в XV веке Свято-Никольский Кокуев монастырь, что в губе Порьей, уцелел лишь в древнейшем описании «Книги Большого Чертежу»[9]. И даже замечание Николая Карамзина о некоем древнем «Никольском монастыре на Печенге близ Варгава» кроме недоумения иной реакции у историков не вызывало.

Благовестники Христовы новой Российской державы, Московии, еще только набирались сил, проходя жизненный искус, прежде чем исполнить главное свершение своей жизни — покорение мрачных Лапландских пустынь. Будущий пустынник Феодорит Кольский еще юным монахом подвизался в скиту на реке Шуе у монастырского «старца-витамана» Зосимы. Молодой и неукротимый воин Митрофан, будущий Трифон Печенгский, только еще приходил в свою буйную силу «воюя Каянских немцев» под началом царских воевод. И мальчишкой Иваном где-то в двинских пределах бегал будущий Иона Печенгский, верный *«сопостник и сомолитвенник»* великого старца Трифона по Печенгскому монастырю.

На суровых же берегах Белого моря, в поморском селении Кереть, в это время, в начале XVI века, «в лета державы Российскаго царствия великаго

[7] Тоня — место рыбного промысла, участок, на котором стояла изба с амбаром и иными необходимыми постройками для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

[8] «Грамота Великого князя Иоанна III от 1479 года была подтверждена и дополнена в 1507 году грамотой Великого князя Василия Ивановича». История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 26—27. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: История Соловецкого монастыря. — **Прим. ред.**)

[9] «А от усть реки Порьей, у моря монастырь Кукуев». Спасский Г. Книга Большой Чертеж. М., 1846. С. 165.

князя Василия Иоанновича, иже во иноках переименованнаго в Варлаама»[10], в семье «Керетьския веси насельников, и тех же поморских людей потомков, обычаев смиренных и кротких» родился обыкновенный мальчик Василий[11], жизнь и подвиги которого вскоре потрясут не только современников, но и, пройдя сквозь века, оставят неизгладимый след в сердце каждого морехода Русского Севера на все времена.

Итак, преподобный Варлаам Керетский, как свидетельствует «Повесть…», *«рождение и воспитание имел в Керецкой волости, что на море-окияне»*.

Воспитание морем

Воспитание, которое получил Варлаам *«на море-окияне»*, это обретение особого состояния духа, что с молоком матери усваивает каждый житель этих суровых мест. Здесь, среди скал Северного Ледовитого океана, формировалось то удивительное братство мореплавателей-поморов, для которых ежедневная смертельная опасность воспринималась как норма жизни. Здесь, на северных берегах Святой Руси, воспиталась особая генерация православных христиан, которые не знали многих духовных проблем своих сухопутных собратьев по вере. Этим людям неведомы были такие вопросы аскетики, как, например, преодолеть холодность сердца и равнодушие, стяжать чистую и искреннюю молитву и как научиться в полной мере полагаться на волю Божью. «Начало мудрости — страх Господень», — поучает нас Божественный псалмопевец, и северное море в полной мере давало человеку этого «начала мудрости». «Ходящему по морю без страха и без взаимной помощи пробыть невозможно», — вторит поморский «Морской устав»[12], не скрывая в своих наставлениях ясного понимания того, что «человеку на море — страшно, ибо он пред морем, как пред Самим Господом»[13].

---

[10] «Слово историческое…» Л. 298. В этой оговорке автора, кроме очевидной временной привязки к началу XVI века, мы можем видеть и прикровенный намек на мирское имя преподобного Варлаама.

[11] Документальных данных о мирском имени прп. Варлаама не сохранилось, но в преданиях жителей Керети упоминается имя Василий. Об этом рассказывал автору профессор И. С. Меркурьев, руководитель диалектологической экспедиции 1970 года в село Кереть. Косвенным подтверждением этому служит очевидная традиция этих мест при постриге имя Василий изменять на Варлаам: «Варлаам, в миру Василий…» Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. С. 462 и др.

[12] Морской устав новоземельских промышленников XVIII века. П. 19. Цит. по: Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 75.

[13] «Я переживал время безумного ужаса, никогда еще не изведанного в жизни, — смотря, как за первым взводом на карбас ползла следующая «водяная гора». Бубновский М. И. Свидетельство очевидца // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1915. № 6. С. 176.



Суровая стихия Белого и Баренцева морей была естественной средой обитания каждого помора с раннего детства. Именно здесь день за днем, доверчиво и буднично вручали они жизни свои в руки Божьи. Именно здесь всем сердцем постигалась ими мудрость поморской поговорки «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался»[14].

«Описания морского пути (лоции поморов) неизменно начинались молитвой ко Всевышнему: “Грядем во Имя Твое, Спаситель наш, Иисус Христос, в путь. Благослови творение Твое и помилуй...”»[15]. Так же и само приготовление к плаванию помора начиналось не с рыбацких снастей, а с укладывания в карбас под транец чистой белой рубахи — «на смерть».

«Сегодня в море отправляюсь,
Быть может, завтра ворочусь,
Кладу земной поклон иконам,
Молитву Богу воздаю.
С родными обнимусь, прощаясь,
И крепко руки им пожму:
Сегодня с ними я видаюсь,
А завтра уж не быть сему.
Морска волна меня закроет,
И Богу душу предаю...»[16]

Таков дух поморской веры и такова мудрость ясного понимания быстротечности нашего земного бытия. Эти бесхитростные стихи оставлены Иаковом Редькиным, поморским рыбаком, жившим в XIX веке. В марте месяце 1898 года он последний раз вышел в море «на тюленя» и попал в тяжкий шторм. Сумел доплыть до скал и дотащил до берега своего изнемогшего товарища, сам же скончался в полосе прибоя. Было ему тридцать семь лет от роду.

Современному мореплавателю уже довольно трудно проникнуться тем спасительным духом чистой веры и в полной мере постичь глубочайший смысл и саму духовную суть «хождения в море», сокрытую в поморской пословице «Без моря Бога не узнаешь»[17]. Несравнимо реже выпадает нынешнему моряку эта очистительная возможность столкнуться с вечностью, открыто взглянуть в пустые глаза смерти, осознав внезапно, что наступает время попрощаться с этим миром, где ты, наивный, думал так прочно обосноваться. Это тот единственный момент истины, когда, заглянув в свою душу, каждый ужаснется, что вовсе не готов предстать пред своим Отцом Небесным, дабы дать Ему ответ за каждый день

[14] Немирович-Данченко. Страна холода: виденное и слышанное. СПб., 1885. С. 218.

[15] Ушаков И. Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 1997. № 2. С. 59.

[16] Материалы по статистическому исследованию Мурмана: Описание колоний восточного берега и Кольской губы. СПб., 1902. Т. 2. С. 114.

[17] Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. СПб., 1997. С. 20.

этой иссякающей ныне жизни, которую Он тебе некогда дал, позволив ее пожить.

Океанские лайнеры и многопалубные паромы, могучие рыболовные траулеры и грозные военные крейсера порождают опасную иллюзию защищенности от всевластия морской стихии, а равно и печальное и пагубное для души всецелое доверие технике и упование лишь на свои немощные силы. И тогда вразумляет Господь глупого и самоуверенного нынешнего человека, и возводит Он то морскую волну, от которой нет спасения сотням тысяч людей, или попускает гибель суперсовременного и сверхнадежного подводного крейсера, погружая в скорбь, слезы и горестные размышления многие миллионы россиян.

Надо прямо сказать, что эти духовные утраты проникли в сердца людей не как результат наступления века так называемой «научно-технической революции». Человеку, живущему вдалеке от «сакрального пространства» Крайнего Севера, представляется полным безумием то спокойствие, с которым помор воспринимает пришедший к нему смертный час. Так называемый «цивилизованный и просвещенный» человек, оказавшийся в поморском судне на море в такую минуту испытания, видя несуетливое приготовление поморов к смерти, абсолютно искренне полагает, что именно его панические вопли и метания позволили «растерявшимся рыбакам» добраться до берега. «Выскочив из будки, я застал весь экипаж корабля в полной панике, кормщик малодушно потребовал от жены “смертную рубаху”, вследствие чего я принял командование на себя…»[18] и так далее следуют тому подобные смехотворные свидетельства неадекватного восприятия поведения поморов со стороны человека XX века, оказавшегося вместе с ними в северном штормовом море.

Так же было и в те же давние, нелукавые времена, когда на небольших карбасах, лодиях и шняках, «шитых вицею»[19], уходили на тяжкий промысел современники Варлаама, дабы в бушующем море обрести веру, познать Бога и открыть для себя смысл великой тайны жизни и смерти.

«Научен книгам…»

Мальчик Василий, согласно Житию, *«научен бысть книгам»*, то есть, другими словами, получил хорошее образование, что, прямо скажем, было большой редкостью для того времени. Так, например, его современник

[18] Таратин П. А. Терский берег // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 5. С. 13.

[19] Деревянные доски корпусов лодок соединялись, «сшивались» между собой тонкими древесными корнями — «вицею». «Вица приготовляется из молодых побегов черемухи, березы, ивы». Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 26.

и друг преподобный Трифон Печенгский сам признавался, что *«невежда есмь и малокнижен»*[20], хотя происходил из семьи священника и не из столь удаленных мест, как село Кереть[21].

Кто же мог позаботиться о мальчике, дабы *«научен он бысть книгам»*? Да и где в то время на Поморье могли быть эти самые *«книги»*? Конечно, были уже в селе Керети Соловецкие монахи по варницам и тоням, однако в начале XVI века «книжность» их самих была, прямо скажем, невелика. Население же этих мест по уровню образованности мало отличалось от жителей всей земли Российской в те времена. «Земля, господине, такова, не можем добыти, кто был бы горазд в грамоте», — так возражали архиепископу Новгородскому Геннадию сельские прихожане на его нежелание рукополагать в священники неграмотных кандидатов[22].

Автор старообрядческого «Слова о житии преподобного Варлаама…» прямо указывает, что юный Варлаам «и во училище убо ходя книгам обучался»[23].

Думается, невозможно будет ответить на вопрос о том *«научении книгам»* и тем более об «училище», где мог бы постигнуть книжную науку отрок Варлаам, если мы не обратимся к Житию преподобного Феодорита Кольского. Тогда, в конце XV века, благословением святителя Геннадия Новгородского и попечением игумена Соловецкого монастыря Досифея была организована активная работа по списанию древней рукописной книги для библиотеки Соловецкого монастыря. С колоссальной проблемой недоступности святоотеческих творений и со всеобщей богословской беспомощностью Русская Православная Церковь напрямую столкнулась в 80-х годах XV века, когда оказалась не готовой полемически бороться с небывалой опасностью — коварной «ересью жидовствующих».

По инициативе новгородского владыки Геннадия одним из центров по восполнению этой потребности в книжном слове для монахов Соловецкого монастыря стал находящийся на материке Шуерецкий скит. Здесь, в этом уединенном месте, уже немалое время подвизался наставник и учитель Феодорита *«пресвитер свят, премудр и многолетен»* иеромонах Зосима.

У этого старца Зосимы в Шуерецком погосте Феодорит пробыл *«в послушании духовном»* целых семнадцать лет, стяжав за это время *«всякой духовной премудрости, и взойдя ко преподобию по ступеням добродетели»*[24]. Именно здесь он, как и многие другие юные монахи и послушники, формировался как книжник и богослов, в полной мере впитывая всю му-

[20] Житие преподобного Трифона Печенгского просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 97. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Житие прп. Трифона. — **Прим. ред.**)

[21] «Близь града Торжка… рождение имел от освященных благочестно живущих родителей». Там же. С. 96.

[22] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 104.

[23] «Слово историческое…» Л. 300.

[24] Курбский. С. 325.



Вид на комплекс церквей села Шуерецкое в конце XIX века

дрость святоотеческих творений. Можно сказать, вся Соловецкая библиотека проходила через их трудолюбивые руки, жаждущие души и пытливые умы[25].

Конечно же, все Поморье знало об этом центре русской книжности, что так чудесно образовался на реке Шуе. Так что мальчик из Керети именем Василий именно здесь, у старца Зосимы и Феодорита, постигал книжную премудрость и вскоре *«научен бысть книгам»*.

Здесь и произошло знакомство будущего Варлаама из Керети с великим Феодоритом Кольским, определившее как дальнейшую судьбу керетского подвижника, так и многие события духовной истории нашего края.

Сам Феодорит покинул этот скит в 1511 году — *«изыде из того монастыря за благословением старца своего, на созерцание… за Волгу реку, в тамо сущие великие монастыри»*[26]. То есть отправился к знаменитым заволжским старцам, тогда еще безбоязненно жившим по Уставу преподобного Нила Сорского. Здесь нашел он среди них множество *«храбрых воинов Христовых, иже воюют сопротив начал властей темных, миродержцев века сего»*[27].

Времена были благоприятные. И хотя к тому времени старцы уже выступили на соборе 1503 года со словом о неприличии монастырям владеть землями и крестьянами, однако до гонений на монахов-заволжцев 1553–1554 годов было еще далеко.

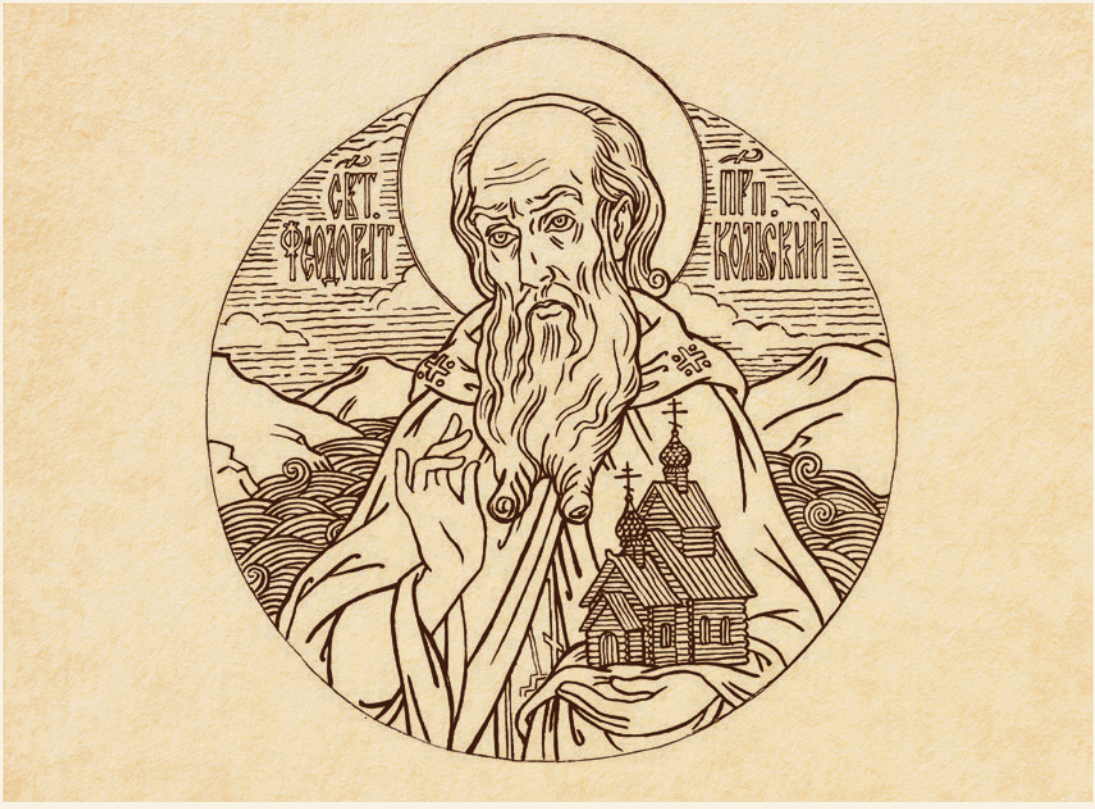
---

[25] «По описи 1514 года, “в казне” при Никольской церкви хранилось 127 рукописей». (Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 93.) Подробно об этом см.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. М., 1977.

[26] Курбский. С. 325.

[27] Там же. С. 335.

ГЛАВА II



Кола

Возвращение Феодорита

Вновь вернуться на берега Белого моря, в Соловецкий Шуереченский скит, из столь полюбившегося Феодориту Заволжья понудил Феодорита его духовный отец. В 1518 году он неожиданно получает письмо от своего *«многолетнего святого старца»* Зосимы, который, *«провидев свое отшествие к Богу»*, просит его вернуться в скит, дабы *«послужить в немощах его»* последние дни.

Феодорит немедленно отправляется в столь далекий путь по *«великим и непроходимым пустыням, и придя с болезненными ногами»* к Зосиме, *«обнимает многолетнего святого старца и лобызает и целует пречестнейшие его седины пресвитерские и пребывает при нем, служа ему в немощах и недугах его»*, вплоть до самой кончины старца.

Именно в это время здесь, в Шуереченском скиту, Феодорит тесно общается и с отроком Василием, будущим Варлаамом. Как мы помним из его Жития, *«во училище, убо книгам обучался»*. Вряд ли можно предположить

существование в то время на Поморье иного места, которое можно было бы назвать «училищем»[1].

Старец-витаман Шуереченского скита отец Зосима, призывая из странствий своего ученика Феодорита, кроме всего прочего, предполагал, что тот станет преемником в его весьма немалом теперь монастырском хозяйстве и в этом «книжном училище». Но Феодорит к тому времени уже в полной мере *«разжегся желанием пустынного безмолвного жительства»* и уклонился от перспективы посвятить себя начальственным попечениям над стремительно растущими монастырскими угодьями.

Так что, похоронив вскоре, в 1519 году, своего духовного отца и вняв его последнему напутствию о хранении обетов монашеских и заветов отцов-основателей, покинул Феодорит родной погост на Шуе-реке, дабы приступить к главному делу своей жизни — просвещению Великой Лапландии. *«На кораблеце великою рекою Колой[2] яже впадает своим устьем в Ледоватое море»* добрался он до *«глубоких варваров, лопарей диких»*. Здесь, в районе рек Колы и Туломы, *«восходит он на горы высокия, их же нарицает Святое Писание ребра Северовы»* и вселяется в *«тех лесах пустынных, местами непроходимых»*, срубив себе келью.

Через несколько месяцев Феодорит встречает здесь еще одного удивительного пустынника, *«одинокого старца, Митрофан было имя ему»*. Отшельник этот жил тут уже около пяти лет. Этим *«старцем Митрофаном»* был не кто иной, как будущий великий Трифон Печенгский, еще в мирском чине пребывающий.

Таким образом, именно в 1519 году произошло событие, ознаменовавшее начало принципиально нового этапа в истории православия на Кольском Севере, ибо состоялась встреча преподобных Феодорита Кольского и Трифона Печенгского. Встретились два великих делателя на ниве Евангельского просвещения, два избранника, сумевших коренным образом изменить судьбу этого обширного края, древних земель Великой Лапландии.

При всей очевидной внешней несхожести этих двух подвижников, этих двух величественных фигур и самобытных характеров ими был явлен удивительный союз единомышленников, верных соработников в великом деле оглашения языческих племен Крайнего Севера. Крещение «лопи дикой», строительство церквей и монастырей привело в конечном итоге к реализации величественного замысла царя Иоанна Васильевича Грозного о присоединении земель Кольского Севера к державе Российской.

---

[1] Отголоском существования того древнего книжного «училища» можно считать записанные воспоминания стариков села Шуерецкого: «в Шуерецкой Никольской церкви, сгоревшей в 30-х годах, хранилось очень много старинных книг, в том числе даже пергаментное Евангелие». Дмитриев Л. А., Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // ТОДРЛ. Т. XIX. М.; Л., 1962. С. 415.

[2] «Великая река Кола» — исторический водный путь, соединявший Кольский и Кандалакшские заливы (Белое и Баренцево моря). Ныне из-за постоянного тектонического поднятия поверхности Фенноскандии (Северо-Запад Европы) этот некогда «великий морской путь» распался на отдельные озера и небольшие речки.



Трифон

«Сей святой великий проповедник и пустынный житель преподобный отец Трифон рождение и воспитание имел в Новгородских пределах, близь града Торжка, от священных и благочестиво живущих родителей», что на современном языке означает, что будущий святой был родом из семьи священника.

Родившийся в июне месяце 1485 года и получивший в крещении имя Митрофан[3], будущий великий святой Русского Севера с раннего детства *«взирая на праведное пребывание родителей своих и подражая благочестию их»* был для них великим утешением, ибо рос *«изрядным постником, кротким и милостивым»* мальчиком.

Шли годы, и вскоре всем стало очевидно, что юноша этот от рождения награжден богатырским телосложением, исполинской силой и отменным здоровьем.

По традиции того времени сын попа должен был следовать по отцовским стопам и продолжить священнический род. Однако приложиться ко стезе своих предков Митрофану не прилучилось. Статный и видный, но и скромный

[3] В честь свт. Митрофана, первого Патриарха Константинопольского († 325). Память 4 июня.

отрок из благочестивой семьи приглянулся кому-то из местных торжковских князей или бояр, может быть и самому *«наместнику великокняжескому Василию Китаю»*[4]. Так или иначе, Митрофан был взят прислугой в богатый дом присматривать за боярскими детьми. Конечно, это было большим облегчением для родителей Митрофана, поскольку «содержание приходского духовенства в то время было чрезвычайно скудное».

Так юный Митрофан оказался оторванным от родной семьи, от благочестивых традиций и скромных обычаев. Живя в боярском доме, Митрофан приобщался иного духа, иных приоритетов, ибо в те времена первой обязанностью мужчин высшего сословия была военная служба и ратные подвиги. Войны, как с соседями формирующегося Московского государства, так и «междоусобные брани», являлись обычным фоном жизни на рубеже XV—XVI веков. Сам Торжок, родной город Митрофана, не так давно, в 1478 году, был «повоеван» московским князем Иваном III в составе всей Новгородской вольницы.

Набиравшая силу молодая Московская Русь утверждала себя как внутри страны, так и на ее границах. Государь и Великий князь Василий Иванович воевал с Казанью, Литвой, Швецией.

Война с последней то угасала, то разгоралась. Громадные северные территории Ижоры, Карелии, Ботнии, Каяни и Лапландии имели весьма неопределенные линии границ с установленным еще древними новгородскими князьями и норвежскими конунгами статусом так называемой «двоеданности». Создавать здесь постоянные поселения и строить укрепления запрещалось текстами соответствующих договоров: *«Ни мы, ни вы не должны сооружать укреплений, ни в Русии, ни в Карелии»*.

Однако простой народ, как с восточной, так и с западной стороны, видя великое природное богатство края и не обращая внимания на договорный статус этих земель, стремился прочно обосновываться здесь. Беззащитность таких поселений привлекала с обеих сторон множество разбойного люда, жаждавшего легкой добычи. «Право сильного», беззаконие, убийства и грабежи были обычным фоном жизни этих мест, постоянно тлевших очагами вооруженных конфликтов, временами переходящих в настоящие войны, часто напоминавшие карательные экспедиции.

В 1505 году по завещанию Ивана III большая часть земель российских и богатые города отходили к его сыну, новому Великому князю — Василию III. *«Торжок в Новгородской же земле… Карельскую землю всю со лопью, с лешею и с дикою»* получал в свою вотчину новый государь Российский. Воеводы и дружинники торжковские по долгу государевой службы ходили *«воевать шведа и каянских немцев»*, наводя порядок на спорных границах *«земли карельской»* и *«до лопи дикой»*.

[4] Князь Василий Федорович Шуйский по прозвищу Китай († 1496).

В ДРУЖИНЕ БОЯРСКОЙ

Вскоре с дружиной боярской стал хаживать в это вечно неспокойное приграничье и юный Митрофан. Так формировался он *«в мужа зело храброго и искусного в богатырских вещах»*. Имея отменные физические данные и чувствуя в себе особые способности к войне — этот редкий и жестокий талант профессионального воина, Митрофан вскоре уже не мог жить без ратной работы, без упоения боем, схватками и победами. Эта была особая всепоглощающая страсть, ненасытная жажда очередного опьянения риском борьбы, запахом крови и смерти. Он все больше упивался своей богатырской силой и той неукротимой, бешеной яростью, которая всякий раз вздымалась в нем при виде противника, порождая неудержимое, почти звериное желание уничтожить всякого, кто посмеет встать на его пути.

Временами Митрофан начинал понимать, что в такие моменты он перестает быть самим собой, не отвечает за свои поступки, не владеет своими чувствами. Его товарищи по ратному делу уже старались держаться от него подальше, а старые воины сокрушенно качали головами: «Нельзя позволять “зверю” взять над собой власть, сила “зверя” погубит душу воина».

Но воин Митрофан уже не мог, да и не хотел отказываться от этой силы. Он уже ни за что не согласился бы опять стать таким, как все. Он — выше всех, он имеет то, чего нет у других, и пусть все боятся и уважают его. Он гордится собой, он лучший, ибо нет равного ему. Он — избранник «богов».

Во всем мире было лишь одно живое существо, о котором не забыл в своем горделивом одиночестве воин Митрофан и при воспоминании о котором теплело его сердце и смирялся его жестокий нрав. Дочь боярская, девочка Леля, еще недавно росшая под его присмотром, неожиданно превратилась в милую барышню. И вскоре стало понятно, что девица Елена решительно завладела сердцем сурового воина. Чудным образом ее доброта и скромность преображали душу Митрофана, исцеляли его ожесточенное сердце. При встрече с ней воспоминания детства пробуждались в его памяти, возвращая к иным временам, когда *«взирал он на праведное пребывание родителей своих и подражал благочестию их»* и старался *«паче прилеплятися Богу, посещая церковь святую Его»*.

И Елена помнила еще другого Митрофана, доброго и застенчивого юношу, пришедшего жить в их дом, в которого влюбилась она, будучи совсем еще ребенком. Она чувствовала, как болеет душа ее избранника, какие темные силы владеют ее возлюбленным богатырем. Впрочем, она и сама была уже как в горячке, чувствуя, что не в силах свернуть с этого погибельного пути, преодолеть власть страсти.

Юные влюбленные хорошо понимали, что надежды безродному воину добиться руки благородной Елены нет никакой. Сильнейшие чувства, взаимные и всепоглощающие, не оставляли им выбора. Роковое решение было принято: бежать вдвоем из боярского дома, пока не раскрылась их тайна



и гнев родителя не разлучил бы их навсегда. В Шведском приграничье, в Остерботнии и Каяни, по-прежнему было неспокойно. Митрофан хорошо знал эти края. Знал он и те глухие потаенные места, где обитают свободные, лихие люди: бывшие воины, беглые крестьяне, провинившиеся холопы-сбои. Именно туда устремились беглецы добыть себе имя и воинскую славу, дабы вернуться с повинной да с богатой добычей и, может, тогда упросить отца Елены благословить их брак.

Эти районы Остерботнии, Каяни[5], где самовольно селились финны, были те самые «восемь рек», которые совсем недавно, в 1497 году, «повоевал» Иван III и жителей одной из этих рек — Лименги — даже привел в подданство России. Незаконность этих поселений на территории, считавшейся ничейной, провоцировала их разорение с российской стороны. Считаясь подданными Шведской короны, эти финские поселения, не имея официального статуса, не могли рассчитывать на государственную помощь и защиту.

То, что мог делать дружинник Митрофан на войне по воле Великого князя, теперь он надумал творить по своей воле, может, и не до конца уяснив, что теперь он не воин государев, а разбойник-душегуб.

Все точки над «i» расставило заключенное в 1510 году перемирие со Швецией сроком на 60 лет. Назад пути не было — воин Митрофан превратился в главаря шайки разбойников. И «много разбойники пролили крови честных христиан».

Атаман Митрофан

Скоро по всему побережью Ботнического залива заговорили о страшном атамане, который со своими друзьями-подельниками подмял под себя все финские и карельские селения края. Исполинская сила и неукротимая ярость атамана Митрофана не знали пощады и не терпели преград. Огнем и мечом подчинил он этот богатый край своей жестокой единоличной воле. Безжалостно и не сомневаясь творил он суд и расправу над каждым, кто вставал на его пути, осмелившись усомниться в его превосходстве.

Единственной и последней надеждой на спасение была возможность получить заступничество со стороны его «царицы Елены». Неумолимый атаман никогда и ни в чем не отказывал ей, просто не мог отказать, поскольку горячо и нежно любил Митрофан эту милую целительницу его мятущейся и искалеченной души.

Любовь соединяла этих молодых людей, но это была горячечная страсть, плотское влечение, не освященное церковной благодатью. В общем, «днем с полюбовницей тешился, ночью набеги творил». Кровь

[5] Остерботния, Каянь — финские земли на восточном побережье Ботнического залива.

и грабежи, беззаконие силы и неправедное богатство, обильные трапезы с винными возлияниями все безжалостнее искажали облик Митрофана, неумолимо уродуя его душу.

Голландский путешественник Симон ван Салинген много позже запишет рассказ самого Митрофана (к тому времени уже Трифона) о том периоде его жизни: «Много народу ограбил и разорил он на границе и много крови пролил»[6]. Елена, как повествует предание, всячески старалась сдерживать буйство Митрофана: «Пользуясь своим влиянием на удалого атамана, она часто спасала многих людей от смерти и укрощала его дикий нрав»[7].

Сколько продлилась эта их «вольная» жизнь? Видимо, недолго. Приближалась неизбежная развязка. Завершался 1513 год. Тяжесть содеянного, груз грехов становились все невыносимее. Невинно пролитая кровь взывала к небу об отмщении. Митрофан искал забытья в спиртном, которого требовалось все больше. Напиваясь, он все чаще терял контроль над собой и порой уже был не в состоянии отвечать за свои поступки. Елена, отчаянно пытаясь удержать своего возлюбленного от дальнейшего падения, все чаще убеждалась в своем бессилии. Автор древнего Канона, посвященного Трифону, от его лица описывает состояние души разбойника: *«отвержен бо был во глубину сердца морского зол моих».* Здесь автор отсылает нас к словам пророка Ионы, который далее сказал: *«отринут я от очей Твоих» (Ион. 2, 5).*

И вот на одной из очередных попоек некий юноша, «слуга Митрофана, был обвинен товарищами в измене»[8]. Не разбираясь, в хмельной ярости атаман схватил топор, намереваясь казнить «изменника». На пути его встала Елена, призывая опомниться и не творить беззаконие. Но в этот раз кротость и доброта Елены не смирили безумца. Вдобавок кто-то из его подельников усмехнулся: «Чего это так защищает, уж не полюбовница ли его?» Дикая ревность помутила рассудок Митрофана — взмах топора — и Елена упала бездыханной к его ногам[9]...

«Беззакония моя превзыдоша главу мою... яко бремя тяжкое отяготеша на мне» (Пс. 37, 5). Наступила катастрофа. Та, ради которой ушел Митрофан в жизнь беззаконную, та, которая заменила ему все — веру, благочестие и любовь к самому Господу, ныне бездыханна и погублена его же руками. Свершилось правосудие Божие, ибо *«нечестивого и любящего насилие ненавидит Господь, дождем прольет Он на нечестивых горящие угли, огонь и серу. Палящий ветер — его доля из чаши» (Пс. 10, 5; 6).*

---

[6] Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 302.

[7] Печенгский монастырь, ныне исчезнувший с лица земли. Предание, добавленное архивными данными. Изд. Т. Ф. Кузина. СПб., 1893. С. 3.

[8] Фрисс Я. А. Печенгский монастырь в Русской Лапландии // Вестник Европы. СПб., 1885. С. 262. (Далее ссылки на этот источник будут обозначаться: Фрисс. Печенгский монастырь. — **Прим. ред.**)

[9] Предание норвежских лопарей уточняет: «...Он метнул топор в тех, кто противился его воле, молодых и непокорных, и попал в голову Элине» (St. Georg'sGreskorthodoxeKapell. Kirkenes, 1978. P. 9).

Божий призыв

Глубочайшее потрясение и скорбь овладели душой протрезвевшего разбойника. Нигде не находил он себе ни пристанища, ни покоя. Изнемогая от душевных мук, с трудом забываясь в горячечном сне, он вновь и вновь видел пред собой свою Елену. Его возлюбленная неотрывно смотрела в его глаза, звала к покаянию. Она плакала вместе с ним, скорбя о погибели его души. «Обратись ко Господу, — вновь и вновь звучал в голове Митрофана родной голос, — ты не обретешь мира и покоя ни в этой жизни, ни в загробной, пока не принесешь Богу достойный плод покаяния»[10]. Небывалые чувства захлестнули душу Митрофана. Милосердный Господь протягивал ему Свою руку спасения. Плач горького раскаяния, ужас осознанных тяжких грехов и бесконечное сожаление о кровавых беззакониях прежней своей жизни глубоко потрясли душу бывшего разбойника.

Бросив все свое богатство, оставив своих подельников, не прощаясь и не оглядываясь, грозный атаман пошел прочь от своей прежней жизни. Как пишет в Каноне об этих переживаниях будущего Трифона его современник: *«возненавидел он мира сего наслаждение».* И возопил ко Господу: *«Да не погрузит мене буря водная, ни же да пожрет меня глубина. Лютыми страстей наветы обуреваем есмь и прилоги греховными погружаем».*

Ища спасения от этой непомерной душевной скорби, шел Митрофан прочь, куда глаза глядят. Не разбирая дороги, он двигался все дальше, на Север, в глубь нехоженых, пустынных мест, осуждая себя на тяжкие испытания, изнуряя и терзая свое грешное тело голодом, холодом, зноем, мошкарой, ежедневной угрозой смерти от дикого зверя и всем прочим, чем так богата суровая северная земля. *«Бездомно и бескровно, по лесам и по горам, и в пропастях земных скитался, странствуя».* По сути, он искал себе смерти как избавления от этой сердечной муки и не находил ее.

Все, что раньше тешило его самолюбие, радовало и являлось его гордостью, стало ненавистно. Богатая одежда, дорогие ткани и белье, все, что так потакало страстям Митрофана, было отвергнуто навсегда. Отныне он вовсе отказался носить белье, грубое рубище — вот что заслуживала теперь его грешная плоть. Металлический обруч-вериги, оковавший Митрофана как гнусного преступника перед Богом и людьми, отныне заменил ему шитый золотом и украшенный драгоценными каменьями пояс, на котором носил он свое разбойное оружие.

Он шел все дальше и дальше на Север, по безлюдной *«непроходной, дальней стране».* Рыба и дикие коренья отныне были его пищей. «Никакого питья, в котором есть хмель, ни мяса вкушать более он не смел»[11] — таков был его обет перед Господом. «И вдали от всех людей, в пустыне, среди диких зве-

[10] St. Georg'sGreskorthodoxeKapell. P. 9.

[11] Печенгский монастырь, ныне исчезнувший с лица земли. С. 3.

рей каяться перед Богом», — так сам Трифон завершил рассказ голландскому путешественнику о своей грешной юности[12].

Плач и покаяние

Это был 1514 год. Двигаясь на Север известным торговым путем вдоль рек Норботнии, через озеро Энаре вышел Митрофан к устью реки Паз, к знаменитому Варяжскому заливу, к Варангер-фьорду. Дальше пути не было, перед ним простиралось великое студеное море-океан. Так *«прииде Преподобный на Приморие великого моря-окияна, в часть Норванския земли».*

Наступил долгий и изнурительный период тяжких душевных мук Митрофана, его сердечного плача и горького покаяния. *«Непрестанно во слезах и молитвах и в сокрушении сердца пометал себя о землю перед Богом»* — тяжкие грехи и слезное покаяние *«пометает»* его, могучего воина, на *«землю перед Богом»* в сокрушении сердца. Это припадание к земле, *«пометание о землю»*, неизбежно сопровождает каждого человека, ставшего на путь глубокого раскаяния, острого переживания своей греховной немощи, предельного сокрушения сердца о своих грехах. «Когда на меня находил соблазн похоти, то я повергалась на землю и обливалась слезами… Поверженная на землю, я не вставала день и ночь, пока свет не озарял меня и не отгонял смущавшие меня мысли»[13].

Митрофан тяжко страдает, но мужественно несет свой покаянный крест, и нет для него пути назад, к прежней греховной жизни. *«Невозвратно шествовал ведущими к небеси стезями, отче, преподобне Трифоне,* — пишет автор древнего Канона, — *от злых ведущих до конца уклонился еси».*

Брань духовная

«Так прожил он значительное время, вовсе не видя людей, не ел ничего, кроме рыбы, которую сам ловил, кореньев и ягод, которые собирал в лесу»,[14] — запишет позже голландец Салинген рассказ преподобного Трифона.

Это добровольное скитание и аскеза, которые претерпевал Митрофан, и спасительные перемены, что постепенно совершались в его душе, не могли

[12] «Трифон (Triffaen) рассказывал о том, как он начал строить монастырь в Монкенфьорде, что побудило его к этому и как он до этого дошел и проч. …Много народу ограбил и разорил он на границе и много крови пролил, в чем раскаялся и о чем горько сожалел». (Цит. по: Филиппов. Русские в Лапландии. С. 302.)

[13] Житие прп. Марии Египетской. Жития святых, изложенные по руководству Четьих Миней Св. Димитрия Ростовского. М., 1906. Кн. 8. С. 17.

[14] Филиппов. Русские в Лапландии. С. 302.

не породить яростное противодействие темных сил преисподней в виде тяжелых и *«бесчисленных пустынных страхований»*. Об этих переменах, происходящих в душе бывшего разбойника, свидетельствуют строки древнего Канона: *«Страстное поработил еси плотское мудрование и горшее покорил еси лучшему, отче преславне, сокрушил еси выя бесам»*.

Нестерпимо было князю бесовскому, торжествовавшему уже свою окончательную победу над Митрофаном, видеть эти очистительные слезы и молитвы кающегося грешника, предчувствовать, что зреет грозный воин Христов, стойкий боец с древней нечистью этих мест. И враг яростно нападает на Митрофана устрашающими видениями бесовскими. *«В пустыни бесчисленно принял от бесов и от всяких пустынных страхований… препятствия»*.

Жития соловецких подвижников того времени подробно описывают виды и образы действия сил бесовских в таких «пустынных страхованиях». Пустынная нечисть является подвижнику в первые год-два в виде разбойников, «черных диаволов», воинов в доспехах, женщин в прекрасных одеяниях или в жутком образе иных слуг князя тьмы. Сначала угрожают и пугают подвижника, требуя покинуть им принадлежащие земли. В дальнейшем возможны и тяжкие побои, и мучения, даже до полусмерти. При таких жестоких нападениях неизменно являлась помощь от Господа в виде благолепных старцев (обычно почивших подвижников этих мест) либо светозарных юношей-ангелов, которые исцеляли и ободряли претерпевшего.

Много позже, в 1568 году, Трифон расскажет голландскому путешественнику о тех годах и поведает, что для своего уединения «он в одном месте, вверх от Монкенфорта (Monchenfort — Форт Монахов), построил небольшую келью, взял с собой иконы, перед которыми молился Богу, прожил там значительное время, вовсе не видя людей»[15]. Многое еще должно было свершиться в грешной душе разбойника, пока не призовет его Господь на главное дело его жизни, на Евангельскую проповедь. Ну а пока что, как пишется в Каноне, будущий святой совершил дело непростое — *«разгнал страстей мрак»*. Одиночество и пустыня — его земной удел: *«преподобный отец Трифон в той непроходной дальней стране был един пришелец»*.

Конечно, Митрофан не мог не сталкиваться с аборигенами края — лопарями и биармийцами (приполярной чудью). Но первые годы общения Трифона с этими местными народами, его переговоры с ними сводились лишь к нехитрым житейским надобностям. Как формулируется это в древнем тексте: к *«беседам о куплях»*. Этот период совместного мирного проживания, изучения нравов, быта и языка был очень важен для будущего проповедника. Словарный же запас элементарных понятий Митрофан уже имел, поскольку предыдущая его «жизнь и деятельность» так или иначе была связана с Лапландией.

В этой связи явлением особого Промысла Божьего о Митрофане как о будущем Трифоне и знаковым событием его жизни явилась встреча в 1519 году со своим будущим духовным наставником и учителем Феодоритом.

[15] Филиппов. Русские в Лапландии. С. 302.

Феодорит и Трифон

С юных лет «разжегшийся желанием пустынного жительства», готовящий себя к просвещению «глубоких варваров, лопарей диких», Феодорит явился тем носителем Божественного гласа, который открыл старцу Митрофану его новое предназначение, промысел Господа о его новом поприще. Отныне не только личное спасение через покаяние и плач о своих тяжких грехах юности, но и сердечное сокрушение о грехах ближних, пребывающих во тьме языческого нечестия. Милосердная забота о просвещении народов сущих во *«мраке тяжкого идолобесия»* — есть удел отшельника Трифона.

Но начало пути православного подвижника и просветителя — это постижение науки «умного молитвенного делания», стяжание Святого Духа и обожение плоти для «спасения самого себя», дабы «вокруг могли спастись тысячи». Самый прямой путь к этому стяжанию, а также к обретению премудрости Божественных откровений лежит через опыт непосредственного Богообщения в Фаворском свете нетварных энергий.



Районы монастырского строительства на Кольском Севере (первая половина XVI века)

1 — Свято-Троицкий монастырь «первоначальный» прп. Трифона — 1532 год.
2 — Кольский Свято-Троицкий монастырь прп. Феодорита — 1540 год.
3 — Кандалакшский Рождества-Богородичный монастырь прп. Феодорита — 1550 год.



Около пяти-шести лет постигал Трифон эту великую науку, пребывая «вкупе» с Феодоритом и научаясь «священнобезмолвию» в иноческом житии. Примерно к 1524 году учитель Феодорит почувствовал, что Митрофан достаточно укрепился духом и вполне готов к самостоятельной Евангельской проповеди среди язычников. Стало понятно, что они уже могут разделиться и приступить к оглашению лопарского народа в двух различных районах его обитания.

Феодорит направился с проповедью в районы реки Нивы, к Кандалакшскому заливу, в места обитания Лешей Лопи и Лопи Верхней Земли. Здесь уже в 1526 году он добивается видимых успехов, строит церковь и готовит многих «лоплян ко крещению»: «К жителям Киндолажской губы, или лопарям, Великий князь посылал священника и диакона. Сии, нашедши у них много уже знания о христианстве, вскоре многих крестили и воздвигли храм во имя Рождества Иоанна Крестителя и в память духовного рождения крестившихся»[16].

Митрофан же возвратился в места своих первоначальных покаянных мытарств — в район реки Печенги, там, где он *«окрест этой реки Печеньги, бездомно и бескровно, по лесам и по горам, и в пропастях земных скитался».*

Здесь, на *«приморие великого океана»,* Митрофан, *«разжегшийся желанием»* просветить светом веры Христовой печенгских лопарей, приступил к Евангельской проповеди и *«в том Благовестии святый муж доброго желания потрудился немало лет».*

«Церковь Николы в Колском граде»

Наиболее древние церковные строения на Кольском полуострове, или хотя бы уцелевшие «церковные места», практически неизменно были связаны только с именем святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. Подобная стойкая традиция этих мест есть результат целенаправленной деятельности Николо-Карельского монастыря, основанного в конце XV века преподобным Евфимием Карельским на месте нынешнего города Северодвинска.

В то время Новгородская республика активно и практически безраздельно владычествовала здесь, на Крайнем Севере. Миссионерское освоение этих земель преподобным Евфимием и его учениками осуществлялось путем созидания на побережьях Кольского полуострова церквей и скитских монашеских поселений. Причем все эти церкви воспринимались как «дочерние» Свято-Никольского монастыря и потому освящались в честь святителя Николая Чудотворца. Эта интересная особенность нашла отражение и в широко известной поговорке «От Холмогор до Колы тридцать три Николы». Хотя надо признать, что уже к XVI веку справедливость этой поговорки

[16] Начертание Церковной истории от Библейских времен до XVII века. Отд. II. СПб., 1877. С. 440.

можно было оспорить, поскольку в течение XV века большинство этих «Никол» были уничтожены набегами «норманнов».

Никольская же древняя часовня, которую Феодорит обнаружил здесь еще в свой первый приход в 1519 году, уцелела, и было решено перестроить ее в зимнюю церковь. Так, помимо новой и большой летней Благовещенской церкви, в Усть-Коле появилась и маленькая зимняя Никольская церковь.

Священноинок Илия и иеродиакон Феодорит, конечно же, похлопотали и о том, чтобы освященные церкви в Коле, столь щедро снабженные Великим князем Московским всем необходимым для службы, не остались «без пения». И вот вскоре Новгородский Владыка рукоположил в священный сан первого настоятеля этих церквей — иерея Иоанна. Как сообщается в «Архангельском патерике», *«первый и единственный священник в Коле стал быть 6 декабря 1533 года»*[17].

Этот *«первый священник в Коле»* — *«белый поп Иоанн»* — будущий иеромонах Иона, сопостник преподобного Трифона и первый преподобномученик при разорении монастыря[18].

В дальнейшем именно здесь, в *«Колском граде в церкви Николы чудотворца»*[19], и будет служить, сменив Иоанна, уроженец *«Керетской волости»* поп Василий, будущий преподобный Варлаам Керетский — несгибаемый подвижник и воин Христов.

Поп Иван, предшественник попа Василия

Из каких мест на служение в Колу был приглашен белый поп Иоанн, можно высказать одно предположение. В древнем Синодике Соловецкого монастыря существовала отдельная страница, куда записывались «поминовения многих монастырей иноков». Естественно, вносились туда имена особо памятных угодников Божьих. Так, в списке можно увидеть имена, по-видимому, печенгских мучеников: «игумен Гурий», «инок Герман» и также «священноинок Иона из Варзуги»[20]. Так что не исключено, что известный северный подвижник, в течение пятидесяти лет служивший при преподобном Трифоне, преподобномученик Иона Печенгский, был родом из древнейшего поселения Терского берега Кольского полуострова — села Варзуги.

Итак, в *«волостке Коле»* появился поп Иоанн с матушкой. *«Супруга же роди ему дщерь. По рождении же оному непросвященному младенцу*

[17] Никодим (Кононов), иеромонах. Архангельский патерик. 1901. С. 224. Сн. 17 к с. 224. При этом источник информации автором не оговаривается.

[18] Преподобномученик Иона Печенгский прославлен в Соборе Кольских Святых в 2003 году.

[19] Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского. ТОДРЛ. Л., 1970. С. 191.

[20] Архив рукописей Государственного музея истории религий. Вечный синодик Соловецкого монастыря. Колл. 3, оп. 1, д. 392. Л. 39.



прилучися зело болеть, и по общему совету с супругою крестиша ее»[21]. Так повествует рукопись Печенгского монастыря № 3 и далее добавляет: *«и тоя ради вины остави супругу и дщерь в дому и отъиде во обитель святого и бысть ему ученик»*.

На первый взгляд, поступок «попа Иоанна», бросившего жену с ребенком, вызывает полное недоумение и, более того, осуждение. Подобная реакция современного христианина повлекла и известного исследователя житий подвижников Крайнего Севера архимандрита Никодима на путь «корректуры» соблазнительного, на его взгляд, текста предания. Отцом Никодимом были дописаны необходимые «горестные подробности»: «Только крестили — дитя умерло. Вскоре умерла и супруга отца Иоанна. Осиротелый отец Иоанн оставил мир, пришел в Печенгскую обитель и сделался любимым учеником преподобного Трифона»[22]. Хотя на самом деле никаких корректур в тексте предания не требовалось.

Просто в те давние времена все, что требовали чрезвычайно строгие канонические правила Православной Церкви, выполнялось неукоснительно и со страхом Божьим. В случае с отцом Иоанном имеет место ситуация, оговоренная в 53-м Правиле VI Вселенского Собора. Мать ребенка, жена священника, была вынуждена сама стать восприемницей своей дочери, поскольку, как надо понимать, кроме нее в Коле иных женщин-христианок не оказалось. Откладывать же крещение было нельзя — *«младенцу прилучися зело болети»* и была угроза умереть ребенку некрещеным. *«И по общему совету»* отец Иоанн с матушкой приняли эту волю Божию и окрестили дочь.

Но неумолимые каноны гласят: *«Понеже родство по духу есть важнее союза по телу… да отступят от сего незаконного супружества»*[23], что и было свято исполнено батюшкой с матушкой. Вот почему и какой *«ради вины»* поп Иоанн *«оставил супругу и дщерь в дому и отъиде во обитель Святого и бысть ему ученик, и от Преподобного навыче искусного монашества. И потом благословлен иеромонахом»*. Так начал свой долгий пятидесятилетний путь монастырской жизни иеромонах Иона Печенгский. Путь, завершившийся в 1589 году славным венцом преподобномученика.

---

[21] То есть крестил сам родитель, вынужденно, «по-скору», что является исключением из правил: «Священник для крещения своих детей приглашает другого… (Ном., 209)» (Булгаков С. В. Настольная книга священноцерковнослужителя. М., 1993. С. 973).

[22] Никодим (Кононов), архимандрит. Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 158.

[23] Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милаша) // VI Вселенского Собора правило 53. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 538.



Как рождаются матушки

В 1534 году, когда случилась эта история с попом Иваном, иеродиакон Феодорит вместе с иеромонахом Илией совершали очередное миссионерское путешествие по Лапландии и Карелии.

Известие о том, какая история приключилась с настоятелем Кольских церквей попом Иоанном, к владыке Макарию в Новгород пришло уже с Печенги от строителя Печенгского монастыря монаха Трифона. Печенгский старец сообщал, что поп Иоанн ныне живет в монастыре и смиренно просит о монашеском постриге. Сам же Трифон о том нижайше ходатайствует, ибо есть крайняя нужда в таком грамотном священнике для Печенгского «новоначального» монастыря. Кроме того, получалось, что и в Колу теперь нужен новый настоятель.

К тому времени *«поминаемый нами преподобный Варлаам добродетелями своими не в веси Керетской единой только просиял, но и во граде Кольском знаем был. И Кольскому народу тот предивный муж всеусердно желаем был, да придет он к церкви святаго Николы на поставление пресвитерское»*.

Стратегическое значение Колы как российского оплота на Кольском Севере ясно осознавалось и в Новгороде, и в Москве. В кольских церквах, построенных и освященных в 1532 году тщанием Феодорита и волей Великого князя, непременно должен быть священник. Размышляя о сложившейся ситуации, преподобный Феодорит, видимо, сразу подумал о Василии из Керети — своем давнем ученике и воспитаннике. Сам Василий уже давно искал встречи с Феодоритом, посылая ему весточки, в которых настойчиво изъявлял свою решимость непременно стать священником.

Тогда, в давнем 1519 году, с кончиной старца Зосимы и уходом Феодорита из Шуи, Василий тоже покинул монастырский скит, завершив свою учебу. Вернувшись в родную Кереть, он полностью отдался стихии морского промысла. Не было такого случая, чтоб убоялся он свежей погоды или вернулся бы не с богатым уловом. Дух морского богоискательства, возможность потягаться с грозным северным морем, проявить молодецкую силу и удаль полностью захватили юного Василия.

Бывало, брал он с собой в помощницы одну бойкую соседскую девчушку. Нравилось ему, что всегда, в любую погоду, готова она пойти с ним хоть куда, хоть в самую голомень открытого моря. Нравилось и то, как смело и восторженно глядит она на ярящиеся волны и на него самого, на то, как он ловко управляется со снастями и парусом, и что она никогда не унывает и не куксится, хотя бывали они в разных переделках.

Так шло время. И вот как-то на службе в Георгиевской церкви Василий будто впервые увидел ее лицо во время молитвы, которое светилось такой неземной красотой и столь чистой верой, что потом долго стоял

он взволнованный и с зашедшимся сердцем. Почему-то вспомнился ему Шуерецкий скит, мерные монастырские службы, свои послушания и мечты о чернечестве. Он вспоминал старца Зосиму, Феодорита и то, что у них тоже были такие же светлые лица, когда погружались они в свое сокровенное «молитвенное делание». И вдруг так захотелось ему вернуться туда, в тот мир богомыслия и молчания, неспешных всенощных служб и тихого монашеского пения, вновь услышать *«те предивные и наислад-чайшие беседования пользы апостольской»*, что вели меж собой благолепные старцы. Вернуться туда… но только с ней, теперь непременно только с ней.

«Прости меня, добрый Василек, — так ответила она Василию, когда спустя немалое время наконец решился он признаться ей в своей кручине. — Не могу я твоей быть. Тятенька мои с маменькой по мне обет дали Богу на Соловках. Господь им детей не давал, так они пообещали, коли родится ребенок — Богу его посвятить. Потому мне теперь путь один — в матушки, о чем я Господа всю жизнь и молю. Или, если не даст Господь стези попадьи, так всю жизнь “черницей” и буду ходить».

«Не будешь ты “черницей”, — пылко заговорил потрясенный Василий, — ты верь, ты жди. Я буду попом, я Феодорита найду, я все объясню и все сделаю. Ты только моей матушкой будешь, слышишь, больше ничьей! И никогда ничьей, только моей… и еще Божьей. Ты только жди меня и молись. Пролетят годочки-то. И я молиться буду. Я теперь так молиться буду…»

Кольский поп Василий

И действительно, годочки те пролетели быстро. За это время вынужденного целомудренного ожидания столь вожделенного тридцатилетнего священнического возраста[24] Василий и его невеста настолько укрепились в своей радости чисто духовного общения, что даже самые дотошные деревенские старухи перестали их в чем-либо подозревать. Главным местом их желанных встреч была церковь, потому вся глубина и нежность их нерастраченных чистых чувств неразрывно переплелись с молитвой, с пением на клиросе, с благодатью церковных служб.

Весной 1534 года иеродьякон Феодорит вместе с иеромонахом Илией, возвращаясь в Великий Новгород из своих миссионерских походов по Северу Руси, захватили с собой и Василия из Керети вместе с молодой его невестой, будущей матушкой. Василию на следующий год как раз исполнялось тридцать лет, и он уже мог стать священником. Как мы помним,

[24] «Собор 1502 года возобновил определение прежнего Владимирского Собора, согласное с правилами древних Соборов (VI Вселенского, пр. 14, 15. — **Прим. М. М.**), чтобы поставляемые в священники имели не менее 30 лет, в диаконы — не менее 25, и в иподиаконы — не менее 20 лет» (Митр. Макарий. Кн. 2. С. 71–72).

«книгам он был научен», пройдя школу Шуереченского скита, а последние годы истово пономарил у Керетского попа Никиты, да так, что старик не мог на него нарадоваться.

О том, кто совершил долгожданное венчание этой небесной пары, мы не знаем, видимо, кто-то из новгородских протопопов. Именно в этот приход в Новгород иеродьякон Феодорит *«поставляется от Макария архиепископа пресвитером… и бывает самому архиепископу духовником»*.

Представленный Новгородскому архиепископу Макарию кандидат на рукоположение Василий вскоре сподобился первой священной степени — дьякона. После чего оставлен он был служить и набираться опыта при Владычном, архиепископа Макария, домовом храме Рождества Христова, где настоятельствовал иеромонах Илия (Тучков). Так что в течение года, до своих тридцати лет, набирался будущий Варлаам мудрости и духовного опыта в благодатном общении с этими великими старцами XVI века.

Когда вышел срок, наконец сподобился дьякон Василий и священнической благодати, после чего *«Божьим судом поставлен бысть пресвитером в Кольском граде, в церкви Николы чудотворца»*. Окрыленный архиерейским благословением и вняв наставлениям своего духовного отца, где-то в конце 1535 года приступил священник Василий со своей матушкой к исполнению обязанностей поповских в Кольском граде, *«у Студеного моря, на Мурманьском рубежу»*.

Характером новый настоятель Никольской церкви был тверд, порой горяч и крут. Но к вере христианской и к службе церковной ревность имел большую и волю непреклонную. Особо скорбел отец Василий о тяжком «идолобесии», о вере языческой, в которой пребывали еще многие лопарские семьи. По многочисленным лопарским капищам справлялись жуткие магические действа, и прикормленные колдунами-нойдами могущественные порождения тьмы — «князи бесовские» — наводили страх на местное население, требуя жертвенных приношений даже от крещеных душ. Всему этому смело противостал новый Кольский настоятель и *«добре подвизаясь на невидимого врага козни»* вступил в опасную схватку с *«духами злобы поднебесными» (Еф. 6, 12)*.

Во всем помощницей отцу Василию была его матушка, которую он любил всем своим горячим сердцем и лишь ради союза с которой мог он оставить свои мечты об иночестве. Так жил он *«с супругою в любви и целомудрии во граде Коле, всем людем на успех и на пользу, диаволу же и бесом на рвение и на зависть»*.

О том же высоком даре священнического служения Василия говорится и в «Повести…»: *«пресвитер Василий в церкви Николы чудотворца пребываше добре подвизался на невидимого врага козни, и люди Закону Божию, яко истинный пастырь поучаше, был ходатай Богу и человекам»*.

Эти особые духовные качества Варлаама и ревностное его пастырское служение сохранились в народной памяти и в рассказах о нем до нашего

времени. «Молитвенник и заступник наш Варлаамий был попом, в Коле священствовал и благочестным житием паче адамантов изукрашен был… Пытал его дьявол соблазнить и властью, и богачеством, и блудом — ничем не взял, окаянный, посрамил его угодник»[25].

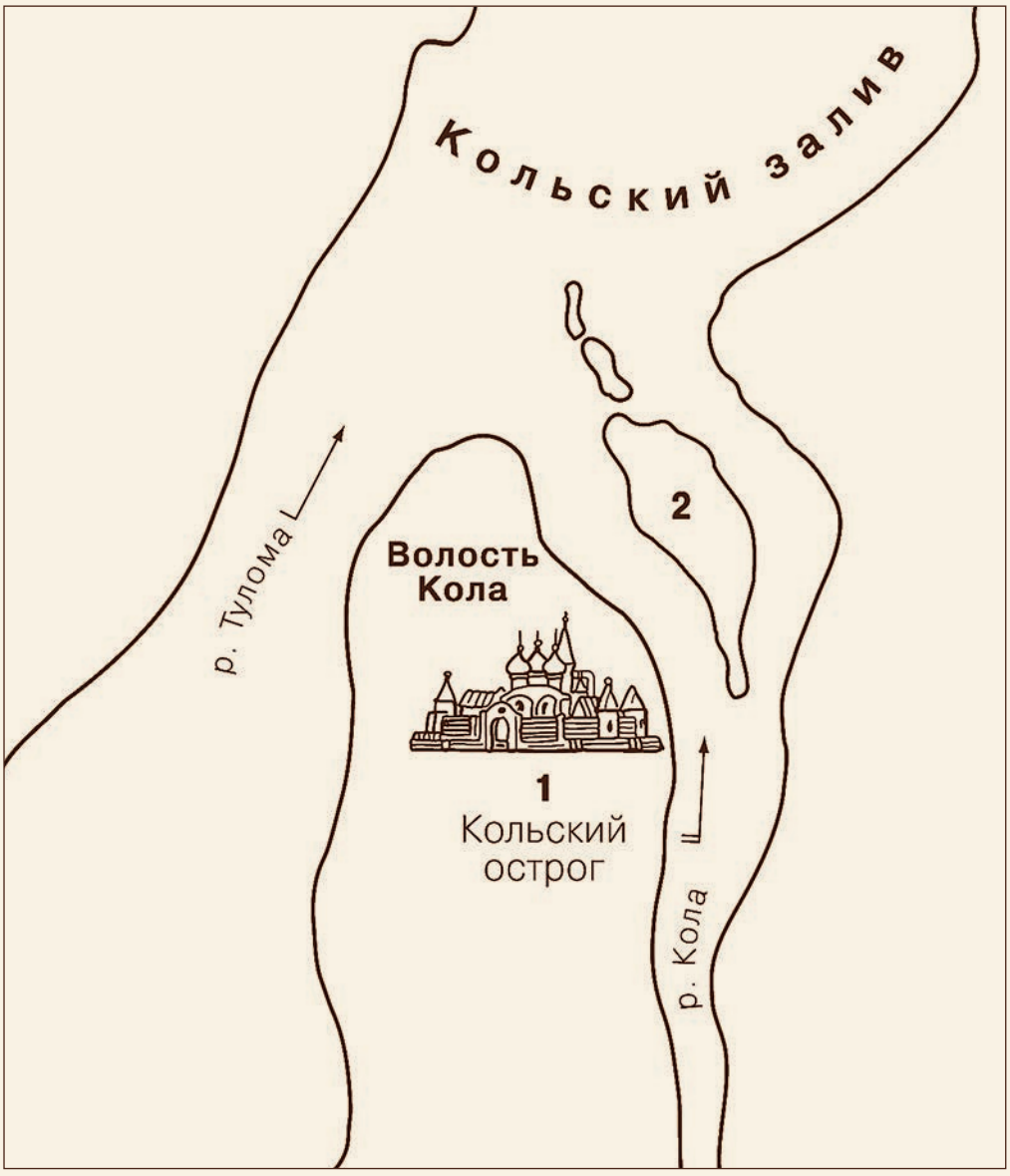
Монастырь на Коле

Около 1536 года, проводив свою пару духовных чад на служение и взяв благословение у владыки Макария, Феодорит скрывается в «заволжских пустынях», дабы собраться с силами и укрепиться духом перед наиважнейшим делом своей жизни — строительством монастыря в Коле и созданием лопарской азбуки. Именно в этот период в течение нескольких лет он подвизается в пустыни Кирилло-Белозерского монастыря вместе со своими друзьями-нестяжателями, *«мужами святыми, некоторыми уж престаревшими во днях»*, со старцем Артемием, а также со старцами Сергием Климиным, Иоасафом Белобаевым и Исааком-пустынником, впоследствии ставшими иноками Соловецкого монастыря. *«И там во трудах духовных подвизался он вкупе около четырех лет»*.

В 1540 году Феодорит завершает свои труды и покидает друзей-«заволжцев». Приняв *«от богатых некоторых немало серебра в воздаяние Господу»*, уже не один, а *«с некоторыми другими»,* вновь отправляется на Крайний Север, в район Колы. Здесь, *«на устье предреченной Колы реки созидает он монастырь»*, ставит *«церковь во имя Пребезначальной Троицы и, собрав братию, дает им устав»*. Устав этот, *«правило священное»*, с одной стороны, предусматривает принципы общежительного монастыря (киновии), а с другой — полное *«нестяжательное жительство»* и добывание пищи только своими руками. Как учит апостол Павел: *«Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес. 3, 10)* и чтобы *«нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян. 20, 34)*.

За несколько лет монастырь стал центром христианского просвещения в этом районе Лапландии, и *«распространилась во всем том народе проповедь Евангельская»*. К этому времени Феодорит в своем монастыре на реке Коле ввел служение на лопарском языке, поскольку основная масса братии состояла из лопарей, ибо *«множество от них монашеское житие возлюбили, за благодатию Христа нашего и за Того Священное учение»*.

[25] Данченко В. Н. Страна холода. СПб.; М., 1877. С. 33.



План местности волости Кола
и Монастырского (Каменного) острова в XVI веке

1 — место, где «пресвитером в Кольском граде в церкви Николы чудотворца» начинал свое восхождение к вершинам православной святости преподобный Варлаам Керетский. Позже, когда к 1583 году будет построен Кольский острог (крепость), Никольская церковь окажется под защитой его стен.
2 — остров Монастырский. Место Свято-Троицкой церкви Кольского монастыря преподобного Феодорита, основанного в 1540 году и покинутого в 1549 году монастырской братией, недовольной строгостью устава этой обители.



Встреча и прощание

С этим возвращением иеромонаха Феодорита в Колу и началом монастырских служб отпала необходимость в Кольском приходском священнике. Скорее всего сам Феодорит и привез отцу Василию указ Новгородского Преосвященного о назначении его настоятелем в родное село, в Керетскую Свято-Георгиевскую церковь. Много о чем хотел рассказать и о чем посоветоваться со своим духовником отец Василий, ибо немало духовных браней и искусительных обстоятельств пришлось пережить ему за эти годы пастырского служения в Коле.

Поведал он старцу и о своей схватке с могучим бесом, древнем демоне, испокон веку обитавшем на скале Абрам-мыса, что запирает выход из Кольского залива[26]. Тот злобный дух нечистый, прикормленный у древнего языческого капища на мысу, требовал приношения жертв у каждого, кто следовал мимо него, уходя в море на промысел. Непокорным же грозил лукавый погибелью, и, надо сказать, нередко угрозы те исполнялись. Когда же узнал Василий о том, что и многие из крещеных рыбаков начали поддаваться страху бесовскому и пытались ублажать нечистого, принося ему на скалу муку, масло, жир, он «возмутился духом» и, взяв святую воду и фимиам, решительно отправился к Абрам-мысу. Взобравшись на скалу, дерзновенно встал он на заклинательные молитвы, запрещая «вселукавому, нечистому, скверному, омерзенному и чуждому духу силою Иисуса Христа, всякую власть имеющему на небе и на земле»[27] вредить отныне христианам и изгоняя его отсюда навсегда «в места пустые, непроходные и безводные». Священник Василий призвал Имя Божье необоримое для сил зла и «дивное и славное и страшное сопротивным» и заклял «вселукавого злоначальника, дабы отбегнул и отступил проклятый мерзкий бес» от места сего на вечные веки[28].

И ответил ему демон древний: «Ухожу я от места сего, ибо призвал ты Имя Распятого, а власть Его необорима. Да вот только с тобой я не прощаюсь — ты меня еще вспомнишь». Не по себе стало молодому батюшке, однако дело Божье он исполнил. Путь из Кольского залива в Московское [ныне — Баренцево] море стал свободен, страхи и наваждения бесовские исчезли, и жертвы языческие на мысу прекратились.

Так завершил рассказ духовному отцу своему отец Василий, да только не порадовался этой истории старец Феодорит. Тревожно взглянул он на ревностного молодого священника да на милую его матушку и сказал

---

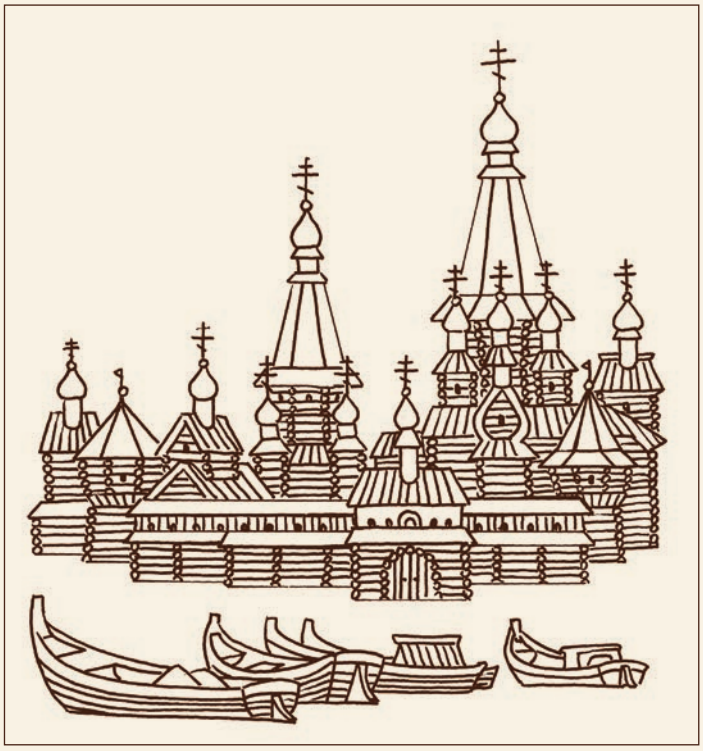
[26] «В Кольском заливе указывают на отвесную скалу, называемую Абрамовой пахтой. На ней будто бы обитал черт, запиравший выход из губы в океан…» и далее излагается упомянутое предание. Морозов А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 442. «Еще в XVII веке мыс назывался Аврамова пахта. Устное предание изменило имя Варлаама в Авраамия или Абрама». Географический словарь Мурманской области. М., 1996. С. 12.

[27] Из молитвенных Запрещений чина Оглашения. Требник. М., 2002. С. 42.

[28] Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999. С. 204.

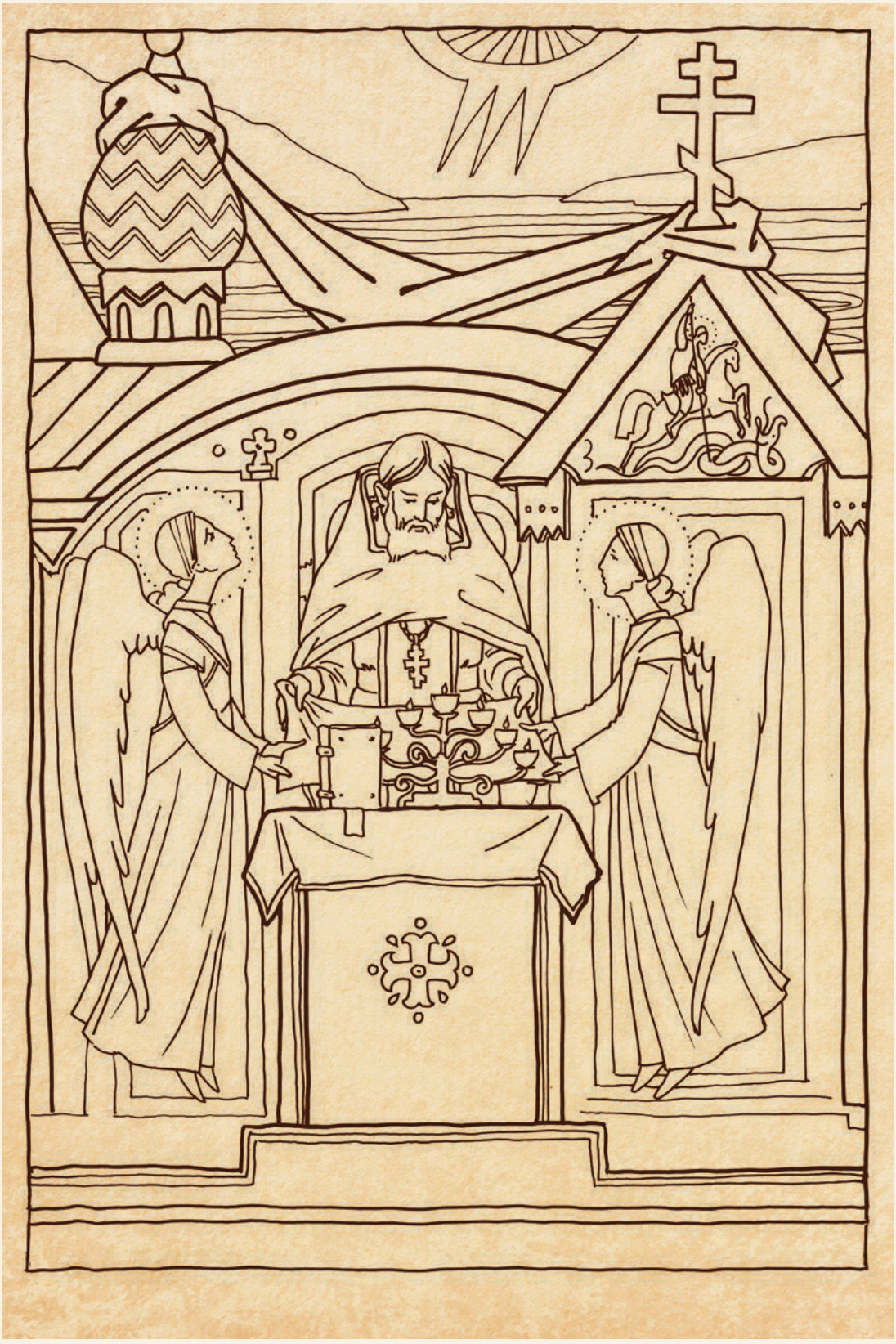
печально: «Не надо было бы тебе, чадо, связываться с лукавым. Не для белого попа эта брань духовная — с бесами тягаться, то работа монашеская. Да и не всякому чернецу она по силам. Ты же женат, а значит, уязвим. Да и вообще, надобно крайне беречься, чтобы не вызываться самому на эту крайне опасную и отчаянную борьбу, потому что тут уже середины нет — или победа, или смерть — и при малейшей на себя самого надеянности и самые великие чудотворцы погибали. И потому, всячески смиряя себя, надобно человеку, елико возможно, избегать этой борьбы, не обольщая себя высотою наград за нее, победою увенчанною, представляемых Господом победившему. Ибо если сами выходить будем на эту битву без особенного Божьего звания, то и конец неизвестен, чем Господь благоволит нам покончить оную»[29].

«Ну, да что теперь говорить, Бог милостив — молись и не гордись, да не впадешь в напасть. Ну а коли что случится — сразу дай мне знать, одолеем с Божьей помощью».



[29] Слова преподобного Серафима Саровского. Записки Мотовилова Н. А. М., 2005. С. 136.

ГЛАВА III



Кереть

«Ангелы» села Кереть

Ко времени прихода в село нового настоятеля, попа Василия, на монастырском погосте стояла все та же древняя «церковь с трапезою Никола чудотворец» да недавно построенная монахами летняя «церковь великомученика Георгия». На погосте, «дворишко нетяглое[1]» для попа, «да келья нетяглая, а в ней живет пономарь», да еще «на погосте шесть келий нетяглых, а в них живут старцы убогие, питаются о мире [живут подаянием. — **Прим. М. М.**]»[2].

Прибыв в родное село, отец Василий столь же ревностно продолжил священническое служение, отдавая ему все силы своей души. *«Христову плоть раздробляя руками, и служителем Его истинным явился, возношения в премирная вознося и оттуда мир людям своим сноса»*. «Житие Варлаама» и Канон, ему посвященный, неоднократно подчеркивают особую ревность пастыря в служении и стяжание им благодатных даров Святого Духа. Под стать настоятелю была и его матушка, духовное чадо Феодорита, от юности непорочна и исполненная всяческими добродетелями.

Будучи белым священником и живя с молодой женой, Василий, как мы видим из жития, детей не имел. Батюшка с матушкой, как можно понять, дождавшись священнического сана и вступив в законный брак, остались в своем прежнем состоянии братской нежности и любви. Жизнь их проходила в целомудренном хранении чувств, в воздержании телесном, тяготении к иноческим обетам, на что ясно указывает текст Канона: *«Ангельскому житию[3] поревновав, непрестанными молитвами, сподобился быть тайнозритель и жрец, совершаем* [приходя в совершенство. — **Прим. М. М.**] *благодатию Святаго Духа»*.

О высоких, целомудренных качествах их брачного союза отдельно повествует и старообрядческий автор «Слова о Варлааме…»: *«И благочестивый воистину с той благочестивой супружницей соединился, и благоразумный, воистину с той добродетельной соработницей по закону непорочно соединился, чисто между собою ложе сохранив, цел и незазорен совет брачный соблюдая»*.

---

[1] «Тягло — оброк, подать». Дьяченко Григорий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 744. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Дьяченко. Словарь. — **Прим. ред.**)

[2] «Сотная выпись с писцовых книг письма двинян Якима Романова и Никиты Пятутина на волость Кереть» // Сборник грамот коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 442.

[3] «Ангельское житие или ангельский образ — третья степень монашества, совершенного по богомыслию, чистоте, нестяжанию и послушанию». Дьяченко. Словарь. С. 17.

Надо понимать, что молодые, принимая такое непростое решение о хранении девства в браке, советовались и испрашивали благословения у своего духовника преподобного Феодорита Кольского. И, надо полагать, старец-девственник поведал им суть учения Православной церкви об этом редком виде христианского подвига супружеской любви.

Утраченная нашими праотцами в Эдеме возможность в полной мере постигнуть великую тайну брака, когда «человек прилепится к жене своей, и будут двое в плоть единую», тем не менее подспудно продолжала жить в человеке. Однако до прихода в мир Спасителя такое соединение супругов «в одно тело», «в плоть единую» было совершенно невозможно. Абсолютно иные принципы людского брака были узаконены и торжествовали в мире, жившем до благовестия Христова, до Его подвига Смерти и Воскресения.

Главной задачей, стоявшей перед людьми, было чадородие. Бездетность воспринималась как Божье проклятие за тайные грехи. Не оставить после себя потомства считалось категорически недопустимым. Закон левирата в Древнем Израиле строго требовал со стороны родственников умершего бездетным «восстановить семя брату», непременно зачать потомка этого рода (Втор. 25; Числ. 36).

Пришедший в мир Спаситель решительно повернул людей к постижению истинного замысла Творца о создании «Адама и жены его». Божественный Учитель совершенно ясно осудил любую возможность смены избранника в браке и, более того, поднял планку понимания сути брака на иную, недостижимую в то время высоту: *«всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:28)*. Это было нечто невиданное, ведь задача всегда стояла оставить после себя как можно больше потомства. Даже плененную чужестранку, «женщину, красивую видом», после непродолжительного очищения разрешалось брать в очередные жены-наложницы.

Когда же встревоженные ученики, да и многие иные иудеи, смущенные этим неслыханным доселе, новым Его учением о браке, говорили о том, что закон Моисеев ведь позволяет разводиться и требует исполнения принципа левирата, то *«Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь» (Мр. 10, 5)*. После чего Господь ясно напомнил всем, что *«сначала не было так» (Мф. 19, 8)*, и в доказательство Своих слов процитировал то, важнейшее место из Книги Бытия, где говорится про мужа и жену, что *«будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мр. 10, 8; 9)*. Потому *«кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует» (Мр. 10, 11)*.

Столкнувшись с этим небывалым учением, с той высотой ответственности, которую берет на себя человек, избирая себе жену и принимая единственное на всю жизнь решение о браке, ученики Спасителя справедливо заметили: *«если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф. 19, 10)*. И обратим внимание, Божественный Учитель

не только не отверг прикровенной мудрости, содержащейся в их словах, но и впервые высказался о высокой ценности девства. Причем сделал Он это, лишь изменив акцент их замечания, тем самым утверждая неизменный приоритет и непреходящую ценность перед Лицом Божьим девственности и целомудрия: *«Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано… ибо есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19, 12).*

Думается, нет необходимости объяснять, что речь здесь идет не о физическом оскоплении, что одно время с примитивной жестокостью понималось в католической традиции. Ценность такого скопчества невелика. Внутренняя, сокровенная девственность и чистота, принимаемая как обет и приносимая в дар Богу, — вот о каком избранничестве говорит Учитель, призывая идти за Собой, за Своей Божественной Девственностью, всех тех, *«кому дано вместить слово сие»*.

Именно потому девственник апостол Иоанн был всех ближе к Учителю во время Его земного служения, ибо его *«любил Иисус»*, и он единственный на вечерях был допущен *«возлежать у груди Иисуса» (Ин. 13, 23).*

О высоком призвании от Господа того, кто возжелал соблюдать девственность, пишет нам и другой избранник Божий, девственник апостол Павел: *«кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает» (1Кор. 7, 37).*

В традициях российского православия всегда было заложено внутреннее стремление к достижению этого высокого идеала чистоты и целомудрия. И истинный дух православного брака, высота обетов, даваемых мужем и женой пред лицом Божьим, решительно не принимала культа безудержных чувственных наслаждений, так пышно расцветших в иных религиозных традициях. Таинство церковного венчания, ясно нацеливая супругов не только на чадородие, но и на многочадие, при этом всячески пеклось о целомудрии и чистоте чувств супругов. Зачатие ребенка в благочестивой семье никогда не отдавалось на волю случая. К зачатию готовились постом и молитвою, в соитии береглись похотливых, нечистых чувств. Таким образом, будущее чадо всячески ограждалось от наследования родительских грехов и последующего проявления наследственных страстей.

После же сорока лет большинство российских православных семей, отдав свой долг чадородию, давали тайный обет Богу, храня себя в целомудренном воздержании и «лишь в Господа богатели».

И более того, есть множество примеров православных пар, проживших по обоюдному обету в целомудрии всю свою или часть совместной жизни и при этом с чрезвычайной нежностью относившихся друг к другу[4]. Еще раз

[4] Так, например, известная супружеская пара не столь давних времен: «Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна еще в юности дали обет целомудрия, и их соединение в супружестве было поистине ангельским». Янушкявичюс Р., Янушкявичене О. Основы нравственности М., 2004. С. 314.

подчеркнем, что это особое избранничество Божие, и далеко не каждому по плечу этот путь, когда *«имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1Кор. 7, 29)*.

Мы не имеем, да и невозможно иметь какого-либо документального свидетельства о принятии столь высоких обетов священнической четой села Кереть. В то же время последующее избранничество Божие на столь беспримерный подвиг, раскрытию сути которого мы посвятим последующие главы этой книги, утверждают нас в необычно высокой «планке» духовного уровня этой пары и верности наших предположений. Непременно должно было быть явлено некое особое дерзновение пред Господом со стороны Варлаама и его матушки. Ими была ясно показана, если можно так выразиться, высота «заявки» на Царствие Небесное, что и вызвало такую ярость князя тьмы, и последующее благословение Божье о попущении им столь «крепкого» испытания веры.

Ну а пока что отец Василий с матушкой жили и служили Господу, пребывая в чистоте телесной и ангельской любви, возрастая в добродетели и приходя *«в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13)*. И были они *«живущие в любви и целомудрии, всем людям на успех и на пользу, диаволу же и бесам на рвение и на зависть»*. Жили, не предполагая, что уже приближается *«день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана» (Иов. 1, 6)*. Мы можем только догадываться, какою злобою дышал на них к этому времени враг рода человеческого, коему извечно так ненавистны *«неукоризненные и чистые, чада Божьи непорочные» (Фил. 2, 15)*.

«И сказал Господь сатане: вот, все, что есть у него — в руке твоей; только на него не простирай руки твоей. И отошел сатана от лица Господня» (Книга Иова Многострадального. 1, 12). И вот тогда, *«видя его диавол всяческими добродетелями украшена, свою же окаянную и немощную силу, яко паучину раздираемую, простер сеть свою во уловление праведного, яко же в древности на Адама»*. «Сетью» этой стала горячо любимая матушка попа Василия.

Сеть бесовская

«Лукавый змий, не терпяще зрети тебя всегда Богу предстояща и молитву о людях приносящего, находит на твою супругу»[5]. «Змий находит на супругу» — другими словами, происходит ужасное — мерзкий дух нечистый вселяется в матушку. Столь любимая жена отца Василия, его чистая голубица, верный друг и сомолитвенник неожиданно становится бесноватой и начинает вести себя неадекватно и соблазнительно.

[5] Канон прп. Варлааму. Л. 414.

Известное на Поморье песенное предание «Ста́рина о Варлаамии Керетском»[6] так повествует о той внезапно разразившейся беде:

«— Иерею Варлаамие,
Где твоя молода жена?
— Она ушла в гости к тятеньке,
Ко родителю-маменьке.
— Нет, ерею Варлаамие,
Твоя жена за гульбой ушла,
Она боса и пьяна,
Со корабельщики целуется…»

Священник, естественно, не верит в такую клевету, возводимую на матушку:

«Поп Варлаамий зачнет
Их колом огородним градить:
— Про мою госпожу
Так не сметь говорить!
Она жена иереева,
Она краса несказанная!»

В «Старине» сохранились и дополнительные подробности того тяжкого искушения, случившегося, плюс ко всему еще, в дни Пасхальных торжеств:

«Поп Варлаамий о Паске
Обедню служил,
По собору свещу
Со цветами носил,
“Паска красная” пел».

Матушка, всегда усердно певшая на церковном клиросе, почему-то не приходит к началу пасхальной обедни:

« — Не видали ли, миряне,
Где девалась госпожа?
Она дома ночевала
И к обедне шла…»

Миряне, не менее священника смущенные всем происходящим, вынуждены сообщить своему батюшке невероятные подробности происходящего:

« — Госпожа твоя
за гульбой ушла…
Она теперь пьяна,
Боса и без пояса».

В предании весьма точно подмечаются характерные признаки беснования, проявляющиеся как реакция на приближение священнослужителя к одержимой:

[6] Шергин Б. В. Запечатленная слава. Поморские были и сказания. М., 1967. С. 230. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Шергин. — **Прим. ред.**)

«Поп Варлаамий
Со свещей и цветами
На пристань идет,
Он свою госпожу
Воплем крепким зовет:
— Без тебя дома миру нет!
Без тебя в церкви пенья нет!»

На призыв батюшки одолеть это нападение бесовское и вернуться домой в матушке уже начинает отвечать бес:

«— Я одежды поповской боюсь,
Я твоей бороды не люблю…»

Преодолевая пошлость

Как мы видим, приведенное народное предание, равным образом и последующие комментарии исследователей всячески стремились свести суть произошедшей трагедии к до боли знакомой, пошлой житейской истории об изменявшей жене и непомерно ревнивом муже. Именно с этой целью в песенную историю вводится новый персонаж — любовник скандинав Фарлаф (Олаф), приходящий на ладье в Колу по торговым делам:

«Ночью в город Фарлаф
На лодье прибежал,
По твою госпожу
В Божью церковь послал».

Равно как добавляются и иные пикантные подробности, служащие для усиления романтического и более мирского акцента:

«Полюбила я молодчика кудрявенького,
Я Олафа, я Фарлафа расхорошенького».
«Она боса и пьяна
Со корабельщики целуется,
Со фарлафами валяется».

Свидетельством же того, что все эти вольные подробности были додуманы много позже, служит тот факт, что исходя из текста «Старины…» ее составители даже и не подозревали о том, что те давние трагические события разворачивались не в известном торговом месте Коле, куда и захаживали такие «фарлафы», а в дальнем поморском селе Кереть[7].

[7] Именно в Коле «немецкие торговые люди, которые приезжают в Кольский острог на кораблях» и здесь меняют наши товары «на сукна, и на ефимки, и на медь, и на олово, и на питье». Писцовая книга Алая Михалкова 7116 [1608] года. Харузин Н. П. Русские лопари // Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1890. Приложение 2. С. 428.

И это несмотря на то, что церковные свидетельства вовсе не упоминают об «изменах и ревностях», настаивая на гораздо более жестоком и тяжком испытании, попущенном Господом Варлааму и его жене.

Старообрядческие редакции Жития также ни о каких изменах речи не ведут, в то же время полагая, что все произошло случайно и, по сути, обыденно. В их трактовке все дело состояло в том, что *«случилось честной супруге пред Варлаамом в чем-то погрешить»*, и, как и положено в этом случае, по «Домострою» жене надлежит быть мужем наказанной. Однако *«приступив же до нея наказати, смиренномудрому наказателю, завистию врага случилось в наказании том паче меры ее уязвити»*. В результате от *«той язвы честныя супруга и умре»*.

В определенной степени такому, а подчас и еще более вольному толкованию способствовало весьма невнятное изложение этого важнейшего момента «духовной брани», которую давно вел преподобный Варлаам Керетский с князем тьмы, в дошедшей до нас редакции Жития: *«Видев его диавол всяческими добродетелями украшена… простер сеть свою во уловление праведного, яко же в древности на Адама, вложив бо его во убийство супружницы его»*. Что *«вложил»* лукавый и каковы были козни его, доведшие священника столь *«всяческими добродетелями украшенного»* до тяжкого греха *«убийства супружницы его»* — предоставлялось читателю домыслить самому.

И читатель домысливал исходя из собственного «духовного» опыта. Таким образом, появились расхожие песни «о загулявшей матушке». Либо же «народные предания» об одураченном бесом незадачливом попе, как, например, в рассказе помора, записанном в XIX веке: «Варлаамий только от обедни с тихим сердцем возвращался — и застал у себя дьявола, будто тот выходит из горницы попадьи. Ну, тут было дело. Варлаам, допрежь сего, распалился, неповинную свою жену убил. Потом черта ловить стал, да не поймал. Как поймать — у того хвост трубой»[8]. И последующие исследователи в XX веке бойко тиражировали подобные «жизненно убедительные» объяснения: «Когда Варлаам возвращался из церкви домой, ему навстречу попалась нищая старушка. Она сказала ему, что его жена подала ей милостыню и за это просила не проговориться, что та застала у нее любовника. Разгневанный Варлаам бросился домой и убил жену»[9].

Потому особо важным для нас являются свидетельства самих современников об истинных причинах той ситуации, приведших к совершению Варлаамом тяжкого греха. Свидетельства, которые, например, изложены в ранее упомянутом нами Каноне: *«Лукавый змий, не терпящее зрети тебя всегда Богу предстоящим и молитву о людях приносящим,* ***находит на твою супругу, вадя насмешение странно****». «Вадя»* — по-церковнославянски

[8] Данченко В. Н. Страна холода. СПб.; М., 1877. С. 33.

[9] Дмитриев Л. А., Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 534.

значит «клевеща», «обвиняя». *«Насмешение странно»* — значит «невероятно насмехаясь», «издеваясь». Вот что вытворял лукавый бес, и вот что в действительности позволяла себе бедная матушка, одержимая этим духом нечистым. То есть демон устами матушки изрыгал страшные кощунства и хулы на веру, Церковь и Бога, и не было у батюшки никакой возможности прекратить эти невероятные мучения.

Точнее, как откроется позже, была оставлена ему лишь одна, страшная возможность остановить это мучение, этот кошмар. Это поменять их на другую жестокую и долгую муку. На немыслимый подвиг искупления.

«Гневаясь не согрешайте» (Еф. 4, 26)

Нет никаких сомнений в том, что грех убийства жены Варлаам совершил, допустив непомерный гнев и ярость. Об этом со всей ясностью говорится и в Каноне: *«Ты, узрев ее, с яростью на нее устремившись, поражаешь ее смертною язвою и гробу предаешь»* или же: *«то содеяно тобой в ярости и невоздержании»*. Но, восстанавливая мысленно те чрезвычайные обстоятельства, в которых оказался Варлаам, мы не должны забывать, что речь идет о священнике весьма духовном, об ученике святого старца Феодорита, о подвижнике, исповедующем учение великой школы «священнобезмолвствующих».

В этой духовной зрелости подвижника неопровержимо убеждает нас не только вся упомянутая предшествующая жизнь Варлаама, но и последующее его избранничество Господом на непомерный подвиг и достойное совершение им этого великого дела своего искупления.

При этом было бы неверным говорить и о том, что Керетский поп Василий к моменту этого тяжкого испытания уже пришел в полную меру духовного совершенства, одолев врожденные, довольно страстные черты своего характера. Может быть, ему показалось уже, что он достиг каких-то высот в своем служении Христу, может, допустил самоуспокоенность в деле спасения души. Так или иначе, Господь попустил сатане взять силу над попом Василием, ловко спровоцировать его, сыграв на, казалось бы, уже побежденных страстях его горячего характера. И этот потаенный *«ярости и напрасньства* [гнева, вспыльчивости] *пламень»* жестоко опалил Варлаама, круто и безжалостно изменив привычное течение его жизни.

Во всяком случае, события развивались не по столь примитивному, ранее упомянутому, «жизненно убедительному» сценарию типа: «Разгневанный Варлаам бросился домой и убил жену». Даже при всей внезапности случившейся духовной болезни матушки Варлаам не мог не помнить и тех угроз бесовских, произнесенных на него на Абрам-мысе,

и предупреждений, данных ему от отца духовного. *«Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и* ***не давайте места диаволу****» (Еф. 4, 26)*, — наставляет нас в Божественной мудрости святой апостол Павел. И, думается, Варлаам хорошо понимал суть происходящей духовной брани.

Беснование, одолевшее матушку, судя по всему, было крайне тяжелым и яростным, но для опытного священника подобные явления, конечно, «не в диковинку». Нет сомнений в том, что Варлаам предпринял все необходимое, чтобы смирить силу бесовскую и попытаться помочь любимой жене.

Речь идет в первую очередь о благодатной силе Церковных Таинств, которые всегда есть в распоряжении пастыря. Думается, что степень одержимости, в которой пребывала матушка, начисто исключала возможность приобщения ее ко Святым Христовым Тайнам. Что же касается Таинства Исповеди, то любые действия по врачеванию духовного повреждения начинаются непременно именно с нее: «Да наставит заклинатель бесного, если тот умом и телом здравствует, да прилежно молится о себе Богу, и постится, и святым исповеданием себя очистит и оградит». Так предписывает чин отчитки бесноватого, то есть, как мы видим, первые шаги к исцелению возможны лишь при наличии доброй воли к ним самого болящего. Было ли такое волеизъявление со стороны болящей матушки? Похоже, что нет.

Разобранная нами ранее «Старина о Варлааме» сохранила нам свидетельство тех усилий, что предпринимал священник по смирению бесноватой, дабы изгнать из нее нечистого духа:

«Поп Варлаамий с плечей
Епитрахиль сымал
И святой патрахилью жене
Белы руки вязал…»

Эти действия священника впоследствии были расценены, естественно, некомпетентными в этих вопросах свидетелями как некое ритуальное приготовление к убийству «изменницы жены». Свидетели же происходящего должны были быть непременно, поскольку это предполагает сам церковный чин «Последования молебного…»: «Если же заклинания над женою приключится творити, всегда с собой да имеет честны́я люди к удержанию бесной, когда она бывает мучима от беса: и люди эти, если возможно, да будут ближние ее, и обычаев честных»[10].

Эти-то свидетели и оставили нам подробности того, что произошло далее в Керетской церкви пред алтарем, там, где висела икона со святым великомучеником Георгием, пронзающим копьем мерзкого змея.

[10] Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999. С. 204.



Тайна копия

Варлаам «привел жену в собор, поставил против алтаря и покаял жену последним покаянием»[11]. Все упомянутое в «Старине…» вполне соответствует приводимому нами ранее чинопоследованию, разве что можно добавить про отверстые в этот момент Царские Врата, напротив которых священник и бесный «пав ниц на лице свое со умилением и слезами чтут покаянный пятидесятый псалом».

То, что происходило далее, согласно тексту, приведенному в «Старине…», выглядит не иначе как описанием хладнокровного убийства изменницы жены с элементами фантастической мелодрамы. «И, взяв с престола копие, он метнул копие в жену. Несчастная бежит по церкви, прячась за столпы. Но копие настигло ее…» Трудно винить очевидцев произошедшего, увидевших в действиях священника якобы заранее обдуманное убийство, тем более что, скорее всего, они были родственниками несчастной убиенной. Все это нашло свое отражение в последующем творчестве народных сказителей и соавторов этих фантазий.

Так зачем же Варлаам взял в руки Святое Копие, место которому на жертвеннике, вместе со всеми Священными Сосудами, предназначенными для Таинства Евхаристии — принесения Бескровной Жертвы.

В Требниках, переизданных в 90-х годах прошедшего XX века, можно встретить довольно загадочный чин, занимающий всего одну страничку текста и состоящий из трех тропарей, но при этом имеющий весьма внушительное название «Когда крест творит священник на страсть недуга со святым Копием». Думается, что эта уцелевшая «страничка» лишь слабый отголосок какого-то серьезного чина изгнания беса, применявшегося в глубокой древности, еще до составления нынешних молебствий из Требника митрополита Петра Могилы XVII века, и предполагавшего некое использование при этом Святого Копия.

Потому и оказалось оно, Копие это, в руке Варлаама. Да только, видать, жутко страшен и силен был тот демон древний, что, не вынося святынь христианских, внезапно открылся Варлааму в несчастной матушке с такой непомерной силой, проступив сквозь любимые черты страдающей жены, во всем своем нестерпимо мерзком обличии, что не устоял заклинатель и поразил Святым Копием древнего змия.

Дикий рев огласил церковь Божью, и смрадным дымом изошел дух нечистый из замершего на вздохе пронзенного тела страдалицы. Кротко успела взглянуть она на любимого батюшку, бросился к ней со слезами Варлаам. Да только затуманился уж ее взор, и отлетела ко Господу чистая душа голубицы.

И тут как ледяной ветер пронесся над Варлаамом, тошнота подкатила к сердцу, и в голове его возник знакомый мерзкий голос: «Ну что, Васюк,

[11] Шергин. С. 231.

вспомнил меня, жалкий убийца глупой попадьи? Ты больше теперь не священник — ты душегубец, — так глумился над потрясенным Варлаамом коварный змий, — и нет тебе спасения — я победил тебя, помни теперь об этом всю свою жизнь».

Три тысячи лет назад Господь испытывал веру древнего страдальца и праведника Иова: *«Можешь ли пронзить кожу его* [сатаны. — **Прим. М. М.**] *копием и главу его рыбачьею острогою? Клади на него руку твою и помни о борьбе…» (Иов. 40, 26; 27)*

Теперь этот вопрос встал перед керетским попом Василием…

Грех

Долго не мог вместить в себя Варлаам всю тяжесть произошедшей катастрофы. *«Солнце да не зайдет во гневе вашем — и не давайте места диаволу» (Еф. 4, 26)*, — предупреждает каждого христианина мудрый апостол. Не устоял Варлаам — «дал место диаволу», и вот «зашло солнце его жизни». Душа отказывалась принимать реальность свершившегося кошмара, страшного греха, который в единочасье разрушил всю его недавнюю счастливую жизнь.

«В гневе на жену свою употребивший секиру есть убийца» — звучала в его голове давним воспоминанием строчка канонических Правил Василия Великого. Тогда, еще в Новгороде, будучи только лишь рукоположенным во дьяконы, все расспрашивал он блаженного старца Феодорита, отчего бы духоносному старцу Трифону, подвижнику Печенгскому, самому не принять священный сан. «Кому как не Трифону окормлять монастырь, — недоумевал тогда Варлаам, — вот готовый игумен, и стать в нем, и дух. И зачем ему инок Иона в священстве?» — «Что ты, отче Василие, — помнится, вздыхал в ответ Феодорит, — Трифону-то и ко Причастию двадцать лет допуска не было, а ты говоришь “священство”. — И, посуровев, добавил: — Тяжек грех убийства, и, бывает, жестоко искушает он человека еще со времен Каина и Авеля. Так что бди и молись, отче, да не внидишь в напасть».

И помнится, не раз еще возвращался старец к размышлениям о грехе убийства: «Святые апостолы в древности порешили, что неволею убивший десять лет да не причастится Святых Таин. Волею же убивший и потом покаявшийся двадцать лет да будет без Причастия»[12].

«Поп Варлаамий во гроб
Госпожу как к венцу снаряжал.
Космы пьяные ей на челе

[12] Правила Православной церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева лавра. 1996. С. 484.

Благочестно сплетал:
— Спи, жена иереева,
Спи, краса несказанная!»

Так передает нам чувства Варлаама поморское сказание, о том же говорит и «Житие…»: *«он же по сотворению греха, уразумев, как позавидовал ему враг, плакася вельми…»* «Сорок дней и сорок ночей Варлаамий ничего не ел и не пил, а только все плакал»[13].

Варлаам непрерывно служил заупокойные службы, справляя литию за литией. Сквозь подкатывающиеся слезы и непрерывное звучание псалмов поминальной Псалтири вновь и вновь вглядывался он в любимый облик жены, прекрасный в этом своем новом, глубоком и непостижимом для живых покое. И в этих бледных, уже обострившихся чертах своей недавно еще верной спутницы и надежной помощницы он постигал неумолимость того давнего, Божественного приговора, данного людям в Эдеме: *«возвратишься ты в землю, из которой взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3, 19)*. И невыносимая тяжесть содеянного, вся необоримая, познанная им только сейчас в полной мере страшная сила греха тоской и душевной мукой властно давила к земле и толкала к отчаянию.

Канонические аспекты

Преподобный Варлаам, как духовное чадо Феодорита и сомолитвенник Трифона, в полной мере пребывал в живом потоке Церковного Предания, этой верной благодати Истины, и неукоснительно соблюдал в своей жизни дух и букву Священной Традиции.

Совершив тяжкий грех и повредив полноту священнической благодати, данной ему в епископском рукоположении, Варлаам, прежде всего, должен был идти на покаяние к своему духовному отцу. Так он и поступил. В этой тяжелейшей ситуации Керетский подвижник вел себя духовно зрело и достойно: *«Убийство убо совершив и* ***земле тело предав****, отходиши во град Колу к тамошнему иерею»*. «Тамошний иерей», как мы помним, есть строитель монастыря иеромонах Феодорит. Так что именно к своему отцу духовному и поспешил Варлаам из Керети.

Важно подчеркнуть и упомянутое в Каноне «предание тела земле», что свидетельствует об отпевании и захоронении убиенной матушки. Таким образом, она не оказалась отнесенной Варлаамом и его современниками к так называемым «заложным мертвецам», что еще раз свидетельствует о высоте духовных качеств этого пастыря. Это обстоятельство важно подчеркнуть, поскольку «по широко распространенному в то время предрассудку, все

[13] Северная Россия / Живописная Россия. СПб.; М., 1881. Т. 1. Ч. 1. С. 154.

умершие насильственной смертью попадали в зависимость от демонических сил, превращаясь в отверженных, “заложных” покойников… Из-за запрета хоронить останки таких мертвецов, а также поминать их души за богослужением они обрекались за гробом на вечные страдания»[14].

Так что, совершив чин погребения и все положенное из «Последования мертвенного», отходит Варлаам на своем карбасе великой Колой-рекой *«во град Колу к тамошнему иерею».* И, придя в Кольскую обитель, припадает он к ногам своего старца *«вествуя об убийстве и прося прощения, слезами землю омакая, о содеянном им в ярости и невоздержании»*.



[14] Булычев А. А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 39.

ГЛАВА IV



Грех

Небывалая епитимия

Что мог сказать Варлааму блаженный Феодорит Кольский, выслушав горькую исповедь своего духовного сына? Каков промысел Господень в сем, столь крепком испытании, попущенном Варлааму, сумел прозреть этот духоносный старец? Что покроет тяжесть содеянного и есть ли такое церковное наказание, что уврачует разрушительную силу греха убийства супруги?

И надо было быть действительно великим старцем, чтобы иметь дерзновение пред Господом назначить ту небывалую епитимию[1], которая потрясет сознание современников и, пройдя сквозь века, оставит потомкам непревзойденный пример того, как сила покаяния побеждает силу греха.

«Ну что, чадо, восхотел ты своей рукой немощной поразить змия древнего, на которого даже *“Михаил Архангел не смел произнесть укоризненного суда” (Иуд. 1, 9)* — прервал, наконец, свое долгое размышление старец, обращаясь к припавшему к его стопам Варлааму. — И вот посрамил он тебя через твой гнев и несмирение».

Старец помолчал, прислушиваясь к велениям сердца, и продолжил: «Однако все ж язву копием ты врагу нанес, а не супружнице твоей. Так что нет в тебе греха против души ее, не убивал ты ее в сердце своем. А вот против тела ее грех на тебе тяжек лежит — разрушил ты сей сосуд хрупкий, разорил храм Духа Святого. И теперь в храме сем по твоей вине — иной дух воцарился, дух тления и смерти. Супружница твоя, “плоть твоя единая”, всегда тебе верной помощницей и молитвенницей была, так ведь?» При этих словах Варлаам лишь простонал в ответ и впервые поднял на старца свои вытекшие слезами глаза, внимая приговору и ожидая самого главного. «Вот, думаю, и сейчас, в этой горести твоей, пусть она тебя не оставляет и разделит с тобой тяжесть епитимии, как то благословлено женам еще со времен святого Нифонта»[2]. При этом Феодорит накрыл несчастного покаяльника своею епитрахилью и, крепко обхватив главу Варлаама, произнес: «Помни, чадо, страшная сила сокрыта в словах: *“жена не властна над своим телом, но муж” (1Кор. 7, 4)*, ибо *“тайна сия велика есть” (Еф. 5, 32)*. Так что бери ее себе в помощницы и иди в море, искупай свою вину перед

[1] Епитимия (греч. ἐπιτίμια — наказание). Означает добровольное исполнение покаявшимся христианином назначенных духовником тех или иных дел благочестия (усиленного поста, молитвы, паломничества) или иного «врачевания духовного».

[2] «Достоит ли жене мужу своему помочь терпеть епетимьи?» — таким был один из вопросов к святителю Новгородскому Нифонту (XIII век) из знаменитого «Вопрошания Кирика». На что был получен ответ: «Достойно весьма, и друг ко другу, и брат ко брату, добро есть так же и супругам». Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 322.

Господом, гляди на дело рук твоих и кайся, пока время тело в прах не обратит...» — объявил грешнику Божью волю старец. «...а грех твой в победу, — завершил он мысленно, но вслух лишь добавил: — а Святителю в Москву за благословением я сам отпишу да игумена Алексия на Соловках успокою, уже "епистолию" прислал мне о деле твоем — переживает сильно авва»[3]. После чего он поднял Варлаама с колен и, возложив теперь уже его руки себе на шею, помолился неслышно о чем-то, лишь ему одному ведомом.

Обнял крепко: «Все! Ступай, вымаливай, *"да исправит Господь стопы твои"*. Помни, ты не один, *"и волос с головы вашей не пропадет, — терпением вашим спасайте души ваши"» (Лк. 21, 19).*

Радости «мертвого»

«Об убийстве убо мертвого таковое запрещение приняв течаша, радуяся» — в этих словах раскрывает нам Канон суть тех переживаний, которые испытал Варлаам, услышав этот тяжкий и странный приговор. С потерей своей матушки, а вслед за тем и дара священнической благодати Варлаам испытал глубочайший духовный кризис. Ему показалось, что жизнь закончилась, и он будто бы умер вместе со своей любимой женой, и уже никакое наказание не могло его устрашить.

Канон же уточняет впечатляющие детали той данной Варлааму епитимии: *«Повинился иерею о содеянном, и дает он тебе иго легкое — мертвого носить во гробе, покуда не изгниет тело умершее. Самому ж в посте и молитве пребывать, и таковое воздержание иметь, что рыбу только единожды на Пасху вкушать».*

Тогда, в Коле, это упоминание Феодорита о далекой, будущей Пасхе Варлаам воспринял с недоумением и досадой. Ему показались совершенно ненужными и странными такие подробности и уточнения назначенной епитимии в отношении несения поста. Он даже тогда впервые почувствовал недоверие и какую-то неприязнь к своему духовному отцу: «Неужели старик не понимает, что означает такое хождение по нашим морям? О какой еще Пасхе он говорит? Прямо как издевается. Не понадобится мне пища — не успею проголодаться».

Глубинная суть слов блаженного Старца оказалась для Варлаама до поры сокрытой. Приняв весть о таком страшном наказании, Варлаам, тем

[3] Мы не исследуем отдельно правовой вопрос совершенного преступления — «невольного смертоубийства», но кратко скажем, что по судебникам XV–XVI веков государственная власть признавала неподсудность духовенства и церковных людей светскому суду, кроме тяжких уголовных преступлений. Кроме этого обстоятельства, у Соловецкого монастыря, к которому была приписана волость Кереть, уже имелась неподсудная грамота Ивана III, подтвержденная и дополненная Василием III. Таким образом, решающее значение имело объяснение, которое мог дать старец Феодорит, духовник митрополита Макария, ставшего теперь уже Московским Владыкой. Святитель Макарий с 1542 года приставлен как воспитатель к весьма юному царю Ивану IV.

не менее, воспринял ее с каким-то облегчением, как преступник, долго томившийся в ожидании решения суда. И *«таковое запрещение он принял, радуяся»*, ибо справедливо увидел в них, по сути, смертный себе приговор. Приговор *«об убийстве убо* [по сути, уже] *мертвого»*, ибо таковым «мертвым» он себя уже считал. Он предвидел грядущее завершение своих тяжких душевных мук, поскольку хорошо понимал, как скоро закончится это его плавание в суровом северном море. Как *«уже мертвый»* он не расслышал слов вечной жизни в этом приговоре.

С пустым сердцем, но исполненный мрачной решимости, появился Варлаам в Керети, и вскоре потрясенные жители села увидели его, несущего гроб-колоду с телом матушки, которое он выкопал из могилы. *«И сие откопав, в судно вложив во гробе, сам же во второй гроб устремился». «Второй гроб»* — именно так для себя воспринимал Варлаам тот поморский карбас, в который уложил он свою страшную ношу. Земно поклонившись сбежавшимся к морю жителям села, оттолкнул он свой «гроб» от родного берега. Он принимал волю Божью, какой бы она ни была, чая[4] грядущего своего упокоения в морской пучине.

Мудрость Старца

Мысль Феодорита была совсем иной. Он глубоко сознавал всю силу своей власти как духовного отца, равно как и тяжесть его ответственности перед Господом за спасение душ своих духовных чад. Феодорит чувствовал, что его духовническая власть над усопшим чадом не прерывается со смертью последнего. Переход матушки в иное, загробное состояние не отменяет духовных законов Евангелия, которые ясно говорят нам, что независимо от того *«живем ли или умираем — мы всегда Господни» (Рим. 14, 8).*

По той же причине есть мистическая возможность задержать закон разделения жизни и смерти, в том случае если единство жизни возникло не самочинием, а через подлинно духовное соединение с Самим Источником Жизни, то есть во Христе Иисусе. *«Мы члены тела Христа, мы от плоти Его и от костей Его. **Посему**… человек прилепится к жене своей, и будут двое в плоть единую» (Еф. 5, 30; 31).*

Единство мужа и жены состоит не в примитивно понимаемой плотской потребности соединения, а в попытке обрести утраченное нами в Эдемском грехопадении, восстановить то уникальное единство двух существ, вовсе не случайно названных *«Адам и жена его»*.

Изначальный замысел Божий о женщине как о творении не самостоятельном, а предназначенном для восполнения полноты бытия человеческого существа, ясно изложен в начальных главах Писания. *«И сказал человек:*

[4] Чаять — ожидать, предполагать, бояться. Дьяченко. Словарь. С. 813.

вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей», то есть, другими словами, «это создание состоит из меня самого и до такой степени принадлежит мне, как мои плоть и кость». Потому Адам и не дал личного имени своей помощнице, как он поступал ранее в отношении всех иных *«образованных от земли»* творений Божьих. Наш праотец справедливо уразумел в ином способе творения этой *«души живой»*, а именно: *«из ребра, взятого у человека»*, и иной замысел о ее предназначении.

Наречение имен тварям Божьим, по сути, и есть факт явления в мир определенных ипостасей как формы и способа бытия — *«как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2, 20)*. Адам же в отношении этого *«помощника, подобного ему»*, ограничивается лишь характеристикой созданного существа: *«она будет называться женою: ибо взята от мужа» (Быт. 2, 23).* И, кроме того, определяет назначение ее: отныне каждый человек должен *«прилепиться к жене своей, и будут* ***одна плоть****» (Быт. 2, 24)*.

Таким образом, мы видим, что замысел Господа о человеке воплотился в полной мере лишь с присоединением к Адаму «жены», то есть когда человек стал «парой», «двоицей». Все, что создал Творец, все было *«хорошо весьма»*, и лишь один-единственный раз за все время творения Господь употребил слово *«нехорошо»*. Это случилось тогда, когда Он раскрывал тайну предназначения человека быть постоянно во внутреннем общении со своей второй половиной. *«Нехорошо человеку быть одному» (Быт. 2, 18)*. Человек задуман был Господом как «двоица»[5]. Но при этом «человек-двоица» пребывал и в непрерывном общении с Богом. То есть, как писал святитель Григорий Богослов, раскрывая тайну троичности: «Двоица преодолена. Троица замыкается в совершенстве»[6]. Создав «человека-двоицу», Господь полагал начало приобщению людей к непостижимой тайне внутритроичного общения Божественных Лиц Святой Троицы. В таком случае, предполагавшееся в дальнейшем исполнение Божественного повеления *«плодиться и размножаться»* должно было воплощать известный богословский принцип действования Лиц Святой Троицы «от Отца, через Сына, в Святом Духе». Таким образом, можно дерзнуть предположить по аналогии, что рождение нового человека в мир, по Божьему замыслу, должно было бы происходить «от отца, через мать, в Святом Духе».

Именно так, единым человеческим существом, и пребывали наши прародители вплоть до изгнания их из рая, и назывались они тогда не иначе как *«Адам и жена его»*. И лишь катастрофа грехопадения разделила их надвое, и тогда *«нарек Адам имя жене своей: Ева»*.

Возможность нового обретения того, утраченного райского единства первого человека в «двоице» появилась у падшего человечества лишь

---

[5] Понимание этого факта характерно для православного мироощущения: «Взятая от Адама, она [жена] тянется на свое место, чтобы создать одного целого человека». Никон (Воробьев), игумен. Нам оставлено покаяние. Письма. М., 1997. С. 219.

[6] Цит. по: Давыденков Олег, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. Ч. I и II. ПСТБИ. М., 1997. С. 143.

с приходом в мир Спасителя. Именно соединение «во Христе Иисусе», *«ибо все мы одним Духом крестились в одно тело» (1Кор. 11, 13)*, дает осознать христианину, что все *«мы члены тела Христа, мы от плоти Его и от костей Его».* Это новое состояние человека как раз и позволяет осуществить еще в этой жизни совершенно непостижимое, сподобиться увидеть явление *«тайны»,* которая *«велика есть»*, чуда, при котором *«человек прилепится к жене своей, и будут двое в плоть единую» (Еф. 5, 30; 31). «Оставит человек отца своего и мать»,* и начнется строительство единого тела, «плоти единой», как *«храма живущего в нас Святого Духа» (1Кор. 6, 19).*

Феодорит полагал, что равноангельское духовное житие и то глубокое единство во Христе, достигнутое Варлаамом и его женой, которое он мог наблюдать в этой удивительной паре при их земной жизни, позволит им преодолеть разделяющую силу смерти и продолжить свой совместный подвиг во искупление попущенного им от Господа греха убийства.

Принимая покаяние Варлаама, Феодорит назначал ему столь беспримерно тяжкую епитимию с расчетом на помощь, которую окажет ему его верная жена. Усопшая матушка брала на себя часть тяжести епитимии, данной Варлааму, поскольку незахороненная ее плоть, по мысли Феодорита, не давая упокоения душе, вынуждала душу оставаться рядом со своим телом и, страдая вместе с Варлаамом, укреплять и поддерживать его.

В деснице Божьей

Был прекрасный летний день, когда начал Варлаам этот свой небывалый покаянный путь. Дул легкий попутный «шалоник», и Варлаам привычно открыл парус. Холщовая парусина, хлопнув, забрала ветер. Карбас дернулся, набирая ход, Варлаам сел за кормило, беря круче к ветру…

Но тут вдруг что-то решительно изменилось. Наступила странная тишина, в парусе пошла рябь, и он безжизненно повис. С моря навстречу Варлааму надвигалось серое марево тумана. Только что бывший попутным, ветер переменился на встречный, и нежданный «полунощник» обдал кормщика липкой водяной моросью. Еще не понимая, что происходит, Варлаам умело перекинул шкоты паруса, собираясь «пуститься в реи», идти дальше «покосами», маневрируя против ветра, но из этого ничего путного тоже не вышло. Полотно паруса упрямо тянуло ладью к берегу. Варлаам оглянулся — родное село было еще рядом, и там стояла все та же чудная летняя погода. Жители села, его недавние прихожане, все так же молча стояли на берегу. Малые ребятишки жались к материнским юбкам, ежась от странного холода и серого тумана, накатывающего с моря по мере приближения к берегу Варлаамовой ладьи.



Этот холодный туман нежданной догадкой вдруг пронизал душу Варлаама. Он внезапно осознал, что все его мысли о смертном приговоре, о скорой расплате — лишь его постыдная слабость, жалкий скулёж под бесовскую дудочку. Он вдруг увидел перед собой нечто иное, великое, неумолимое и беспредельное, куда властно вела его десница Божья, куда благословил его великий старец Феодорит Кольский.

Варлаам тяжело задышал, лицо его посуровело, на скулах заиграли желваки. Он резко сдернул бесполезный парус, завалил древко мачты и шагнул в нос корабля. Там, обхватив гроб, с натугой поднял его и перекинул с носа в корму, на шканцы карбаса. Затем, перекрестившись, с силой вцепился в гроб-колоду и, выдирая крепкие кованые гвозди, со стоном сорвал он крышку гроба.

Не в силах глянуть внутрь, он ожидал принять страшный дар тлеющей плоти — тот, хорошо известный каждому священнику, тяжкий дух — васильковый запах смерти. Но никакого запаха не было. Тогда с колотящимся сердцем откинул Варлаам покрывало с лица усопшей. Тишина и безмятежность покоились под покрывалом. Тление не коснулось лика его любимой жены. Верная матушка так же верно ждала начала покаянного пути своего батюшки. Некоторое время он молча сидел, постигая сердцем суть происходящего, и не отрываясь глядел на любимое лицо.

«Не устал Варлаамий
На жену глядеть.
Не умолк Варлаамий
Колыбельну петь:
— Спи, жена иереева,
Спи, краса несказанная!»

Странные звуки, стоны и причитания заставили его оторвать свой завороженный взгляд. Карбас дрейфовал уже совсем недалеко от берега. Сквозь рваную пелену тумана он разглядел плачущих и голосящих по нему поморок и мужиков, отводящих взгляды в сторону.

Варлаам решительно выдернул весла из-под скамьи и вогнал их в уключины-кочеты. «Господи, благослови раба Твоего грешного Василия», — наконец произнес он, осеняясь крестным знамением, и, застонав, с небывалой силой рванул древко весел. Карбас тяжело дрогнул, выравниваясь против ветра, и, влекомый мощными толчками весел в такт ударов сердца Варлаама, двинулся на север, в открытое море.

«Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...» (Пс. 50, 1) — зазвучала молитва Варлаама, эта древняя песнь покаянных Давидовых псалмов.

«Скричала гагара
За синим морем.
Набежал туман
И скрыл уходящую лодью»[7].

[7] Шергин. С. 232.

Против ветра

Так начался великий покаянный путь преподобного Варлаама с Керети. И путь его был *«не яко у прочих человеков, ожидающих паруснаго плавания, но плавал он против зельнаго обуревания* [сильного, бурного волнения] *и весла из рук своих не выпуская, но труждаяся весьма, псалмы Давидовы поя, — то ему и пищей было»*.

Так что романтический образ идущего под парусом Варлаама из народных песен, в которых:

«Век за веком
Не устал Варлаамий
У руля сидеть…»,

не соответствует тяжести реального подвига, который нес преподобный Варлаам. Ибо такова была суть воли Божьей — никогда не иметь ему на своем пути попутного ветра и всегда грести против крепкой встречной волны.

Надо сказать, что в памяти жителей самого села Керети эта подробность подвига своего земляка хорошо сохранилась в поморской поговорке. Когда кто в непогоду собирался из дому, то говорили: «Куда пошел — как Варлаам против ветра».

Позже, когда Господь прославит Варлаама даром чудотворения, ему будет дана сила властвовать над ветрами. И поморы, жизнь которых напрямую зависела от воздушной стихии, все свои молитвенные упования будут возлагать именно на него.

«Смотри — неладное что выйдет тебе: поветерья, что ли, долго не будет, в бурю ли страх обуяет тебя, в великое ли сомнение впадешь и соскучишься крепко, — молитву свою Варлаамию Керетскому посылай, — так напутствовали старики молодых поморов перед выходом в море. — Затем он в наших странах и обитель себе земную восприял. Молись ты ему — пособляет»[8].

И молодые поморки, вглядываясь в морскую даль и высматривая возвращение своих мужей, вздыхая и «моля ветра», непременно причитали: «Да помолиться, нешто, женки, Варлаамию-то Керетскому: дает ведь поветрие-то, посылает!»[9]

Приближение «Варламьевой лодьи» неизбежно сопровождалось резким ухудшением погоды, появлением странного тумана и мороси. Неумолимая суровость этого Божьего определения надолго сохранилась в памяти всех последующих поколений северных мореплавателей. Даже не в столь давние времена, в XIX веке, когда с моря на берег начинало веять холодом и накатывал туман, можно было услышать от стариков-поморов: «Ну вот, Варламьева лодья подошла»[10].

---

[8] Максимов. С. 250.

[9] Там же. С. 217.

[10] Шергин. С. 232.

Самая непогода, эпицентр этого странного «циклона» всегда находился над «Варламьевой лодьей». В своем плавании, следуя древним торговым морским путем, «ходом в норвежский конец», Варлаам неизбежно встречался с многочисленными судами рыбаков, промышленников и купцов. Можно представить то жуткое впечатление, что оставалось в душе моряков от встречи в тумане с этим одиноким гребцом и его страшным грузом. Молча возникал Варлаам из непогоды, упорно выгребая против встречной волны, и вскоре вновь скрывался его карбас в густой мгле и мороси, унося за собой эту странную непогоду, но оставляя глубокий след в душе каждого моряка.

«И никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико» (Книга Иова Многострадального. 2, 13).

Когда с моря к берегам Норвегии идет туман и погода портится, рыбаки Варангер-фиорда приговаривают: «Русский поп жену привез», хотя ныне даже не представляют, с чего пошла такая поговорка и в чем ее смысл.

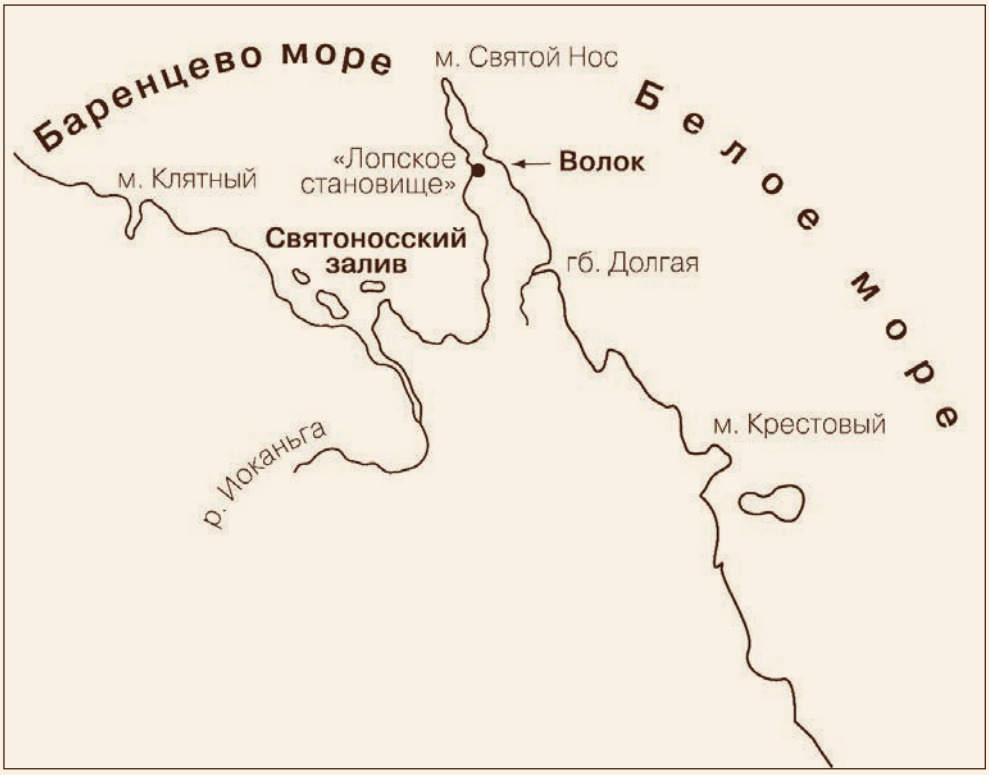
От Керети до Святого Носа

Путь Варлаама проходил от села Керети вокруг всего Кольского полуострова, далее по Кольскому заливу и до селения Кола. Там, видимо, он получал какое-то пропитание на обратный путь, что посылалось ему из монастыря Феодоритом, и вновь начинал он грести в сторону Керети. «Повесть…», доверяя поздним народным легендам, уверенно полагает, что все описываемые события происходили в Коле, и именно оттуда, согласно «Повести…», начинался покаянный путь Варлаама: *«от Колы около Святаго Носа даже и до Керети»*. Это обстоятельство еще раз ясно свидетельствует о весьма поздней редакции, дошедшей до нас «Повести…», а также о том, что вовсе не житель Керети был ее автором[11].

Начиная движение от берегов родного села, от Керетского рейда на Карельском берегу, Варлаам должен был, прежде всего, совершить тяжелый и долгий переход по совершенно лишенному укрытий морскому пространству. Он сразу же выходил в открытое Студеное (Белое) море. Птолемей, составляя свою знаменитую карту, эту часть Ледовитого океана назвал Спокойным морем. Наверное, после перехода по Баренцеву морю Белое море действительно может показаться «спокойным». На самом деле из-за своей относительной мелководности волна здесь гораздо коварнее, так как короче и, следовательно, круче. Не обладая столь ужасающей океанской высотой,

[11] «По всей вероятности, автор был монах, живший в Керети в качестве сельского священника и приказчика Соловецкого монастыря». Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 342.

как на северных просторах за Святым Носом, эти короткие крутые волны много страшнее для небольшого судна, чем высокие и длинные водяные горы океана. Учитывая же, что отдельные волны-«зеленухи» в этом «спокойном» море достигают высоты шести метров, задача пересечь такое море — вовсе не из легких.



Карта-схема берегов Баренцева и Белого морей в районе мыса Святой Нос

Варлаам на веслах должен был пересечь поперек все Белое море, стремясь достичь противоположного Терского берега, где бы его карбас мог хоть как-то быть прикрытым от страшных северо-западных ветров. Однако любая смена ветра на иной румб превращала Терский берег в источник величайшей опасности.

Этот берег Кольского полуострова большей частью очень мелководный и каменистый. Он совершенно лишен каких-либо естественных укрытий, на случай если будет необходимо переждать шторм. Мелководье же и камни в сочетании с очень широкой полосой прибоя практически не оставляют шанса приблизиться к берегу и вытащить на отмель карбас.

Можно было бы попробовать зайти и укрыться в устьях рек Варзуги или Чаваньги. Но в первую реку, если и перескочишь через песчаный вал при входе, или, по-морскому — бар, то на якорь стать можно только «на яме», где глубина до трех метров. Однако и здесь неспокойно, поскольку, если случится ветер «летник» (S) или «шелоник» (SW), то тут такая толчея волн поднимется, что карбас о донный грунт разобьет. В Чаваньгу зайти тоже

можно, но опять же, если камней не нанесло с верховьев реки при последнем половодье.

Двигаясь далее, к северу, вдоль Терского берега, по мере приближения к Святому Носу изменяются очертания берегов, нарастают неприступные и безжизненные громады скал, пожалуй, единственное из того, что способно противостать и взять на себя немыслимую мощь титанических ударов ледяных валов Северного Ледовитого океана.

Здесь все чаще можно увидеть явления тумана, мглы, или, как говорят поморы — «мари», которая, как известно, неизменно сопровождала Варлаамову лодью. Это, в свою очередь, верный признак появления «марева» или миражей самых причудливых видов. «Случалось, например, видеть одновременно три изображения одного и того же судна»[12].

«В Северной части и в Горле Белого моря плавание затруднительно», — так скупо характеризует условия судоходства в этом районе современная лоция. И далее поясняет, что эта «затруднительность плавания» обусловлена «штормовыми ветрами, крупным волнением, туманами, льдами и течениями, а также большим числом навигационных опасностей, лежащих как вблизи, так и вдали от берегов». «В любое время могут появиться внезапные продолжительные туманы, особенно в районе мысов Большой Городецкий и Орлов-Терский Толстый». «Здесь очень темно, и стоят большие туманы», — находим мы запись в дневнике английского мореплавателя, сделанную в июле месяце 1557 года. Заметим, что вскоре англичане потеряли корабли своей эскадры, поскольку «здесь стоит большой туман и сумрак»[13].

Святой, или Терский, Нос — по сути, исполинский гранитный полуостров, на восемь с лишним миль углубившийся в толщу океана к северу, естественным барьером разделивший как Белое и Баренцево моря, так и Терский и Мурманский берега. В те незапамятные времена, когда этот мыс был назван Святым, слово это имело совсем другой смысл, нежели тот, что несет оно ныне, со времен пришествия в мир Спасителя[14]. У древних саамов, когда этот мыс еще был островом, он всегда связывался с великим лопарским женским божеством — «матерью бога». И впоследствии став мысом, он наследовал эту принадлежность и назывался Няргай — «мыс матери бога». Потому не случайно и самый опасный подводный камень рядом с мысом имел название Диана[15].

Этот мыс Святой Нос — болевая точка, предельная вершина, «Сцилла и Харибда» на Пути Варлаама, и об этом сакральном месте Крайнего Севера мы расскажем отдельно чуть позже.

---

[12] Лоция Белого моря. Управление Гидрографической службы ВМФ. М., 1964. С. 12.

[13] Дженкинсон А. Путешествие из Англии в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938. С. 74.

[14] По мнению ученых-филологов, проследивших санскритские корни этого слова, в древности его значение было — сильный, крепкий, мощный. См.: Дьяченко. Словарь. С. 584.

[15] «Диана — римская богиня, которая в Европе рассматривается как предводительница ведьм». Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., 2002. С. 128.

От Святого Носа до Колы

За Святым Носом простиралось бескрайнее Мурманское море (ныне известное как Баренцево), «море Мрака»[16], или тот самый «Ледоватый мореокиян», что омывает берега «мрачной Похъелы», владения страшной лопарской богини Лоухи.

Отсюда начинается Мурманский берег, «путь в Норвегу». Среди голых величественных скал этого берега можно найти и укрытые от ветров заливы, и шхеры, есть и острова, на рейде которых можно переждать жестокую непогоду. Но все это, так сказать, теоретически и в том случае, если, конечно, сможешь сюда подобраться, если твою утлую посудину не разнесет раньше в щепки океанская волна, что с яростным грохотом вновь и вновь бросается на отвесные скалы этих гранитных берегов. И, конечно же, если ты и в самом деле ищешь этого укрытия, а не мужественно штормуешь в открытом море, отстаивая у стихии свое право продолжать идти своим маршрутом.

Этот Мурманский безжизненный берег покажется бесконечным. Это самый долгий этап на всем пути к Кольскому заливу, и нависающие над тобой гранитные теснины невольно ассоциируются с дантовскими преддвериями ада. В легендах народов мира об этих местах часто упоминается, что именно здесь, под вечными льдами земли, горит «огонь неугасающий»[17]. «Видели мы в этих странах высочайшие горы, подобные Этне, постоянно извергающие пламя, и что в самой Норвегии многие горы разрушились от постоянного горения. Некоторые… утверждают, что там находится чистилищный огонь»[18].

Много с чем придется встретиться на своем пути мореплавателю, идущему вдоль Мурманского берега. Все эти многочисленные губы, мысы и острова имеют свои суровые истории и тайны, как, например, Нокуев остров, укрываясь за которым в устье реки Дроздовки, через десять лет после плавания Варлаама, в зиму 1554 года, найдет свою кончину английская экспедиция адмирала Хью Уиллоуби[19].

Пройдет много дней и ночей, прежде чем возникнут на горизонте спасительные очертания острова Кильдин. Это значит, что скоро, наконец, можно будет передохнуть на хорошо защищенном от ветров рейде этого острова,

---

[16] Именно так в ранних изданиях карты Птолемея упоминается это море. См. карту Севера Европы Клавдия Клавуса 1427 года. Об этом см.: Вальдман К. Н. Об изображении Белого моря на картах XV–XVII веков // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973. С. 89.

[17] См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1997. Т. 7. С. 541–542.

[18] Середонин С. М. Сочинения Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 138.

[19] О том, что гибель экипажей двух кораблей произошла именно в губе Дроздовке, а не у «реки Арзиной» (Варзиной), как исторически считалось, см.: Литке Ф. П. «Четырехкратное путешествие в Северный океан…». 1948. С. 36.; Державин В. Л. Гибель адмирала Уиллоуби // Мир Севера. № 3. 1998. С. 62.

известном всем мореходам с древности под названием Кильдин-Могильный. Вот только вряд ли кто во времена Варлаама решился бы провести ночь на берегах этого острова. Это место с древних времен было предназначено для захоронения самых могущественных магов, наиболее выдающихся лопарских колдунов — нойдов. Это было непременное условие — хоронили служителей тьмы только на островах, «за водой». Так что немало седых волос появлялось к утру у того смельчака, что отваживался посидеть ночью у костра на берегу, где невдалеке виднелись могильные холмы-гурии.

Чтобы продолжить путь, сразу необходимо приготовиться к серьезному испытанию — впереди узкий и изогнутый пролив между островом и материком. Хорошо, если удастся ловко проскочить эту знаменитую Кильдинскую Салму и не оказаться закрученным водоворотом течения и брошенным на камни. Если удалось, значит, впереди всего лишь сутки пути до входа в Кольский залив. Потом еще два-три дня останется на плавание по самому заливу, пока, наконец, в вершине Южного его колена, третьего и последнего, не откроются отважному мореплавателю маковки Никольской и Благовещенской церквей волостки Кола, а рядом и Каменный остров с долгожданной Свято-Троицкой обителью на нем.

Пожалуй, лишь на этом последнем отрезке всего маршрута, при движении по Среднему и Южному коленам Кольского залива, можно в какой-то мере говорить об обеспеченности мореплавателя надежными местами стоянок и укрытий от всяческой непогоды.

Впрочем, мы опять же рассуждаем с позиции максимального обеспечения безопасности мореплавания, то есть смотрим на эту задачу глазами простого смертного, инстинктивно изыскивающего любую возможность уклониться от встречи с мощью и яростью морской стихии Севера. Для Варлаама это естественное направление человеческих мыслей и чувств было решительно отсечено. Поскольку иначе он бы не выдержал. Его задачей не стояло любой ценой сохранить свою жизнь. Его целью было пройти свой Путь.

«Господь ведает мой путь; пусть как злато плавит меня, и я чист! Стопа моя держалась Его стези, и путь Его соблюл я, не отклоняясь» (Иов. 23, 10; 11)[20].

Полярной ночью

Итак, *«двенадцать путей по окияну-морю, по непроходным местам»*. Ранее мы кратко охарактеризовали особенности этого маршрута, тяжесть этих *«путей»* и *«непроходных мест»*. Но к перечисленным нами и в общем-то известным всем северным мореплавателям опасностям местного прибрежного плавания следует прибавить еще одно, совершенно исключительное

[20] Аверинцев С. С. Переводы. Книга Иова. Изд. «Дух и Литера», 2004. С. 347.

обстоятельство. Варлаам совершал свое *«шествование»* **круглый год**. И промысел Божий о нем оказался таковым, что даже зимний лед, сковывающий на долгие месяцы Кандалакшский залив Белого моря, не стал помехой для такого круглогодичного «пути Варлаама», поскольку «граница образования зимой **неподвижных** льдов в Белом море проходит по линии селения Кереть (Карельский берег) — селения Умба (Терский берег)»[21]. То есть путь Варлааму был «открыт» круглый год.

Какова была эта «открытость» пути, можно себе представить, если учесть, что на самом-то деле с ноября месяца начинается активное образование льда **по всей акватории** Белого моря. Этот лед не может стать неподвижным лишь потому, что постоянно взламывается приливо-отливными изменениями уровня моря и штормовым волнением и, таким образом, становится дрейфующим. Способность передвигаться по морю среди дрейфующих льдов совершенно особая область искусства поморского мореплавания. Чтобы не замереть намертво впаянным в ледяную массу или не оказаться затертым ледяными горами торосов и суметь отыскать чистую воду среди льдов, нужно быть очень опытным помором. И более того, нужно, по сути, слиться с морем, душой постичь законы его сокровенной жизни, почувствовать его дыхание, приливы, отливы и иные невидимые глубинные процессы. Это что касается плавания во льдах Белого моря.

Но как можно представить плавание в полярную ночь в незамерзающем, «дышущем» Северном Ледовитом океане? Во времена парусного флота рекомендации морских лоций в этом вопросе отличались сугубой категоричностью: «возможное время для плавания возле этих берегов — с начала мая до исхода октября»[22].

В иные месяцы, в осеннее-зимний период, а особенно с наступлением полярной ночи, когда погода здесь практически всегда штормовая и, по сути, отличается лишь силой шторма, какое-либо каботажное [прибрежное] плавание малых судов по заявленному маршруту в кромешной тьме ночи представляется решительно невозможным.

«Зачем я не уничтожен прежде этой тьмой, и зачем Он не сокрыл этого мрака от лица моего!» (Иов. 23, 17)

Что пережил Варлаам в этих своих зимних *«шествованиях»* — мы можем только догадываться. И все же дерзнем попытаться мысленно разделить с ним этот путь по Северному Ледовитому океану в полярную ночь, хотя бы в одном малом эпизоде из нескончаемой череды дней его покаянных скитаний.

Жуткие ледяные валы, вздымающиеся в бесконечной тьме полярной ночи. Все наполнено страшными ударами сталкивающихся водяных масс

[21] Морозов Н. Руководство для плавания во льдах Белого моря. Пг., 1921. С. 33.

[22] Рейнеке М. Ф. Географическое описание северного берега России. СПб., 1850. С. 52. В наше время период навигации даже для крупных теплоходов, таких как «Клавдия Еланская», идущих, по сути, маршрутом Варлаама, ограничен с конца мая по конец сентября.



вперемешку с ураганным ветром, насыщенным летящей пеной и ледяным крошевом. Неумолимая ярость стихии увлекает тебя до самых небес, мгновение ты повисаешь в небытии — и вновь ужасающее стремительное падение в неизвестность, в неведомую черную бездну. Каждый раз ты прощаешься с жизнью, но вновь выныривает твой кораблик, и опять надо бороться, отгоняя постыдные мысли о том, что, наверное, лучше ужасный конец, чем ужас без конца. И лишь отчаянная молитва, лишь вопль ко Господу: *«О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же!» (Пс. 117, 25)*

В бешеной пляске волн твое жалкое суденышко мотает, кидает и треплет. Сквозь шквал соленых брызг и острого льда ты тщетно пытаешься разглядеть в темноте очередной нависающий над тобой «девятый вал», дабы успеть выгрести, попытаться развернуть твою лодку носом на волну — «держать карбас на гребень». Но все равно сорванная ветром кипящая ее вершина накрывает судно, окатывая тебя с ног до головы. Выныривая, ты видишь, как все крепче оковывает твою посудину смертельная тяжесть обледенения, и все меньше высота ее борта, и все больше прибывает воды, и что нет уж у тебя сил ее вычерпывать. Всесокрушающая ярость стихии, титаническая мощь и необоримый, неослабевающий ни на секунду напор и этот вселенский масштаб происходящего парализуют твою волю, отнимают надежду на спасение, лишают остатков сил, чтобы выдержать, устоять, вытерпеть…

И тогда вдруг возникает перед тобой светлая фигура твоей любимой. Она опускается пред тобой, отчаявшимся, на колени и с состраданием и нежностью глядит тебе прямо в глаза. Ее легкая рука чуть касается твоего лица: «Ну что ты, не бойся, мы все преодолеем — я с тобою. Давай помолимся Господу вместе, помнишь, как прежде». И долго еще звучит в тебе ее родной голос и крепнет в смятенной душе спасительная сила молитвы: *«Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих, очисти беззаконие мое…»*

Так что мы можем только догадываться, через что прошел Варлаам, искупая свой грех и исполняя данную ему епитимию. *«Страдания мои тяжелее стонов моих» (Иов. 23, 2).*

В свете всего вышесказанного мелодраматические изыски «Легенды о Варлааме», где «сидит он у руля и не спускает глаз с лица жены, красота которой не померкла»[23], не имеют ничего общего с реальной тяжестью пройденного им покаянного пути и непостижимой величиной совершенного им подвига.

«Наказуя, строго наказал меня Господь; смерти же не предал меня. Не умру, но жив буду и возвещу дела Господни» (Пс. 117, 18; 17).

Путь Варлаама

«Во дни труждаяся по морю, и весла из рук своих не выпущаше, в ночи же без сна пребываше, моля Бога со слезами об отпущении греха».



Карта-схема маршрута движения «Варлаамьевой лодьи»

Двенадцать раз в течение года должен был Варлаам пройти этот свой путь. В течение одного месяца, и летом и зимой, на веслах он должен был совершить «один путь» между Керетью и Колой и преодолеть расстояние, составляющее порядка тысячи километров.

[23] Шергин. С. 232.

Краткость дошедшей до нас «Повести…» такова, что даже относительно продолжительности хождений Варлаама автор ее ограничивается лишь общим замечанием: *«довольно время потрудился»*. Вновь возблагодарим Господа, вернувшего нам утраченные творения Соловецкого старца Сергия Шелонина, а с ними и драгоценные подробности беспримерного Варлаамова подвига: *«Мужеством души в веру вооружился, бурю и дождь и всякую воздушную нужду терпя, усердно хранил заповедь отца своего духовного… шествуя летом* [«летом» — то есть в течение года][24] *двенадесять путей по окияну морю, по непроходным местам»*. То есть двенадцать раз в течение года должен был Варлаам пройти свой путь. Расстояние же между Керетью и Колой, или один путь Варлаама, составлял порядка тысячи километров[25].

Можем ли мы представить, как проходил этот свой путь Варлаам, и есть ли мера, которой можно измерить всю непомерность скорбей, выпадавших ему на этом пути, всю неподъемность такого подвига и, по сути, невыполнимость поставленной задачи?

Есть ли у нас, современных «теплохладных» христиан, моральное право даже приближаться к этой сакральной области бытия, где разворачивается величие смертельной схватки немощной человеческой плоти кающегося грешника, противоставшего ярой ненависти самого князя тьмы?

Должны ли мы, сегодняшние, прикасаться к непостижимой тайне мук восхождения подвижника на Голгофу, которая оказывается Фавором Преображения, и присутствовать на Таинстве возведения «блудного, грешного и окаянного» простого смертного в равноангельский чин великого Угодника Божьего и Чудотворца. И укором звучат в голове столь справедливые ныне обличительные строки современника Варлаама, тоже духовного чада Феодорита, князя Андрея Курбского: *«Зри сюда, полуверный, умягченный и разбесстыженный различными наслаждениями лицемерный христианин, какие храбрые еще обретаются старцы в Православной земле, на правоверных догматах воспитанные».*

И тогда невольно вновь задумываемся мы о смиренном такте и страхе Божьем книжников древности, с которыми приступали они к написанию Жития Святого. О мудрости тех средневековых агиографов, кому любое возвращение к реальным жизненным перипетиям прославленного Церковью подвижника виделось непозволительным дерзновением, а задача вернуть историю жизни Преподобного в ее земное измерение — и непосильно сложной, да и вовсе не нужной. Житие, как словесная икона, должно писаться по прорисям и уподобляться каноническому прообразу соответствующего подвижника, признанному идеальным. А как описать жизнь Святого, подвиг которого не имеет аналогов в истории Православной святости?

[24] «"Лето" — год и время вообще». Дьяченко. Словарь. С. 291.

[25] «Путь из Колы в Кереть — морской каботажный путь вокруг всего Кольского полуострова — около 1000 километров». Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 236. Прим. 11.

Так что лишь упование на милосердие Божие дает нам силы и право пойти дальше за Варлаамовой лодьей и попытаться постичь непостижимое — тайну его Пути.

«Ужасы устремились на меня как ветер. И счастие мое унеслось, как облако. Дни скорби объяли меня. Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не имеют покоя…» (Иов. 30, 15; 17)

Три года

Мы, недостойные, теперь достоверно знаем, сколь долго продолжалось это морское странствование Варлаама и что значило для него по времени исполнение условия епитимии: *«пока мертвое тело не изгни до конца»*. Срок этот — три года.

По двенадцать «путей» каждый год. Шесть раз от Керети до Колы и шесть — от Колы до Керети. Двенадцать раз в год, то есть, другими словами, ежемесячно одолевал Варлаам тысячу сухопутных километров пути, или пятьсот сорок морских миль.

Восемнадцать миль, или тридцать три километра, каждый день на веслах, в любое время года, при любой погоде и всегда против ветра.

Пост, который нес Варлаам, как можно понять, относился к высшей его степени, к тому, что на церковном языке Постной триоди называется «сухоядением»[26]. И лишь раз в году, приходя на Пасху в Колу, к пирсу Свято-Троицкого монастыря, Варлаам сподоблялся причащения Богоявленской водой[27] и мог разговеться рыбой.

Рыбаки и промышленники, встречавшие этого одинокого скитальца в море, принимали уже его лодку за некое видение, справедливо полагая, что земному человеку подвиг такой не под силу. И действительно, земной человеческой плоти есть пределы, но, в то же время, как говорит тайновидец апостол Павел: *«есть тела небесные и тела земные: иная слава небесных, иная земных» (1Кор. 15, 40)*.

По преданию, такой тяжкий постоянный труд — в течение трех лет *«весла из рук своих не выпускаше»* — привел Варлаама к горбатости.

---

[26] «Сухоядение — употребление сухой и грубой пищи». Дьяченко. Словарь. С. 693. В поморской практике в дальнем плавании, бывало, могли «сесть на сухомес», то есть питались замешенным на воде с солью толокном. Толокно — это мука из овса, но не молотая, а толченая.

[27] «Покаяльники, то есть несущие тяжелую епитимию, вместо Святых Тайн приобщались на Пасху Богоявленской воды». Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 301.

«Мертвое тело»

Время несения епитимии Варлаамом было определено условием: *«дондеже оное мертвое тело тлению предастся»*, или же, другими словами, пока тело не истлеет в прах.

«И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей; только душу его сбереги. И отошел сатана от лица Господня» (Иов. 2, 6; 7).

Не все время пути Варлаама проходило в кошмаре штормового моря и сквозь непроглядность полярной ночи. Полярный день — это короткое лето, усмиряло ярость океана, море становилось ласковым, и теплый ветер мог тогда донести с берега к Варлаамовой лодье живительный запах нагретой солнцем тундры.

Однако надо хорошо понимать, что в подвиге Варлаама присутствовал еще один мучительный и страшный компонент. С того самого момента, как он сделал первый гребок веслами, начав свой покаянный путь, — тело жены начало разлагаться. Пока он мог грести, неизменный встречный ветер, дующий ему в спину, ограждал Варлаама от этого жуткого испытания. Но стоило только ему оставить весла, как лодью Варлаама накрывало облако страшного смрада. Казалось, он был везде, ядовитые пары его как будто наполняли мозг, проникая в само сознание страдальца. Пожалуй, это даже был не запах, скорее это было состояние. Ощущение постоянного кошмара, изнуряющего наваждения, к которому невозможно привыкнуть. Варлаам не мог ни есть, ни спать. Сама Смерть смрадно дышала в лицо Варлаама, вперив в него бесконечную пустоту своих глазниц. Господь попускал развернуться князю тьмы, *«вот он в руке твоей» (Иов. 2, 6)*, и тот полной чашей отмерял страданий Варлааму.

«Преисподняя дом мой; во тьме постелю я постель мою; гробу скажу: “ты отец мой”, червю: “ты мать моя и сестра моя”» (Иов. 17, 13; 14).

И так *«во дни труждаяся по морю, ночью без сна пребываше, моля Бога со слезами об отпущении греха»*, он вскоре понял, что это смрадное наваждение порождено бесом и неизбежно слабеет от молитвы, от пения псалмов. Потому-то и покаянные *«псалмы Давидовы ему пищей были»*, да и *«ночью без сна пребывал он, моля Бога со слезами»*.

«Оружие его — пение, молитва же — стена, непорочная слеза — умывание, душевные скверны омывающая. Память же смертную сожительницей себе стяжал, преподобне, ум очистив, Бога узреть сподобился»[28].

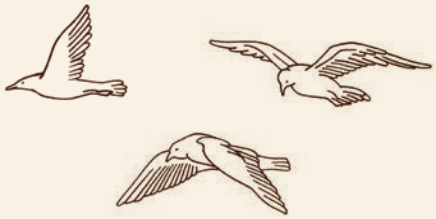
Автор Канона особо касается этого испытания, посланного Варлааму, и находит здесь явное сходство с подвигами святых отцов глубокой древности. Как известно из древних патериков, подвижники первых веков христианства нередко добровольно терпели скорби от мертвых тел, тем самым «угашая пламень» плотских страстей и посрамляя восстающих на них демонов. *«Уподобляясь древним скитским отцам, “превитая* [обитая] *по горам*

[28] Канон прп. Варлааму. С. 419, 419 об.

и по вертепам [пещерам], *яко птица*" *(Пс. 10, 1), носиши за плечами мертвое тело*[29]*, терпя смрад и всякую скорбь от мертвого телесе, яко же Никифор великий патриарх»*[30].

Это упоминание некоего события из жизни святителя Никифора Исповедника, Патриарха Константинопольского (ок. 750–828 гг.), который так же терпел *«смрад и всякую скорбь от мертвого телесе, от разбойника, умершего в вертепе»*, несколько озадачивает. Современные редакции Жития святителя Никифора такого факта не упоминают. Известно, что святитель до своего призвания на Патриаршую кафедру в Константинополь был именитым царским сановником. Однако он предпочел удалиться от мирских почестей и суеты в дальние и пустынные места на берега Босфора Фракийского, где пребывал в уединении и священнобезмолвии. Возможно, именно в это время с будущим Патриархом произошли упомянутые в Каноне события. Либо, возможно, уже будучи изгнанным с кафедры нечестивым императором Львом в ссылку на остров Проконнис, святителю каким-то образом выпало это искушение — претерпевать *«смрад и всякую скорбь от разбойника, умершего в вертепе»*.

И далее, в конце третьей песни Канона, делается очень важная для нас оговорка: *«Но он* [Никифор] *только три месяца»* претерпевал, *«ты же* ***три года****, пока мертвое тело не изгнило до конца»*.



[29] Как мы видим, автор полагает, что гроб с телом находился *«за плечами»*, то есть в носовой части карбаса. Однако следует сказать, что гребец в одиночном плавании всегда располагается с веслами ближе к носу, и места для гроба в носу не остается. Так же и с позиции повышения остойчивости судна размещение груза в корме предпочтительнее.

[30] Канон прп. Варлааму. С. 414 об.

ГЛАВА V



Венец

«Около Святаго Носа»

Немало морского люда могло *«видеть труды праведного, единого по морю в карбасе ездяща с мертвым телом»*. Но Житие отдельно отмечает одну важную деталь этого плавания, понятную лишь только мореплавателям Севера. Варлаама можно было видеть плавающим в одиночку по морю *«около Святаго Носа **даже**»*. В то время для северных мореходов это был совершенно немыслимый риск. Потому и полагали тогда, что «Варлаамиева лодья» не более чем видение, ибо простому смертному такое хождение по морю *«около Святаго Носа»* было бы просто не под силу.

Плавание в районе мыса Святой Нос издревле было опасно тем, что здесь сталкиваются течения двух морей, в результате образуются так называемые «морские сувои». «Сию быстроту водную называют поморцы Святоносским Сувоем»[1]. Речь идет о серьезном волнении на море, о весьма крупных волнах[2], подчиненных произвольному закону возникновения и не имеющих определенного направления развития. Это обстоятельство не позволяет мореплавателю поставить судно в безопасное положение относительно волнения, а именно носом к волне. Хаотичное, непредсказуемое возникновение крупных волн грозит застать корабль в момент его нахождения в положении «лагом к волне», то есть бортом к ней. Это чрезвычайно опасно, поскольку может привести к опрокидыванию судна. «Необыкновенное оное волнение начинает судно с боку на бок качать и напоследок оное заливает и потопляет. Сила ветра в данном случае не действует»[3]. «Сувой представляет какой-то невообразимый хаос воды, волн, шума, пены, брызг и тумана, для описания которых трудно найти выражения»[4].

Первые сообщения о необычайной опасности плавания в районе Святого Носа мы находим в известном сочинении путешественника и дипломата XVI века Сигизмунда Герберштейна, который приводит рассказ русского посланника Григория Истомы[5] о своем путешествии из России в Данию через Крайний Север. По словам Истомы, не было большей опасности за все время пути, чем та, с которой пришлось столкнуться ему и его товарищам у Свято-

[1] Фомин А. Описание Белого моря. СПб., 1797. С. 42.

[2] «Высота волн в сулое бывает до 18 футов (5,5 метров)». Лоция Мурманского берега. Л., 1925. С. 513.

[3] Фон-Пошман. Архангельская губерния. 1802 год // Архангельские Губернские ведомости. № 31. 1873.

[4] Соловцов К. Святой Нос. Очерки Архангельской губернии // Архангельские Губернские ведомости. № 43. 1861.

[5] Григорий Истома — посол Великого князя Московского Иоанна III Васильевича к «Гансу, королю Дании» в 1496 году.

го Носа, представляющего собой огромную скалу с пещерой и гигантскими водоворотами. Вода в течение шести часов поглощается в них, а в течение следующих шести часов с шумом извергается из них. Одни называют это место «пупом земли», другие — «Харибдой». «Когда пучина стала внезапно и сильно притягивать к себе корабль, на котором мы плыли, — рассказывал Григорий, — то нам едва удалось спастись, лишь налегши всеми силами на весла».

В то же время можно представить всю сложность хождения Варлаама через эти места именно под веслами исходя из следующего сообщения: «грести здесь и подавно нельзя, потому что волнение оное переломает все весла; если же иногда и спасаются, то лишь когда попадают при начало сего сувоя, когда волны не столь сильно действуют, как то бывает во время четвертей месяца. Тогда течением выносит в море к северу по сей струе [то есть далеко в открытое море]. Во время новолуния и полнолуния сей сувой гораздо сильнее действует, нежели в иное время»[6].

В древней «Мореходной книге» беломорских поморов о плавании вокруг Святого Носа пишется: «В голомя [в открытом море[7]] держит сувой большой. На погоды [в ненастье[8]] малыми судами не ходят. В голомени [мористее, дальше в море], верстах в десяти сувой меньше»[9].

Причину возникновения этого явления специалисты объясняют следующим образом: «На западную сторону узкой 10-мильной косы Святого Носа напирает в северно-западном направлении поток приливного течения. Не имея выхода, в этом закоулке Святоносского залива накапливаются огромные массы воды, образующие обратное течение вдоль берега Святого Носа. На конце мыса это встречное течение сталкивается с общим потоком приливного течения, что образует сильные водовороты и волнение, называемое сувоем, или сулоем, которое заметно на расстоянии до десяти верст»[10].

Эти хаотично развивающиеся волны опасны даже для крупных судов. В наше время, когда в районе Святоносского залива была образована крупная военно-морская база — Гремиха, вскрылись новые стороны коварства этих мест — столкновение разнотемпературных течений. Распределяясь в толще воды по различным глубинам, эти мощные потоки течений двигаются в принципиально различных направлениях и создают чрезвычайно сложную в навигационном отношении картину. Проходя в пределах подводного каньона, расположенного вдоль Святого Носа, даже современные мощные океанские субмарины испытывают значительные напряжения корпуса и сильную вибрацию[11].

---

[6] Фон-Пошман. Архангельская губерния. 1802 год // Архангельские Губернские ведомости. № 31. 1873.

[7] Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 38.

[8] Липец Р. Рыбацкие песни и рассказы. М., 1950. С. 206.

[9] Морозов Н. Мореходная книга или лоция Беломорских поморов. СПб., 1908. С. 26.

[10] Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947. С. 222. То есть более 10 километров.

[11] «Один из путешественников ставил на берег котелок с водой. Несмотря на то что Св. Нос представляет собой цельную скалу, он так колебался, что вода в котелке расплескивалась».

Неудивительно, что во времена Варлаама мореходы предпочитали проходить Святой Нос, пересекая его по суше, волоком «от Волоковой губы до Лопского становища». Но тут их ждала другая беда. Именно в бухтах этого мыса водились особые черви — «корабельные сверлила» (Teredinidae), личинки которых цеплялись за днища судов и незаметно протачивали даже самую крепкую корабельную древесину[12].

«Вредоносные черви»

Коварство этих «сверлил» состояло в том, что, единожды проникнув в дерево корабельной обшивки, червь этот больше наружу не выходил и никаким иным образом себя не проявлял. Живя в деревянном наборе корпуса корабля, он постепенно, и внешне незаметно, превращал древесину в труху. Так продолжалось до наступления ближайшего достаточно серьезного шторма, когда совершенно неожиданно для экипажа вываливалась часть корпуса судна. Следствием такого повреждения, естественно, являлось резкое поступление большого количества забортной воды, что приводило к катастрофической потере остойчивости и, как правило, завершалось быстрой гибелью корабля.

Среди моряков этих тварей обычно называют «морской червь», или «корабельный червь», и хотя входят они в семейство «морских древоточцев» (Teredinidae), тем не менее относятся они к типу моллюсков (Mollusca). Створки «раковины» этого «двустворчатого моллюска» расположены на головной части продолговатого тела «червя». Именно они — прочные известковые створки — и служат рабочим наконечником для этого «корабельного сверлила»[13], превращающим в труху остовы поморских судов и «могущие за одну навигацию вывести из строя судно»[14]. Поэтому так и потрясло современников то великое чудо избавления берегов вокруг Святого Носа от *«множества червия, иже остовы кораблей вертети навыкших»*[15], что не только восстановило доброе имя «белого попа Василия», но и прославило «чернеца Варлаама» как великого угодника Божьего.

Данченко В. Н. Страна холода. СПб.; М., 1877. С. 32. Упомянутый автором путешественник — это Кольский лесничий К. А. Соловцов, написавший цикл очерков о жизни на Кольском Севере.

[12] В ряде публикаций на эту тему можно встретить ошибочные утверждения о том, что «вредоносные черви» водились именно на оконечности Святого Носа. Использование «волока», таким образом, связывают «не боязнью сувоя, а червия на оконечности Св. Носа». Северная Россия // Живописная Россия. СПб.; М., 1881. Т. 1. Ч. 1. С. 154. Ошибочность такого утверждения очевидна по многим позициям. Хотя бы, например, что по условиям жизни и размножения этого вида моллюсков требуется спокойное мелководье.

[13] Зацепин В. И., Филатова З. А. Класс Двустворчатые // Жизнь животных. М., 1968. Т. 2. С. 153.

[14] Белов М. И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 239.

[15] Канон прп. Варлааму. С. 415.

Современные ученые полагают, что упомянутые «черви» — «морские древоточцы» — относятся к роду Norvagica (Норвежские), традиционным местом обитания которых признается юго-западная часть Баренцева моря. Такие уникально крупные «черви», доходящие в длину до пятидесяти сантиметров, редкость даже для тропических морей. Говоря о питании этих моллюсков, ученые подчеркивают интересную их особенность. Несмотря на имеющуюся способность перерабатывать древесные опилки, эти твари, как и все моллюски, сохранили способность питания методом фильтрации. Существуя вне древесной среды, они питаются мелкими планктонными организмами[16].

Сегодня, в век новых технологий, проблема борьбы с корабельными древоточцами актуальна лишь в ВМС России. Это связано с тем, что корпуса противоминных кораблей с целью уменьшения их электромагнитных полей, на которые реагируют современные морские мины, часто изготавливают из клееной древесины. Но и сегодня благодаря молитвам Варлаама на Северном флоте опасности поражения таких деревянных корпусов «корабельными сверлилами» нет. По оценкам военных специалистов, эта проблема ныне существует лишь на Тихоокеанском, Черноморском и Балтийском флотах.

«День приблизился»

Закончилась, наконец, третья полярная ночь. Время тьмы и жестоких штормов под испытующим взглядом смерти, ледяным дыханием которой ревет и вздымается грозное Северное море. Наступила долгожданная передышка полярного лета, а это уже значило, что исполняется последними днями третий год морских мытарств Варлаама.

Срок его скитаний был определен Феодоритом в словах: *«дондеже изгниет тело умершее»*. Недавно, в свой последний приход в Колу на Пасху, Варлаам, как обычно, причастился посланной ему из монастыря Богоявленской водой и разговелся после поста рыбой с пирогом-репником. Молчаливый послушник, принесший ему эту пасхальную радость, к удивлению Варлаама, впервые за три года помимо привычного «Христос Воскресе» произнес: «Авва благословил сказать: “Читай послание к Римлянам: *«Ночь прошла, а день приблизился. Поступай, зная время, что наступил уже час восстать от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали”» (Рим. 13, 11)*. С этими словами послушник земно поклонился и, поставив все присланное из монастыря на прибрежные камни, удалился. Получив назад свой кузовок со снедью и анкерок с водой, Варлаам в глубокой задумчивости столкнул свой карбас с береговой отмели и двинулся

[16] Зацепин В. И., Филатова З. А. Класс Двустворчатые // Жизнь животных. М., 1968. Т. 2. С. 154.

в обратный путь. Взяв курс на север, он привычно налег на весла, не переставая размышлять над словами Старца.

Проходя навсегда памятный ему мыс в Кольском заливе, Варлаам бросил якорь-дрек на отмели у Абрам-корги, дабы передохнуть и глянуть в слова Писания. К своему удивлению, среди сухарей, сушеных ягод, корешков и травы он обнаружил еще и отрез отбельной льняной ткани. Достав из кожаной кисы Евангелие, которое еще мальчишкой он переписал для себя в Шуерецком скиту, Варлаам открыл Послания Апостолов и углубился в чтение, пытаясь отыскать строки, упомянутые Феодоритом.

«Три года назад *“зашло солнце”* и наступила ночь, — размышлял он над богодухновенными строками Писания, — ныне же, Старец говорит, что *“ночь прошла, а день приблизился”* и еще *“знай время, — наступил уже час восстать от сна”»*. Варлаам глянул на закрепленный в корме гроб. Уже несколько дней над морем стояла тихая, ясная погода. Он даже боялся осмотреться по сторонам, дабы не спугнуть эту благодать и вызвать появление той неумолимой хмари тумана, сырости и промозглого ветра. Но все было тихо и светло. Весеннее солнце уже довольно сильно припекало, но обычный в таких случаях тяжкий дух тления так больше и не появился. Варлаам положил ладонь на нагретую солнцем, горячую крышку гроба. «Ну что, голубушка моя, страдалица, — произнес Варлаам, и глаза его увлажнились, — батюшка говорит нам, что *“день наш приблизился”*. Радость-то какая!» Варлаам смахнул слезу и, судорожно вздохнув, потянул конец каната, выбирая дрек. «Когда у нас день-то полный наступит? — подумал он, глянув на солнце, едва зависшее над скалистым берегом залива. — В июне солнце-то выше всего взойдет, вот тут и день наш наступит…»

Предчувствие

Близилось летнее солнцестояние, вершина короткого северного лета. Чуть-чуть склонится солнечный диск в полночь, и вновь сияет незаходящим светом полярный день. Нагретая солнцем тундра источает дурманящую, «душмяную» смесь ароматов. Подхваченные ветром со скал, смешиваются они с крепким духом проквашенных на солнце водорослей и уносятся далеко в море, принося немалое утешение всякой душе христианской «сущей в море далече».

Варлаам уже завершил свой тридцать шестой покаянный путь из Колы до Керети. К самому селению он всегда старался не приближаться, дабы не слишком пугать своих односельчан сыростью и туманом, упорно кружившим вокруг его кораблеца. И так во всякий его приход старики да бабы высыпали на крыльцо каждого дома выглядывать из-под руки «причину» накатившего с моря тумана. Да детишки начинали галдеть, гурьбой скатываясь

к берегу поглазеть на диковинного пришельца. Из рыбачащих же на рейде керетчан редко кто решался пройти вблизи «Варламьевой лодьи». Скорее, разве что по оплошности, в туманную погоду не признав загодя его карбас. Да и те, едва кивнув издали, отводили взгляд, спеша отойти подальше.

В этот свой приход Варлаам впервые подошел к Керети незамеченным. Облако привычной мари, на этот раз как-то вяло ползущее вслед за карбасом, с приближением керетских берегов стало вообще выдыхаться, все больше отставая от него. Когда же Варлаам вошел в керетские пределы, то вся эта так надолго приписанная к его плаванию непогода и вовсе потянулась на север и вскоре растаяла за горизонтом открытого моря.

Постояв на рейде родного села, в устье реки Кереть, он, как повелось, зашел в Чупскую губу, где на одном из островков всегда набирал в дорогу ключевой воды, а если удавалось, то и какой-нибудь лесной снеди.

Начав свой очередной, уже тридцать седьмой путь от Керети, в сторону Святого Носа, Варлаам неожиданно осознал, что произошла еще одна благодатная и радостная перемена. Не стало изнурительного, непрестанного встречного ветра. Более того, ветер все чаще был попутным. Можно было подумать и о парусе, том самом, лучшем, прямом парусе — фоке, что на языке поморов справедливо зовется «благодатью». Но он по-прежнему шел на веслах, боясь даже допустить мысль о том, что Господь являет ему очевидные признаки исполнения епитимии и возможного прощения. Не дерзая торопить события, Варлаам все же не мог уже запретить своему сердцу предчувствовать грядущий отрадный день.

Двигаясь вдоль Терского берега, он, подобно исцелившемуся больному, чутко улавливал и радовался запахам, приносимым ветром и воспевающим жизнь земли и моря. Но временами появлялся среди них еще один, смутно различаемый им необыкновенный аромат, от которого сладко щемило сердце, тревожа каким-то давним, забытым или даже неземным воспоминанием. Каждый раз это благоухание заставляло его замедлять движение весел и внимательно всматриваться вдаль, в сторону берега, и даже оглядываться по сторонам. Однако райское облачко улетало, запах ускользал от Варлаама, и он, вздохнув, вновь налегал на весла. Тем не менее вскорости все повторялось, и Варлаам стал замечать за собой, что с каким-то особым душевным волнением и даже нежностью ждет он этой новой, таинственной встречи. «Как бы не прелесть какая, бесовская, — осторожничал Варлаам, привычно заграждая сердце от посторонних вторжений, — хотя нет, пожалуй, тут все чисто. Лукавый, он может, конечно, сладости подпустить, да только пусто потом, тоскливо или тревожно. А тут светло на душе, как после молитвы чистой, со слезами».

Тем временем впереди по курсу уже всплывали всегда заставлявшие сильнее колотиться сердце каждого помора зловещие очертания мыса Святой Нос.

Новый человек

Но в этот раз на редкость не сложно перевалил Варлаамов карбас за коварную «пахту» на оконечности знаменитого мыса. Войдя в неприветливые воды Святоносского залива, он впервые за эти годы углубился в него, пройдя пару миль вдоль полуострова. Здесь сейчас было затишье, и, бросив на отмели небольшой бухточки якорь, Варлаам осмотрелся. Место это называли Лопским становищем, хотя лопарей здесь уж давно никто не видал. В ложбине, между высокими, темно-красного гранита скалами, был хорошо виден путь знаменитого «волока». У песчаного берега, тщательно очищенного от валунов и завалов выкинутого морем выбеленного топляка, валялись многочисленные бревна — катки. На века пропитанные тюленьим жиром-ворванью, они заметно отличались от прочей древесины, выкинутой на приливной береговой черте. Протоптанный и укатанный за столетия бесчисленными артелями рыбаков и промышленников, этот путь-волок позволял перетаскивать через злополучный мыс поморские суда и тем самым избегать страшных сувоев Святоносского траверза.

Варлаам обычно не заходил в эти недобрые места. Не было такой необходимости — он шел только морем и не мог позволить себе волока. Да и просто отстояться здесь, перевести дух, укрывшись мысом от жестокого северка или стока[17], тоже было рискованно. Течение, бывало, так крутило карбасы, что встать на якорь или причалить к берегу редко кому удавалось.

И, конечно же, иное мрачное обстоятельство заставляло рыбаков как можно скорее покидать эти берега. Места эти, как известно, *«непроходимы от множества червия»*. И червь этот морской шутить не будет, а здесь его полная власть. Вблизи берега, в тихих заводях, забитых затонувшей древесиной, личинок его плодится просто тьма, едва не кишмя кишит. Прицепится к днищу — пиши пропало.

Сейчас же Варлаам вовсе не испытывал страха, стоя в этой зловещей бухте. Совершенно по-иному, спокойно и глубоко дышали в нем и мысли, и чувства. *«Чувственные страсти, победив воздержания браздами, чудодейственный Варлааме, чистотою душевную Божественно вооружился, стяжав бесстрастие и целомудрие, ими же к Богу паче приблизился»*[18], — именно так, тонко и точно, раскрывается в Каноне суть нового состояния нашего Керетского подвижника.

Мысленно оглядывая эти прошедшие три года «хождений», Варлаам чувствовал, какая решительная, всеобъемлющая перемена произошла с ним. Тем немыслимым трехлетним испытанием, безжалостно и по-живому Господь перекроил все его существо. Тело его — этот извечный тиран человека, было жестоко усмирено и внешне, пожалуй, изуродовано нынешней своей согбенностью, заскорузлостью, задубелостью. Зная теперь свое место, это

[17] «Северко» и «сток» — поморские названия направлений ветра: северного и восточного.

[18] Канон прп. Варлааму. С. 416 об.

новое тело более не диктовало свою волю и пришло в гармонию с душой. *«Естество плотское повинув* [подчинив] *духу, постом и воздержанием, душу же Божественными дарованиями просветив, невещественные дарования Духа Святого приял»*[19].

Это было преображение прежнего «ветхого» homo sapiens, достигнувшего удивительной гармонии души и тела, при которой *«жизнь Иисусова открывается в смертной плоти нашей» (2Кор. 4, 10)*, и рождается homo Dei — человек Божий. Эта *«новая тварь во Христе» (2Кор. 5, 17)*, новый человек, жил теперь во всецелом послушании своему Творцу. Мир и тишина наполняли отныне этот *«храм живущего в нем Святого Духа» (1Кор. 6, 19). «Землею быв, земного достойно отступился, небесное обретя наслаждение»*[20].

Человек способен *«упразднить тело греховное, дабы не быть рабом греху, не повиноваться ему в похотях его» (Рим. 6, 6; 12)*. Обретя это благодатное согласие со своим обновленным телом, человек начинает преодолевать свой конфликт и со всем творением Божьим, поскольку «человек связан своим телом со всею плотию мира, и связь эта так тесна, что судьба человека и судьба всей твари неразрывна»[21]. И если подвижник достигает этого «искупления тела», то и *«вся тварь, которая совокупно стенает и мучается доныне» и «с надеждой ожидает откровения сынов Божьих», «освобождена будет от рабства тления в свободу славы детей Божьих» (Рим. 8, 19; 22)*. То есть, другими словами, такому человеку возвращается утраченное в Эдеме достоинство быть любящим отцом и повелителем для всего творения Божьего.

Потому и Варлаам, подумав о зловредных червях, прозрачные личинки которых в изобилии сновали на мелководье под его кораблем, не испытал ни опасения за целостность своего карбаса, ни иных неприязненных чувств к этой твари. «Человек, исказивший *“образ и подобие Божье”* — вот причина всех бед на земле, — подумал Варлаам, проникая взглядом в толщу воды, — и эти “сверлила”, эта морская *“тварь подчинилась злой суете не добровольно, но по воле покорившего ее” (Рим. 8, 20)*, по воле падшего человека, повредившего ее смертной силой своей греховности».

«Так что, кто я такой, чтобы негодовать на этих червей, я грешнейший из всех, — размышлял Варлаам, припоминая слова одного из тех покаянных псалмов, что неустанно повторял он, скитаясь в волнах: *“Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: «он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему”» (Пс. 21, 7–9)*.

---

[19] Канон прп. Варлааму. С. 418 об.

[20] Там же.

[21] Флоровский Георгий, протоиерей. Цит. по: Давыденко Олег, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. ПСТБИ. М., 1997. С. 74.

«Да будет так. — Варлаам перекрестился, возлагая все свое упование на Господа. — Если угоден я Творцу моему, то Он спасет меня и избавит от этого червя морского, как спасал во всех моих злоключениях этих лет».

Власть любви

Обычно голые бесприютные скалы Мурманского берега сейчас, к середине июня, кое-где неброско зеленели мхом и ягодными кустиками морошки и брусники. По неприметным уступам и расселинам этих, на первый взгляд, совершенно отвесных теснин густо лепилась, согревая своим теплом каменные гнезда «базара», всевозможная морская птица.

«Вот тварь Божья, сколько раз лишь ты мне бывала спутницей, — подумал Варлаам, вспоминая пережитое и глядя на безбоязненно и в изобилии покачивающуюся перед ним на волне пернатую живность, — правда, и вы все тогда тоже сторонились меня». Громадные серебристые чайки, только что бесшумно скользившие над водой, как бы услышав его укор, неожиданно стали садиться на борт карбаса, едва не тесня самого Варлаама. «Ну что, крикунья, — обратился он к ближайшей к нему, — не сторонишься больше меня». Варлаам протянул руку и, как само собой разумеющееся, почесал нежную шейку птицы своими заскорузлыми, плохо разгибающимися пальцами. Птица повернула голову и внимательно посмотрела в ладонь Варлаама. «Э, голубушка, чего захотела, нет у меня рыбки, — ответил на ее молчаливую просьбу Варлаам, — сам ем раз в году». То ли сказал, то ли подумал. Как исчезла эта грань, даже не заметил.

Большой пестрый поморник спланировал с вышины на карбас и уселся на крышку гроба: «Ну-ка, братец, это не дело — с гроба-то сойди», — мысленно попенял птице Варлаам. Он ничуть не сомневался в том, что птица его понимает, так же как принимает и эту его власть над собой. Принимает добровольно, на правах взаимной любви. Поморник потоптался перепончатыми лапами по крышке и спрыгнул вниз на «кару», среднюю скамью карбаса. «Значит, говоришь, люди идут по волоку. Далеко им еще волочь свою шняку-то, считай, версту целую»[22]. Варлаам обвел взглядом рассевшуюся вокруг него живность. Они были похожи на прилежных учеников, дружно собравшихся в кружок, чтобы внимательно послушать своего любимого учителя. «Ну что, братья и сестры, время пения, молитвы час, — произнес Варлаам, перекрестился и запел: — *“Всякое дыхание да хвалит Господа...”* *(Пс. 150, 6)*.

Прошло немало времени. Варлаам полностью погрузился в молитвенное созерцание, ум соединив в сердце и предстоя Самому Господу.

[22] «Шняка — основное промысловое судно на Мурмане в XVI–XVIII веках. Рассчитана на артель из четырех человек. Имела три пары весел и парус». Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время. Мурманск, 2001. С. 315.

Иисусова молитва, которой еще в юности научил и по ступеням которой вел его старец Феодорит, ныне возносила Варлаама к Горнему Иерусалиму, к зрению сокровенных Тайн Божьих. *«Душу Божественными дарованиями просветив, превысок умом сущих в вещех явлься* [≈ умом проникая в суть всего сущего. — **Прим. М. М.**], *невещественные дарования Духа Святого принял еси»*[23], — именно об этой высоте молитвенного делания и редчайшего дара великих избранников Божьих свидетельствуют эти строки Канона.

Отдаленный шум и людские голоса, доносившиеся с берега, привлекли внимание Варлаама, и он, откинув с головы капюшон-куколь, посмотрел в сторону волока.

Встреча у Волока

Не раз за время своих скитаний встречал Варлаам носимые волнами, полузатонувшие суда поморов с громадными брешами в корпусе. Бывало, что и с намертво вцепившимися в бортовые «нашвы» корабля замерзшими утопленниками. Это были страшные свидетельства вынужденного хождения северных мореплавателей по Святоносскому волоку. Скольких таких несчастных скитальцев, да и иных уже выкинутых прибоем безымянных тел, захоронил Варлаам по бесчисленным каменным варакам и кряжам Мурманского и Терского берегов.

Четверо мужиков рыбацкой артели, чьи голоса и дружные уханья уже давно долетали до Варлаама, наконец выволокли свою шняку на песчаную полосу прибоя и остановились у самого уреза воды. Только сейчас они заметили безбоязненно стоящий на мелководье карбас и изумленно уставились на него. «Что за притча, братцы, — сказал, наконец, один из них, — не иначе как призрак, наваждение лестное. Вот беда-то, знак недобрый». «Брось, Игнашко, какой еще знак, — вздохнул другой, постарше, явно кормщик, прилаживая подпорку под борт стоящей на катках шняки, — то ж поп Керецкий, Василием кличут. Вон и гроб с попадьей в корме принайтован. Встречал я уж его, знамение доброе — беды не приносит. А вот душу, так ту точно бередит. Когда кто такое видывал, чтоб такой мукой грех замаливать. Не диво, что иные не верят, призрак, говорят, не под силу такое смертному».

«Вот я и говорю, что точно призрак мечтательный. Потому он и червия-то не боится, что не человек он. Стоит себе в этом месте гиблом, среди топляка», — не унимался Игнатий и, косясь на Варлаамову лодью, принялся высматривать среди прибрежных водорослей затаившуюся беду.

[23] Канон прп. Варлааму. С. 418 об.



«Нет, Игнашко, это ты не гораздо говоришь. Червия потому он не боится, что чистую веру ко Господу имеет и, воли своей отвергшись, лишь по Божьей воле живет. А потому, чего ему бояться, коли всего себя деснице Его вверил». Внимая этим словам старшóго, прочие артельщики неотрывно глядели на этот странный карбас, на сгорбленную фигуру старца с длинной седой бородой и на выбеленный солнцем таинственный гроб-колоду. «Ну, чего смотрите, как очарованные. — Кормщик почувствовал, что вот-вот начнутся неизбежные расспросы, и поспешил прервать паузу. — Крень[24] отцепляй, да в воду полезайте, проверить надо, не намыло ли камней прибоем, да весь топляк на берег повытаскивайте. Готовьте путь по мелководью, шняку на воду с разбегом погоним, толкать будем что есть мочи, пока ноги достают, и сразу запрыгивай, да на весла налегай. Бог даст — пронесет».

Мужики, скинув батары — очень высокие сапоги черной лошадиной кожи, зашли в воду и, нащупывая ногами камни, начали откидывать их в стороны. «Да они кругом тут — тварь злодейская! — вдруг вскричал Игнашка. Он с омерзением глядел на кусок обломившегося в его руках топляка, в котором неожиданно открылось множество тех ненавистных моряку тварей, что извивались на губительном для них солнечном свету. — Не прорвемся мы, Никито, непременно цепанем заразу эту! — Он метнул на берег вконец проеденный топляк со свисающими с него мерзкими, раздвоенными на конце розовыми щупальцами[25]. — Может, все ж лучше было морем, нешто там, у мыса, никто пройти не может? Говорят, там, на камне, надоть “прикормить” маленько»[26].

«Господу молиться надо да Николе Чуднику. Ишь, что придумал, “прикормить” — лукавого приваживать, что уголья на голову собирать. — Никита поглядел на брошенный в песке коварный топляк и принялся внимательно ощупывать и простукивать просмоленные шпангоуты шняки. — Можно пройти, да только особо опытные да удалые дерзают. На малом кораблеце разве что, и то только под веслами. Надо так к скале жаться, что едва веслом не достаешь, да жир тресковый лить за борт не жалея, дабы та лайва волну усмирила. И если проскочишь между скалой и черным камнем, что Воронухой кличут, то, может, и избегнешь тех сувоев. Да только зазеваешься, тотчас в струю попадешь, и унесет на погибель

[24] «Крень — особая подкладка из смолистого дерева, укрепляемая под киль перетаскиваемого волоком судна». Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 76.

[25] «Они [древоточцы] обладают червеобразным удлиненным телом, на заднем конце которого имеется два длинных тонких сифона — вдыхательный и выдыхательный». Зацепин В. И., Филатова З. А. Класс Двустворчатые // Жизнь животных. М., 1968. Т. 2. С. 153.

[26] «У этого мыса лежит большой камень, которому проходящие мимо суда имеют обыкновение приносить жертвы маслом, мясом и другими съестными припасами, веря, что если этого не сделать, то ладья или корабль погибнут здесь, как это действительно часто случается». Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938. С. 74.

верную. И тогда уж точно об “Диану” расшибешься. Камень тот неспроста Дианой кличут, что издревле всех ведьм начальница, — уж если попал в ту стремнину, точно на том камне погибель найдешь[27]. Так что, говорят, лишь только поп этот, Василий…» Тут рассказчик почему-то вдруг замолк. Оглянувшись на замолчавшего старшóго, Игнатий хотел было что-то спросить, но тут и сам осекся.

Старик Никита стоял на коленях и, прижав руки к груди, завороженно глядел в сторону морской глади. Его лицо было освещено странным блистающим светом, идущим со стороны моря. Игнатий испуганно оглянулся. Оглянулись, почувствовав за спиной нечто странное, и все артельщики. На лодье, в полный рост и воздев руки в молитве к небу, стоял величественный Старец. Вся его фигура, лицо, волосы, одежда сияли ослепительным светом. *«И просветися лице Его, яко солнце» (Мф. 17, 2)*, — вдруг ясно зазвучали в сердце каждого святые строки Евангелия, — *«и одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9, 3)*.

Чудо

Когда эта рыбацкая артель вышла к берегу, завершая тяжелый путь волока, Варлаам был весь погружен в молитвенное созерцание. Пребывая в такой непрестанной молитве, он, конечно же, слышал все разговоры этих рыбаков, наблюдая из-под своего куколя их приготовления, чувствуя сердцем все их страхи и надежды. Молитвенно предстоя Господу, он нижайше обратил к Нему свой ум и сердце, испрашивая милости к этим простым труженикам моря, смиренно принося свое ходатайство об их судьбах. И тут же, к скорби своей, услышал он, как в древесине их судна уже скребутся личинки червей. Он вопросил Господа о судьбе этих людей, и зрением духовным ему открылось, как в страшную брешь корпуса врывается бурный поток воды, и увидел он, что трое из рыбаков смертельно бледны и глаза их навсегда остекленели…

«От великой скорби и стесненного сердца» (2Кор. 2, 4) слезы жалости и сострадания хлынули из глаз Варлаама. Глубоко восскорбел он о тяжкой доле этих рыбаков и обо всех мореплавателях Севера, о всякой душе христианской «сущей в море далече», и *«обо всех безнадежно плачущих о погибели своей»*. И тогда он поднялся в своем карбасе и, распрямившись, возопил сердечным плачем ко Господу *«и руки воздев на небо услышан был»*. Те самые руки *«некогда окровавленные убийственную кровию женскою»*

[27] «Камень Диана лежит от оконечности Святого Носа в расстоянии порядка 2 миль. Место камня определено плохо, и положение его сомнительно. Течения около камня Диана стремительные, и потому суда должны остерегаться при приближении к этому месту». Лоция Мурманского берега. Л., 1925. С. 515.

ныне же *«чисты и святы воздеваешь ты ко Вышнему, испрошая от Того благодать обрести»*[28].

Он молил Господа запретить всему *«множеству червей морских творить отныне пакости над лодьями мореходцев»*. И так же, как ему оказалось дано Господом *«без вреда пребывать от них»,* так чтобы *«и прочим человекам путь без вреда сотворити»*. И снизошло на него благословение Божье, и *«хотя естеством своим непобедимы те черви были, но его молитвы Богу послушали»*.

Где стояли артельщики, там и пали они на колени, не замечая ни воды, ни холода. Дивный свет, излучаемый этим объятым огнем Старцем, обильно изливался на них, проникая в глубину души и наполняя неизъяснимым блаженством, тишиной, покоем… *«Сияюще паче солнца и всем души просвещающе, и в мир мысленный восхищающе»*[29].

Они, зачарованным взором и не ведая времени, вкушали от Божественной Трапезы, исполняясь дивной благодати Святого Духа. Вдруг увидели они, как море вокруг лодьи пришло в некое бурное движение и кипение. Переливаясь красно-розовыми оттенками света, на поверхности воды явилось то самое великое *«множество зловредного червия»*, ныне вызванного молитвой преподобного Варлаама из морских глубин.

«Именем Господа нашего Иисуса Христа, всякую власть имеющего на небеси и на земли, — разнесся над заливом голос святого Старца, — повелеваю вам, черви морские, *“отбегнути от сих непроходимых мест у Святого Носу и отойти туда, где тьма и мрак глубок, непрестанно бывают”»*.

«Венец Победный»

Итак, как воспевается в Каноне: *«Люди возрадовались радостию неизглаголенною»*, ибо страшные «корабельные сверлила» Святоносского залива бесследно пропали. *«И абие черви без вести сотворишеся»*. Мореплаватели Севера получили *«путь морской строен, и благопоспешен, и благополучен»,* и корабли поморские, как поется в Каноне, от того дня *«с песней возвращаются, целы и невредимы, тебя, своего заступника, воспевающе и Христа величающе»*[30].

И по настоящее время моряки Кольского Севера ничего не знают об этих «зловредных червях», хотя характерные отверстия в древних остовах кораблей, еще лежащих на берегах Кольского полуострова, по мнению ученых, свидетельствуют об их явном наличии в прошлом.

---

[28] Канон прп. Варлааму. С. 415.

[29] Там же. С. 418 об.

[30] Там же. С. 415 об.

Самое же примечательное, и что особо подчеркивается в Каноне, это то, что Варлаам не уничтожил этих червей, а именно заклял, «от чего они потеряли свою силу». Поскольку, как тварь Божья *«естеством своим непобедимы черви были, но Варлаамовой молитвы к Богу послушались»*. Именем Христовым было дано им повеление: *«отбегнути и отойти в непроходимые места от Святого Носу, идеже тьма и мрак непрестанно бывают»*.

Как мы уже упоминали ранее, описывая природные особенности этих «червей», несмотря на имеющуюся у них способность перерабатывать древесные опилки, твари эти, как и все моллюски, сохранили также и возможность питания методом фильтрации. Другими словами, существуя вне древесной среды, они могут питаться мелкими планктонными организмами. В этой связи следует обратить внимание на то, как в Каноне подчеркивается этот факт приобретенного, а не естественного способа питания этих моллюсков, путем «сверления» древесины кораблей. *«Видел еси океанскую пучину нечистую и человеками непроходимую от множества червия, иже остовы вертети кораблей* ***естеством навыкших****»*. То есть естество этих существ, их изначальные природные свойства претерпели последующие изменения, и в результате они *«навыкли»*, приобрели этот вредоносный навык — «вертеть» остовы кораблей. Таким образом, здесь мы вновь видим указание на то, что Господь в акте Творения не сотворил зла. Единственной причиной приобретения вредоносных свойств той или иной тварью Божьей, червем ли, бактерией или вирусом, выступает человеческая греховность. Наблюдаемое в настоящее время нарастание этого смертоносного процесса деградации благодатных природных свойств живой природы определяется дальнейшим возрастанием греха в мире.

В то же время Святой Дух и преизобилующая Благодать, изливающиеся на земную тварь по молитвам каждого святого угодника Божьего, принявшего *«от Вседержителя Бога венец победный»*, способны нейтрализовать греховный дух мира, уврачевать последствия его воздействия и исцелить повредившуюся природу Божьего творения. Это понимали и современники преподобного Варлаамия: *«Если бы не ты предстал* [пред Господом] *и помог, никогда бы от стольких грызущих червей не избавились»*[31].

Так что, как свидетельствуют ученые-зоологи[32], живет в наших морях эта тварь Божья по имени Nototeredo Norvagica, да только по заклинательным молитвам Варлаама с Керети вреда корабелам и по сей день чинить не смеет. «Многие за правду сказывают, что и поныне оные необыкновенные черви есть, и что их видали, и что они с костяным белым носком»[33].

---

[31] Канон прп. Варлааму. С. 415.

[32] «В Баренцевом море, по косвенным данным, моллюски Teredo зоологически представлены». Божич П. К. Защита дерева от морских древоточцев. М., 1939. С. 6.

[33] Фон-Пошман. Архангельская губерния. 1802 год // Архангельские Губернские ведомости. № 31. 1873.

На этом удивительном примере преображения человека-грешника мы можем убедиться, что человек способен *«упразднить тело греховное, дабы не быть рабом греху, не повиноваться ему в похотях его» (Рим. 6, 6; 12)*. В свою очередь, обретя это благодатное согласие со своим обновленным телом, человек начинает преодолевать свой конфликт и со всем творением Божьим, поскольку «человек связан своим телом со всею плотию мира, и связь эта так тесна, что судьба человека и судьба всей твари неразрывна»[34]. И если подвижник достигает этого *«искупления тела»*, то и *«вся тварь, которая совокупно стенает и мучается доныне» и «с надеждой ожидает откровения сынов Божьих», «освобождена будет от рабства тления в свободу славы детей Божьих» (Рим. 8, 19; 22)*. То есть, другими словами, такому человеку возвращается утраченное в Эдеме достоинство быть любящим отцом и повелителем всего творения Божьего.

Чудо Святоносского залива удостоверило Варлаама в том, что он выполнил эту невиданную епитимию и скитания его завершаются. Господь простил грешника и, более того — теперь он *«многих чудес приял еси благодать». «Мужеством души и верой вооружился, бурю и дождь, и всякую воздушную нужду терпя, потщался еси сохранить заповедь отца своего духовного, и того ради приял от Вседержителя Бога венец победный на страсти, и на бесы исцеление»*[35].

«Христово благоухание»

«Помолись о нас, грешных, отче святый! Не забудь нас в своих святых молитвах, — кланялись и слезно благодарили Преподобного рыбаки, — чудо-то какое великое — век этой радости не забудем, всем людям поведаем». И долго еще, удаляясь в море на исцеленной теперь от червия рыбацкой шняке, выкрикивали они свои имена: «Об Игнашке, грешном, помолись, отче! Никиту! Никиту помяни…»

Варлаам пребывал в некоем новом блаженном физическом изнеможении с растворенною в нем духовной радостью. С недавних пор в моменты отдыха или сна он полюбил склоняться головой на белое дерево гроба и, обхватив его руками, так замирать в сладком умиротворении. Вот и сейчас он прижался щекой к гладкой, нагретой солнцем крышке и как будто задремал. В это мгновение кто-то легонько коснулся его руки. «Матушка!» — привычно улыбнулся во сне Варлаам и, подняв голову, понял, что не ошибся. Конечно, это была она, его родная матушка, его радость и счастье, и в то же время как бы не она, а совсем иная.

---

[34] Флоровский Георгий, протоиерей. Цит. по: Давыденко Олег, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. ПСТБИ. М., 1997. С. 74.

[35] Канон прп. Варлааму. С. 415 об.



Тот неземной красоты образ, который он увидел сейчас пред собою, был совсем не из тех видений, приходящих к нему среди прошедших лет его морских страданий, в минуту предельного напряжения сил. Тогда к нему приходила страдающая душа, и приходила плакать и непомерно терпеть вместе с ним. Бывало тогда, и он это видел, как жутко бледнело или темнело, покрываясь ледяной коркой, ее лицо, и звенели на ветру сосульки ее обледеневших волос, а к нему, замерзающему, вновь возвращалось угасающее тепло его крови. Видел он, как не могла она открыть своих скованных замерзшими слезами глаз и на ощупь искала прикоснуться к нему, тем возвращая его к жизни. Как текла кровь из ее стертых до костей от его непосильной гребли ладоней, и исцелялись его изуродованные веслами руки, даруя ему силы и мужество выстоять.

Они жили и страдали тогда единым существом и воистину «едиными устами и единым сердцем» просили Господа принять их общую молитву и покаяние, ибо смерть не разлучила их.

Теперь же она была так прекрасна в своей чистой, светлой красоте, как может быть совершенен лишь некий идеал, недостижимый в этой земной жизни. Эта равноангельская сущность в облике той, что некогда была его матушкой, так узнаваемо скромно присела перед ним на борт карбаса и таким родным, хорошо знакомым Варлааму движением рук оправила свои неземные белоснежные одежды, что сердце его умилилось чрезвычайно и исполнилось небывалой радостью.

Когда же она с невыразимой нежностью и так ясно взглянула в глаза своего батюшки, то он своим смертным телом оказался не в силах перенести этот безудержный и солнечный поток небесной любви и, как переполненный сосуд, весь излился неудержимыми слезами рыданий. Никогда в жизни он не испытывал столь блаженных слез, он был так счастлив, увидев свою любимую в лике небесной жительницы, достигшей вожделенных чертогов Горнего Иерусалима. Он вдыхал неземное благоухание этого горнего мира, исполняясь радостью свершившегося искупления, прощения, дарованного Господом, и щедрых Его наград.

Когда Варлаам очнулся, он еще судорожно дышал, испытывая блаженное послевкусие этой встречи с горним миром. В голове все еще звучал голос матушки и слова любви, принесенные из вечности. Эта была строка из Священного Писания, что на прощание произнесла его любимая: *«Беги, возлюбленный мой, и уподобься серне или юнцу оленя на горах ароматов» (Песнь Песней 8, 14).*

Обретение

Смахнув остатки слез, Варлаам осмотрелся. Над заливом стоял полный штиль. Солнце стояло высоко, хотя, судя по всему, время уже было ночное. «Сегодня солнце самое высокое, — подумал Варлаам и глянул в корму карбаса, — сегодня, матушка, тот самый Феодоритов *“день приблизился”*».

Старый его приятель, пестрый поморник, сидел в изголовье гроба и, склонив голову, не мигая внимал Варлааму. «Вот и *“наступил час восстать от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали”*», — продолжил Варлаам навек отпечатавшуюся в его памяти строку из Апостола. Тут он вдруг осознал некую странность. Несмотря на то что дивное видение уже закончилось, он по-прежнему пребывал в некоем благоуханном облаке явно райских ароматов. Это был тот самый запах, который с недавних пор посещал его, изрядно утешая в пути, и к которому он даже успел привязаться, доверившись сердцем как к явлению очевидно благодатному. Теперь, когда так ясно открылась райская природа этого «благоухания духовного», Варлаама внезапно пронзила потрясшая его догадка. Он бросился в корму карбаса так стремительно, что даже друг-поморник, подскочив от неожиданности, едва не улетел восвояси.

Выдолбленный из цельного бревна вековой сосны, гроб-колода был надежно притянут канатами к бортам карбаса. За три года морская соль так пропитала и выбелила древесину, что она сделалась похожей на кость. Припав к белой крышке гроба, Варлаам только и смог что прошептать: «Господи, помилуй!» Весь гроб благоухал такими неземными ароматами, что кружилась голова и сладко заходилось сердце[36].

Странный звук привлек внимание Варлаама — друг-поморник, устроившись рядом с его головой, выразительно клевал тугой узел каната. Потеснив усердного помощника, Варлаам с немалым трудом принялся развязывать крепко затянутую, просоленную пеньку. Разрешив от пут свою наболевшую ношу, он поддел крышку гроба, и она на удивление легко подалась…

Есть законы жизни и законы смерти и *«всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать» (Еккл. 3, 2)*. Есть время, отведенное для жизни всякой плоти, и есть время *«дондеже мертвое тело тлению предастся»*. И по земным законам бытия мертвое человеческое тело должно *«изгнить до конца»*. Так определил Господь еще нашему праотцу Адаму — *«в землю возвратиться, из которой ты взят»*.

Так было велено и Варлааму отцом его духовным: *«носить мертвого во гробе, дондеже не изгниет тело умершее»*. И в течение целых трех лет

[36] «Лице свое и очи прилагаше к мощам, и не хотяше от плача перестати, и от мощей святого восстати. Ибо благовоние райское сладость ему подавая, медлить того понуждало на мощах святого». Слово Сергия Шелонина на обретение мощей святителя Филиппа Московского. Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 429.

все то, что подчинилось распаду, что поддалось закону тления, все имела право забрать в свое вечное приобретение неумолимая Смерть.

Варлаам открыл гроб. Первый момент он ничего не видел, столь неземную силу имело это благоухание, эта *«сладость благовония райского»*. Отдышавшись, он отложил в сторону крышку гроба. Волнуясь, бережно приподнял Варлаам ветхую погребальную пелену и замер в благоговейном почтении — он совершенно ясно осознал, что обрел сейчас святые мощи угодницы Божьей. Немного преуспело в них ненасытное тление в той своей разрушительной трехлетней работе над телом святой подвижницы. Мало что досталось в подношение безжалостной властительнице страшного царства небытия — Смерти.

«Святая угодница Божья, — Варлаам перекрестился и впервые в молитвенном прошении произнес родное имя своей жены, — моли Бога обо мне, грешном!»

Настало время достать тот отрез отбельной льняной ткани, что был послан ему от Феодорита в последний его приход в Колу. Пришло время пошить белые одежды и облачить в них мощи той, что не изменила ему никогда и ни в чем.

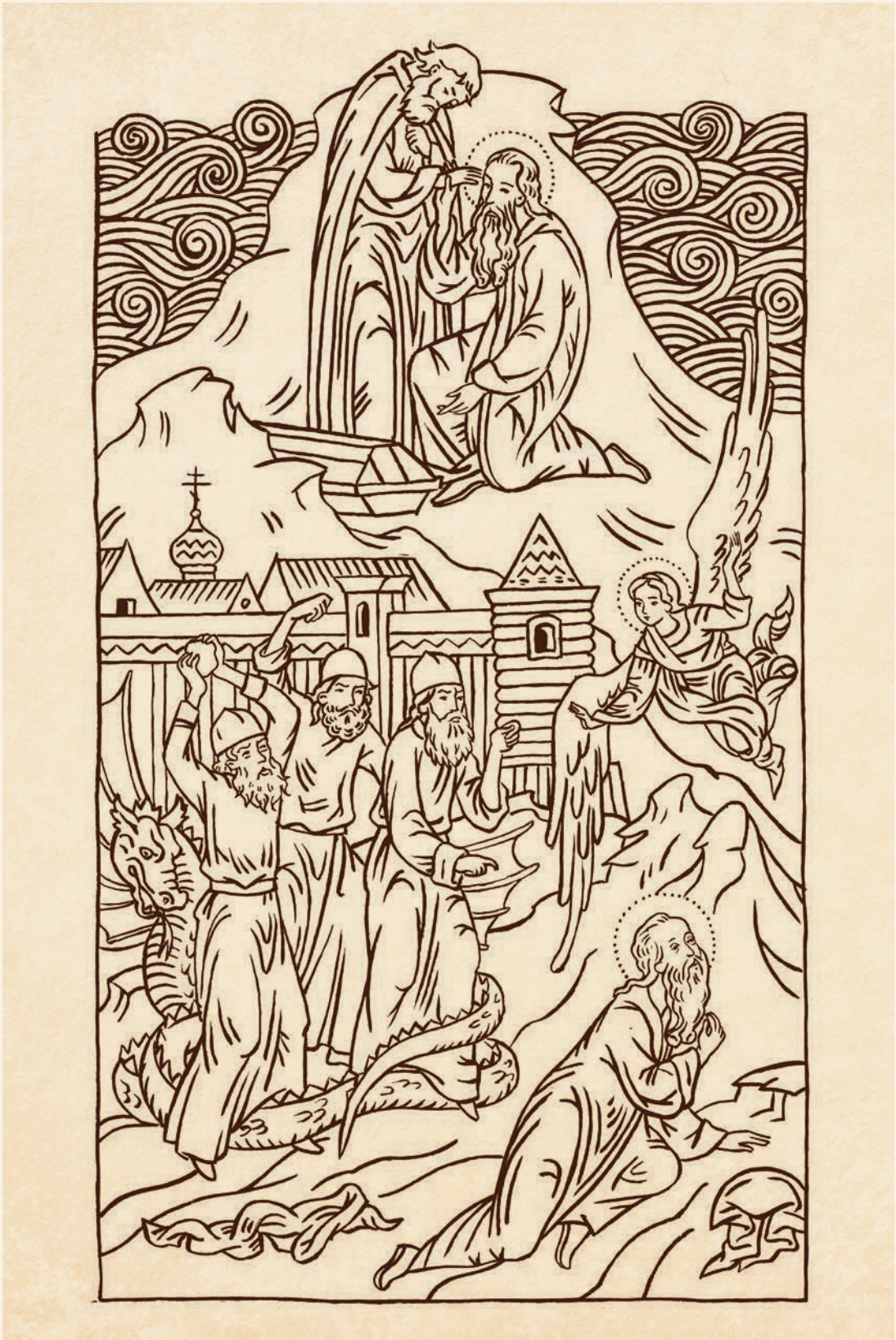
К радости

Вот и исполнилось тяжкое время духовного врачевания, время небывалого подвига во славу Господа и в посрамление князя тьмы. Пора было этой удивительной супружеской паре скитальцев увидеться со отцом своим духовным и поделиться небывалой радостью — радостью победы жизни над смертью. И возблагодарив Господа, исцелившего их от язвы греха, по молитвам великого старца Феодорита Кольского, одному из них принять от своего духовника благословение на долгожданное принятие Святых Христовых Тайн, другому же — благословение на вечное упокоение в поморской земле.

В духовной радости направил Василий свою ладью под парусом от Святого Носа на запад, к Кольскому заливу, к этому северному устью «великой реки Колы». Ветер был свежий и теперь уж попутный, да и *«море на плечах своих тебя носяще»*. В нетерпении прошли дни пути, и вскоре причалил он к Каменному острову, где стоял Свято-Троицкий монастырь, основанный восемь лет назад преподобным Феодоритом.

Однако столь чаямая встреча с духовным отцом не состоялась. Основателя и строителя монастыря, старца Феодорита, в обители уже не оказалось.

ГЛАВА VI



«Неслыханные мятежи...»

Бунт в Коле

События, произошедшие в Коле весной 1548 года, незадолго до завершения Варлаамом своих морских мытарств, безусловно, глубоко символичны и, несомненно, стали ключевыми, определяющими дальнейшую судьбу многих их участников как в жизни земной, так и небесной.

Год этих событий можно определить достаточно точно — это голодный 1548 год. В этом году «князь века сего» дал решительный бой святому старцу Феодориту.

Каждый подвижник, дерзнувший посягнуть на эти полуночные земли, на которых испокон веку безраздельно властвовали силы зла и тьмы, неизбежно должен быть всегда готов вступить в этот бой и выстоять в этом испытании. *«Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф. 6, 13).*

Надо сказать, что если проповеднические труды Феодорита до этого времени были не столь драматичными, то на его долю к его семидесяти годам выпала, видимо, нежданная для него беда, тяжкое душевное горе, когда вся братия его монастыря, все лелеемые им духовные чада, подстрекаемые и соблазненные бесами, восстали на своего игумена и учинили бунт. И, более того, избив святого старца, *«выкидывают»* его из обители. А в дальнейшем насильно изгоняют его *«от страны той»*, *«от тех пустынь поневоле во вселенную»*[1]. Вот насколько нетерпима силам тьмы была благодать и святость, обильно изливавшиеся в эту землю, прежде *«дикую и непроходную»*, трудами блаженного старца Феодорита.

Но как же древний змий так ловко сумел ввести в искушение всю братию? Как же случилось такое падение, такой грех, такая беда на пути спасения для всех иноков монастыря? Вот что об этом рассказывал сам Феодорит, как о том пишет Курбский: *«Нетерпимо было древнему супостату человеческого рода завистливыми очами своими видеть столь возрастаемое здесь благочестие. И разъедаемый ненавистью враг начинает действовать. Он наущает новоначальных монахов из братии монастыря, и шепчет невидимо в уши, и глаголет им в сердце: "Тяжел и неподъемен вам путь, которым ведет вас игумен. Никто из человеков не может вытерпеть этот его Устав. Как это можно без имений жить и только своими руками хлеб добывать?"* И *"сложившиеся с диаволом"* такие монахи *"в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только*

[1] Курбский. С. 332.

из монастыря извлачают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего"». Это то, что касается непосредственных исполнителей воли невидимого режиссера этой трагедии.

Относительно же оценки этих событий в историческом, общецерковном плане надо признать — налицо все та же проблема, обострившаяся к XVI веку. Это все то же разделение в церковной жизни между исповеданием духа подвижничества и истинного монашества и «духом мира века сего». Вот так, внезапно, на Коле наступили времена, когда монахи уже не представляли себе иноческой жизни без владения селами, землями, людьми, без торговых операций, оброков, поборов и сдач в аренду.

Это нападение бесовское, так нежданно охватившее братию и столь яростно обрушившееся на Феодорита, наводит еще на одно соображение сокровенного, мистического плана. Видимо, действительно жутко силен был тот демон древний, с которым вступил в смертельную схватку преподобный Варлаам. Страшный дух мрачной Похьелы — этой «страны ужасов и злого чародейства»[2], в полной мере упивался своей победой над ненавистным Керетским попом и, не без оснований, полагал эту победу окончательной.

Но случилось неожиданное: святой подвижник Феодорит-пустынник возложил Варлаамовы руки на свою шею, да и взвалил на себя тяжесть случившегося: «На моей вые согрешение твое, чадо. И да не истяжет тебя о сем Христос Бог». В древнерусских чинах исповеди можно встретить этот выразительный момент передачи грехов кающегося своему духовнику: «И руце того исповедающегося на свою выю положити и всем грехом великим себя повинна сотворити»[3].

Небывалое дерзновение пред Богом явил великий старец Феодорит в той страшной данной им епитимии. Именно его мощная молитвенная поддержка, оказанная духовному сыну в столь немыслимой брани с «врагом рода человеческого», вновь жестоко посрамила древнего демона, коварство и зломудрие которого обратились в «горящие угли на голову его» (Пр. 25, 22). И новый великий угодник и чудотворец явился людям, дивно прославив «Пречестное и Великолепое Имя — Отца и Сына и Святаго Духа».

И тогда, *«сложившись со дьяволом, монахи оные вознеистовавшася на старца святого…»*[4].

---

[2] Даже такие неустрашимые воины и отчаянные мореплаватели, как викинги, которых в Испании, например, называли «языческими чудовищами», даже они о землях, населенных лопарями, отзывались не иначе как — «Иотунгейме», что означает «страна ужасов и злого чародейства». Фиркс фон И. Суда викингов. Л., 1982. С. 5.

[3] Требник XIV века собрания Гильфердинга № 21, л. 5 сл. Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 75.

[4] Курбский. С. 333.

Ветер с Соловков

Размышляя над столь печальными событиями тех лет, нельзя недооценивать и влияние доминирующего в это время на Крайнем Севере Соловецкого монастыря. Как раз накануне, осенью 1547 года, этот монастырь получает у царя Иоанна Грозного «Жалованную тарханно-проезжую, несудимую и заповедную грамоту» на беспошлинную торговлю, «провоз», «неподсудность» и прочие тому подобные льготы. Конечно же, об этом стало известно и в Свято-Троицком монастыре на Коле. Можно представить себе те неизбежные вопросы, которые братия стала задавать Феодориту: «Почему им можно, а нам нельзя?» Чем все это закончилось в следующем году, мы теперь знаем.

Практически аналогичные события осенью того же, 1548 года происходят и в Соловецком монастыре. Торжественно благословленный на игуменство святой Филипп (Колычев) «неожиданно» оставляет игуменство и скрывается в пустыню.

С 1542 по 1548 год Соловецким монастырем управляют два игумена — Алексей Юренев и Филипп Колычев, неоднократно сменяя друг друга. «Алексей с Филиппом игуменство держали переменяяся»[5]. «Анализ исторической ситуации, сложившейся в Соловецком монастыре в 40-х годах, показывает, что в среде братии происходит острая борьба между апологетами различных направлений развития обители»[6].

Поздняя редакция Жития святителя Филиппа обходит в комментариях эту неприятную страницу монастырской жизни и ограничивается оговоркой об «украшенности игумена от юности смирением». Составленный в монастыре уже после «Соловецкого сидения», этот вариант Жития в полной мере отразил то, как была изжита книжная память о глубинных причинах и истоках трагедии русского раскола. Раннее Житие Святителя, писанное Сергием Шелониным, сохранило подлинные слова Филиппа, которые раскрывают нам истинную причину его отказа от игуменства: «Нуждою мя братия на старейшинство возводите, не прежде ли еще рек я вам, яко ваши нравы моим нравам не согласуются»[7].

Касаясь упомянутой истории с избранием Филиппа на игуменство, будет справедливым заметить, что «в этом эпизоде мы имеем зародыш того конфликта, который проявился 20 лет спустя, во время суда над митрополитом Филиппом, когда группа соловецких чернецов свидетельствовала против своего бывшего игумена»[8]. Таким образом, можно говорить все о том же глубоком принципиальном отличии духа монашеской жизни, что пришел на смену «нестяжательству» и по-хозяйски обосновался в русских мо-

[5] РНБ, Соловецкое собрание рукописной книги, № 1120/1129.

[6] Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб., 2003. С. 10.

[7] См. Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 370.

[8] Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С. 34.

настырях к середине XVI века. И тут речь идет не просто об иных формах ведения монастырского хозяйства, а о смене самых начал монашеской идеи, о разногласиях в пределах самого спасительного делания.

В этой связи весьма показательным является тот факт, что даже двадцатилетний срок игуменства Филиппа, столь благополучный и цветущий пышным «стяжанием», не уврачевал внутреннее духовное противостояние в среде братии. Разделение так и не было преодолено, поскольку по-прежнему «ваши нравы моим нравам не согласуются», ибо «столкнулись два религиозных замысла, два религиозных идеала»[9].

История жизни святителя Филиппа, надо сказать, удивительно напоминает жизненный путь Феодорита. В житии Святителя мы видим то же послушание у старца с ранней юности в монастыре, позже удаление в пустыню, где «провел он не мала лета», замечательные внутренние качества, богатые дарования и при этом неизменное «искание смиренной нищеты». И абсолютно неизбежная схватка с «духом мира», «брань с князем века сего», позже для Филиппа увенчавшаяся венцом мученика.

Изгнанник и страстотерпец

Когда весной 1548 года изгнанник и страстотерпец[10] Феодорит покинул Колу и ушел *«из тех пустынь поневоле во вселенную»*, он сначала, конечно же, прибыл в Москву и поведал святителю Макарию, в то время уже митрополиту Московскому и всея Руси, обо всем, что приключилось с его Свято-Троицким монастырем. Несомненно, должен был произойти обстоятельный разговор, много о чем нужно было поразмышлять и владыке Макарию, выслушав Феодорита о ситуации на самых дальних рубежах России.

Монастырский остров

Обо всем этом произошедшем наш морской скиталец еще не знал. В духовной радости подходил Варлаам к устью Кольского залива. Был отлив, и мощные течения двух полноводных рек, Колы и Туломы, омывая каменный остров, лихими бурунами вырывались на простор залива. Смешиваясь с солеными водами, эти реки порождали запутанное движение воды, и водяные вихри затрудняли подход к берегам монастырского острова.

[9] Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 17.

[10] «Страстотерпцы» — те, которые претерпели страдания во имя Господа по коварству и клевете ближних своих — единоверцев». (Дьяченко Григорий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 671. В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Словарь. — **Прим. ред.**)



Чтобы подойти к монастырю, Варлаам был вынужден достать весла. Этого не приходилось ему делать от самого Святого Носа, и, едва сев за них, сразу же, спиной, он почувствовал тревогу. Она нависала над ним, как некая враждебная среда, которая приближалась к нему с каждым новым гребком. Преодолевая сопротивление течения, он все же сумел разогнать карбас и на хорошем ходу выехал носом на береговую отмель. И тут же вздрогнул от внезапного крика, от страшного, нечеловеческого вопля. За высоким носовым «коргом» карбаса Варлаам не сразу увидел катающегося по песку, скрюченного лопаря.

Ноги его были поджаты к животу, трясущаяся голова закинута далеко назад. Из его утробы неслись крики столь невероятной силы и ярости, что казались абсолютно невозможными для человеческого существа. «Бесный», — едва успел подумать Варлаам, как лопарь замер, закатив остекленевшие глаза. Немыслимым образом рот его необычайно широко раскрылся, как бы под воздействием некоей посторонней силы, и в следующее мгновение фонтан грязной пены буквально вырвался из него. Бедняга изрыгал ее с таким напором и силой, что казалось, сейчас все его внутренности вывернутся наизнанку и вылетят на песок.

Варлаам перекрестил бесноватого и углубился в молитву. Лопарь постепенно затих на песке, лежа с открытыми глазами и явно пребывая в беспамятстве. Только тут Варлаам понял, что хорошо знает этого несчастного. Это был послушник Герасим, смиренный и добрый насельник монастыря Феодорита, каких было немало в его обители. Именно о них, коренных жителях тундры, говаривал Варлааму Феодорит, что *«люди сии зело просты и кротки, и отнюдь всякого лукавства не искусны, ко спасительному пути тщательны и охочи зело, и многие от них монашеское житие возлюбили, за благодатию Христа Бога нашего»*[11].

Варлаам подтянул карбас подальше на берег, подошел к лежащему послушнику: «Герасим, — позвал он лопаря, — ты слышишь меня?» Тот не реагировал. Варлаам глянул в сторону монастыря. Там было до странного безлюдно и тихо. Крест над Троицкой церковью сильно покосился, а на монастырской звоннице больше не было колоколов. И только калитка монастырской ограды, качаясь и поскрипывая на ветру, подчеркивала общее ощущение тяжкого неблагополучия. *«Мерзость запустения на святом месте» (Мф. 24, 15)* — подумалось Варлааму. «Но где же батюшка, где же Феодорит», — застонал он с тоской, понимая, что даже не в силах пойти туда, за монастырскую ограду, посмотреть, что случилось…

От этого горестного созерцания Варлаама отвлекло неожиданно раздавшееся рядом пение. Оно, пение это, было столь прекрасно, столь идеально чисто и возвышенно, что Варлаам не сразу смог понять, что поет лежащий перед ним послушник. «Богородица Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою», — звучали чудные строки «Песни Пресвятой Богородицы», одного из любимейших тропарей христиан. «Никак, вышел

[11] Курбский. С. 332.

бес-то, — подумал Варлаам, прислушиваясь к явно ангельскому пению, исходящему от лежащего лопаря, — да нет, пожалуй, это как раз не человек, а лукавый-то и поет. Меня дурачит. Ну, попой, попой». Варлаам отошел в сторону и стал всматриваться вдаль, за водную протоку, туда, где на материковом берегу раскинулись строения и торговые дворы «нижнего посада» Кольской волости. Там чувствовалось оживление, доносились голоса и иные звуки активной мирской жизни. Ему показалось, что разглядел даже несколько фигур в монашеских одеждах. У берега было ошвартовано немало больших торговых судов солидных заморских «гостей», не считая великого множества малых промысловых посудин.

«Ну да, конечно же, Петров день приближается, ярмарка будет», — Варлаам вспомнил свою прошлую счастливую службу в кольских храмах и это самое «горячее» время окончания Петрова поста, когда молебны и требы шли не переставая… Но тут он вдруг почувствовал, как по спине, вдоль позвоночника, пополз леденящий холод. Резко обернувшись, Варлаам увидел стоящего перед ним Герасима. Какое-то время послушник как-то жалко, затравленно глядел на Варлаама и, похоже, даже силился что-то сказать. Наконец ему удалось выдавить из себя: «Тяжко… Зло великое соделал, старца святого, отца…» Он не договорил и, как будто схваченный за горло чьей-то рукой, захрипел. Тут черты лица его стали жутко искажаться, скулы невероятно раздвинулись, глаза налились темнотой, и из внутренностей раздался полный ненависти, грубый, хриплый голос: «Чего тебе здесь надо, Васюк… Чего заявился, горбатый, со своей вонючей колодой? — Бес перемежал этот злобный хрип матерными словами. — Дали твоему Федьке… Славное игрище было, попомнит нас старый онагрь…» При этих словах Варлаам побледнел, но сдержался и спокойно спросил, глядя бесному прямо в глаза: «Отвечай, вражья сила, где Феодорит? Отвечай, дух нечистый!» Но тот в ответ лишь, гнусно осклабившись, выругался. «Ну, погоди, мерзкая тварь», — подумал Варлаам и, внутренне благословясь у Господа, привычным движением рук сгреб лопаря в свои железные объятья и двинулся к карбасу.

Был момент, когда он думал, что уже не сдюжит эту страшную силищу, которая, опомнившись и догадавшись, куда ее тащат, стала яростно сопротивляться. Воззвав ко Господу, Варлаам заволок лопаря в карбас и вместе с ним рухнул на гроб, прижимая изворачивающееся тело к белоснежной крышке. Бес в лопаре орал как «огнем жегомый»: «Пусти, Васька, пусти, горбатый!» «Именем Господа нашего Иисуса Христа, всякую власть имущего на небеси и на земли, повелеваю тебе, мерзкому и нечистому духу, отвечай — где Феодорит?» — Варлаам почувствовал, как и мощи любимой отозвались на его молитву, и изошедшая от них благодать благоухания стала одолевать засевшую в придавленном теле нечисть, перекрывая жуткую вонь палимого святынею беса. «В Кандалакше он, на наволоке, пусти, огонь ведь, горю…» — прохрипел бесный. «Вот так-то лучше, познай свою суетную силу», — произнес Варлаам, но хватки не ослабил, решив уж довести это дело до конца.

Все еще прижимая несчастного к мощам и невзирая на бесовские вопли, он вознес молитву ко Господу, испрашивая прощения этому грешнику и освобождения от попущенного ему в наказание беса. «Заклинаю тебя, злоначальника хульного, начальника сопротивного восстания и самодетеля лукавства, — зазвучали слова древнего заклинания святителя Василия Великого, — заклинаю тебя, дух нечистый, Богом Саваофом, Адонаи Елои Бога Вседержителя, заклинаю Богом, Словом все создавшим, и Господом нашим Иисусом Христом, изыди и разлучися от человека сего, раба Божьего послушника Герасима!» Варлаам почувствовал, как внутри несчастного что-то заметалось, страшно ударяясь и растягивая то его грудь, то живот. Наконец рот бесного широко раскрылся, развернувшись до невозможного, и нечто черное, окруженное смрадным облаком, с шипением вырвалось наружу. Варлаам едва успел отклониться в сторону, как на гроб шлепнулась некая тварь в виде мокрой вороны с большими когтистыми и в то же время перепончатыми лапами. В следующее мгновение, подскочив с мерзким воплем и, видимо, обжигаясь о гроб, тварь эта бросилась с карбаса в воду, шлепая крыльями, быстро понеслась по воде к берегу и как-то незаметно ловко затерялась между камней.

Варлаам отпустил обмякшее тело послушника и, намочив ветошь, начал оттирать гроб от мерзких следов схватки. «Отче святый, не оставляй меня здесь, — услышал Варлаам голос исцеленного Герасима. Послушник опустился на колени, и в просветлевших его, ясных глазах стояли слезы, — не бросай, дозволь с тобой уйти».

«Бери шест, Герасим. — Варлаам, спрыгнув на берег, уперся в нос карбаса. — Налегай, “в верх” уходим, “в Русь”, в Кандалакшу идем».

ФЕОДОРИТ

Изгнанник и страстотерпец Феодорит действительно находился в Кандалакше, где он укрылся от мести бесовской в монастыре «в Кандалошской губе на усть реки Нивы, над морем на наволоке»[12].

Весной 1548 года, уйдя *«по неволе во вселенную»*, он сначала, конечно же, прибыл в Москву и поведал митрополиту Макарию все, что приключилось с его монастырем на Коле. Несомненно, должен был состояться серьезный разговор, много о чем нужно было поразмышлять и владыке Макарию, выслушав Феодорита о ситуации на самых дальних рубежах России. Позиции старчества заволжской, «нестяжательской» школы в это время были весьма сильны, и государство вновь всерьез размышляло о судьбе церковных владений и монастырских земель. Ситуация складывалась

[12] Из Писцовой книги 1608 года. Цит. по: Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 459. «Незащищенное селение с небольшим монастырем. Жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами» (Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 63).

серьезная — колоссальные пространства, около трети всех земель Российских, через грамоты, пожертвования, завещания, вклады и тому подобное, перешли в церковное владение.

При этом не секретом было и то, что церковная и мирская власть вплотную столкнулась с крайним духовным неблагополучием, которое неумолимо продолжало нарастать в новых, общежительных монастырях, развращаемых богатыми земельными владениями и иными имениями. Святитель Макарий, пользуясь всецелым доверием и любовью со стороны двадцатилетнего царя Иоанна IV, в это время наиболее активно и плодотворно действовал в интересах обновления Церкви. Выдающиеся по своему значению Соборы, которые готовились Святителем вместе с царем, должны были соборным церковным разумом дать ответы на те непростые вопросы, что неумолимо встали перед Русской Церковью, самоотверженно пытающейся достичь желанной «симфонии» с государством.

Феодорит же тем временем отпросился у владыки Макария вновь отправиться на Север, к своим любимым лопарям. И Святитель благословил его приступить к окормлению монастыря в Кандалакше. Речь идет о Рождества-Богородичном Кокуевом монастыре, что «в Кандалошской губе на усть реки Нивы, над морем на наволоке»[13]. Здесь, в Кандалакшской волости, любезной ему еще с тех давних лет, когда освящал он в 1526 году первую Предтеченскую церковь, укрылся он от мести нечистых духов Кольского Севера. «*И бывает два года игуменом в малом монастыре в Новгородской земле лежащем*».

Драгоценные подробности

Еще раз, с печалью отмечая факт утраты полноценного текста жития преподобного Варлаама, мы с особой благодарностью воспринимаем те свидетельства, что сохранил нам автор Канона Сергий Шелонин. Мы уже отмечали неформальное, «не праздное» его отношение к своим «рукописаниям» и удивительно уважительное отношение к будущему читателю его творений. Каждая строка текста Канона наполнена важной информацией, и эти драгоценные подробности глубоко прочувствованы и осмыслены автором.

Так, например, касаясь факта исполнения условия данной Варлааму епитимии: *«мертвого носити во гробе, дондеже изгниет тело умершее»*, автор делает тонкое замечание: *«мертвое тело изгни до конца, и* ***так паки земле предаде»***. То есть в течение всех Варлаамовых хождений тело постепенно предавалось земле (истечением, испарением и т. п.), и то, что осталось — земле уже не принадлежало и тление не имело над ним силы, ибо

[13] Из Писцовой книги 1608 года. Цит. по: Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 459. «Незащищенное селение с небольшим монастырем. Жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами» (Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 63).

это уже стало мощами. И далее отец Сергий завершает: *«**и тем** исцеления дар от Господа сподобился принять»*, ставя в очевидную взаимосвязь оба результата того мучительного трехлетнего пути: и обретения мощей супруги, и получения дара чудотворения.

Еще раз вспомним строки: *«Мужеством души в веру вооружился, бурю и дождь, и всякую воздушную нужду терпя, потщался* [усердствовал, постарался. — **Прим. М. М.**] *сохранить заповедь отца своего духовного»*. *«Сохранить»* — в смысле исполнить бережно и досконально. Высота подвига Варлаама состояла именно в таком доскональном, **дословном** понимании и исполнении того, что устами Феодорита повелел ему совершить Господь. *«Вооружившись в веру»*, так же и по Апостолу: *«облекшись во всеоружие Божие» (Еф. 6, 11)*, Варлаам явил нам такой образец силы христианского духа, что заставляет потрясаться каждого, ужасаясь собственной немощи и полной неготовности даже мысленно примерить на себя совершенный им подвиг. Мы, как и во времена земного служения Спасителя, когда *«ужаснулись ученики от слов Его» (Мк. 10, 24)*, также понимаем, что Господь зовет нас к таким высотам веры, которые не под силу смертному, а потому смиренно чаем слов утешения от Него: *«человекам это не возможно, но не Богу; ибо Богу все возможно» (Мк. 10, 27)*.

Это неповрежденное, бережное исполнение *«заповеди отца своего духовного»* и явилось основанием особого благоволения Божьего к Варлааму и его избранничества в лике великих чудотворцев. *«Того ради принял от Вседержителя Бога венец победный на страсти, и на бесы исцеления… Чудес дар прием, исцеляеши страсти всякие»*.

Говоря о *«венце победном на страсти, и на бесы исцеления»*, надо понимать, что в глубоком, мистическом плане подвиг Варлаама являлся продолжением того давнего его противостояния князю тьмы в лице заклятого им на Абрам-мысе древнего демона. И так же, как во времена Иова Многострадального, так и сейчас подвигом веры Варлаама Господь посрамил того, кто от века *«царь над всеми сынами гордости» (Иов. 41, 26)*.

«Волнений множество не влажно проходя, бесплотные враги струями слез твоих крепко погрузил еси, Богомудрый Варлааме преподобный, и чудес дар приял». В таких поэтических сравнениях отец Сергий вновь возвращается к мысли о сути подвига Варлаама как схватке с *«бесплотными врагами»*. Бесконечное его тяжкое хождение среди *«волнений множества»*, при котором он силой своего упования на Господа сумел пройти *«не влажно»*, то есть не будучи одоленным влагой морской стихии, символизирует путь каждого христианина среди волнений и страстей мира сего. В то же время сила покаяния Варлаама, плач и *«струи слез»* его как раз таки надежно потопили, *«крепко погрузили»* тех самых *«бесплотных врагов»* его.

Встреча на Ниве

Варлаам, конечно же, искал встречи со своим духовным отцом, поскольку все те явленные Господом знамения прощения и ясные указания об исполнении данной епитимии требовали, тем не менее, снятия ее тем духовником, который ее и назначил.

И эта его долгожданная встреча с Феодоритом произошла летом 1548 года в Кандалакшском монастыре, куда добрался Варлаам по морю, вновь проделав свой знаменитый путь из Колы в Белое море. О чем теперь мог быть разговор духовника с Варлаамом после стольких испытаний и судьбоносных событий? Конечно же, о дальнейшей его судьбе, о новом его пути служения Господу. Наиважнейший вопрос, стоявший перед Феодоритом и пред смиренно ждущим ответа Варлаамом, состоял в том, насколько возможно сохранение за ним священного сана.

Большинство известных прорисей и тексты иконописных подлинников, описывая внешние признаки образа преподобного Варлаама, упоминают и о его достоинстве священника: «Сед, плешив, брада курчевата, аки Антоний Сийский, **риза поповская,** со Евангелием»[14]. Также надо сказать, что подчас в старых святцах, рядом с именем Варлаама, можно встретить указание священного сана — «иеромонах», что перекочевало и в нынешний Церковный календарь. Насколько обоснованным может быть такое утверждение о сохранившемся священном сане Варлаама, несмотря на имевший место грех убийства?

Думается, что решение было принято исходя из рекомендаций тех духовнических посланий и поучений XVI века, которые признавались наиболее авторитетными в Русской Церкви того времени. Речь идет в первую очередь о «Пяти посланиях преподобного Иосифа Волоколамского о епитимиях к детям духовным»[15], где, в частности, проводилась одна очень важная мысль. По мнению Волоцкого игумена, пострижение в монашество упраздняло необходимость каких-либо прещений, епитимий и прочих мер покаянной дисциплины. «А кто пострижется в чернецы, тому с тех мест впредь епитемии нет», — говорит Иосиф в первом Послании. «Волоколамский игумен стоит на почве древнерусских правил, говорящих о прощении грехов человека ради ангельского образа, в чем, возможно, сказалось заимствованное им с Востока представление о монашеском постриге как о втором крещении»[16].

Думается, что все же здесь, скорее, сказалось еще одно понимание глубинной сути монашеского пострига. И, кроме того, разрешение известного

[14] ИРЛИ, колл. Перетца, № 524; БАН, Строгановское собрание, № 66. Цит. по: Маркелов Г. В. Святые Древней Руси. СПб., 1998. Т. 2. С. 66.

[15] «С середины XVI века сочинения Иосифа Волоцкого начинают рассматриваться как официальная литература не только господствующей церковью, но и государственной властью». Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 509.

[16] Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 280.


ПРЛ Феодори́т
Ко́льский
ПРП Варлаа́м
Ке́ретский

недоумения, почему постриг не является церковным Таинством. Потому он и не был выделен в отдельное Таинство, поскольку напрямую относится к Таинству Покаяния и представляет собой высшую его степень. «Сей чин, по Иосифу Волоколамскому, покаяния образ носит»[17].

Таким образом, в случае пострига и с учетом исполненной епитимии Варлаам мог остаться в священном сане. Постриг в то время мог совершать каждый духовник из монахов, что особо оговаривалось в молитве при поставлении от епископа во духовные отцы: «Подобает же тебе и иноки постригати малого образа и великого»[18].

Так что ничто, казалось бы, не мешало Феодориту совершить этот столь необходимый теперь постриг. Однако думается, что постриг этот все же произошел несколько позже.

Известие о том, что монахи Свято-Троицкого монастыря ушли из Колы в Печенгу к Трифону, дабы строить там «монастырь нового типа», глубокой скорбью и тревогой отозвалось в сердце Феодорита. Он хорошо понимал, какое испытание выпало ныне его ученику и духовному чаду. Зная, мягко говоря, непростой характер печенгского старца и нынешний настрой «буйной кольской братии», можно было представить, во что, в конце концов, все может там вылиться.

И тогда Феодорит предлагает Варлааму отправиться на Печенгу к Трифону, дабы поддержать его и помочь мирно разрешить эту новую ситуацию с созданием монастыря в устье реки Печенги. Феодорит хорошо чувствует особые дары благодати, что стяжал Варлаам, и очень рассчитывает на дарованную ему ныне очевидную молитвенную силу на «нечистые духи» и на исцеление от власти тяжких страстей.

Ну а чтобы не было искушения у кольской братии, что пришедший в монастырь Варлаам пришел с постригом от так нелюбимого ими ныне Феодорита, постриг можно принять и там, у иеромонаха Ионы, который хорошо знает «попа Василия». Таким образом, новопостриженный инок будет настоящим печенгским монахом. И действительно, Канон сообщает нам о таком решении Варлаама уйти на Печенгу: *«Видел созидаемую святым Трифоном обитель на Печенге, за окияном-морем, и туда устремился видеть того труды и подвиги»*.

Но прежде чем взять курс в Немецкую сторону, на Печенгу, Варлаам должен был совершить необычайно важное для него дело — упокоить в земле святые останки своей любимой. Сразу оговоримся, что не сохранилось каких-либо достоверных указаний на то, где именно находился островок, избранный Варлаамом для захоронения останков своей супруги. Упоминается лишь, что место это было «в Чупской губе».

[17] Номоканон, сиречь законоправильник. Киев, 1624. С. 160.

[18] Там же. Об этом говорится в 8-м слове Вопрошания Кирика.

Островок в Чупской губе

Островок с названием Олений в устье Чупской губы, не столь далеко от родного села, Варлаам приметил еще во дни своих покаянных скитаний. На этом острове он набирал воды, а то и какой-нибудь лесной снеди перед очередным своим «путем» на Колу.

Сейчас он причалил сюда не как во все прошлые разы, а с особым чувством светлой грусти. Ему предстояло расстаться с мощами своей неразлучной матушки, со своей драгоценной ношей, столь же наболевшей, сколь и сладостной ныне.

О том, что для Варлаама был очевидным факт состоявшегося обретения им святых мощей, мы можем понять из особой оговорки в одном из тропарей Канона: *«Носиши мертвого, яко живого, в пустыню в Чюпу с собою»*. В православной традиции мертвые останки подвижника очевидным образом становятся живыми, как жилище обитающего в них Святого Духа. Святые мощи, в отличие от обычных органических останков тела, живут своей новой жизнью, отзываясь на наши молитвы, и согреваются, и благоухают, и могут источать целебное миро. Надо сказать, само чудо оживания мощей не всегда совпадает с моментом их обретения, то есть со временем поднятия их «от недр земных». Так, например, мощи святителя Филиппа Московского были обретены 30 мая 1646 года, однако святые останки «не отозвались» на молитвы братии и потому на целый год вновь оставлены закрытыми в раке. «И вот после того, спустя год мощи согрелись, да и роспустились. Архимандрит велел открыть, и благоухание велие пошло»[19].

Еще одним указанием о святости мощей могут служить и строки Канона, указывающие на особое восстание сил бесовских, произошедших на острове с прибытием туда Варлаама. Когда он *«в пустыню, в Чупу с собою»* принес *«мертвого, яко жива»*, то испытал действие *«нестерпимых стрел вражьих»*.

Силы тьмы, испокон веку жившие в этих пустынных местах, испытывая теперь мощное воздействие привезенной Варлаамом святыни, понятное дело, начинают восставать на пришельца и не желают покидать насиженные места. *«И там молитвою на врага вооружаешься, сокрушая врага постом и терпением»*. И, как можно понять, исход борьбы был еще вовсе не очевиден, пока явным образом не пришла помощь от Господа: *«дондеже приял, Преподобный, помощь от Вышнего»*.

Следствием этих, не известных нам в подробностях событий, произошедших в Чупской губе, явились некие благодатные перемены в Варлааме: *«обновляешься, преподобне, яко орел, измылся и очистился в пустыни от всех страстных* [здесь «страсть» в значении мучение, страдание, борьба] *деяний»* и стяжание им особых духовных сил. Варлаам, молящий

[19] Слово на перенесение мощей святителя Филиппа. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. Л. 40.



Господа об исцелении от яда тех, *«нестерпимых стрел вражьих»*, уподобляется в Каноне *«оленю быстротекущему ко источникам вод»*, дабы, припав к ним, *«очищаться от змеиного яда»*.

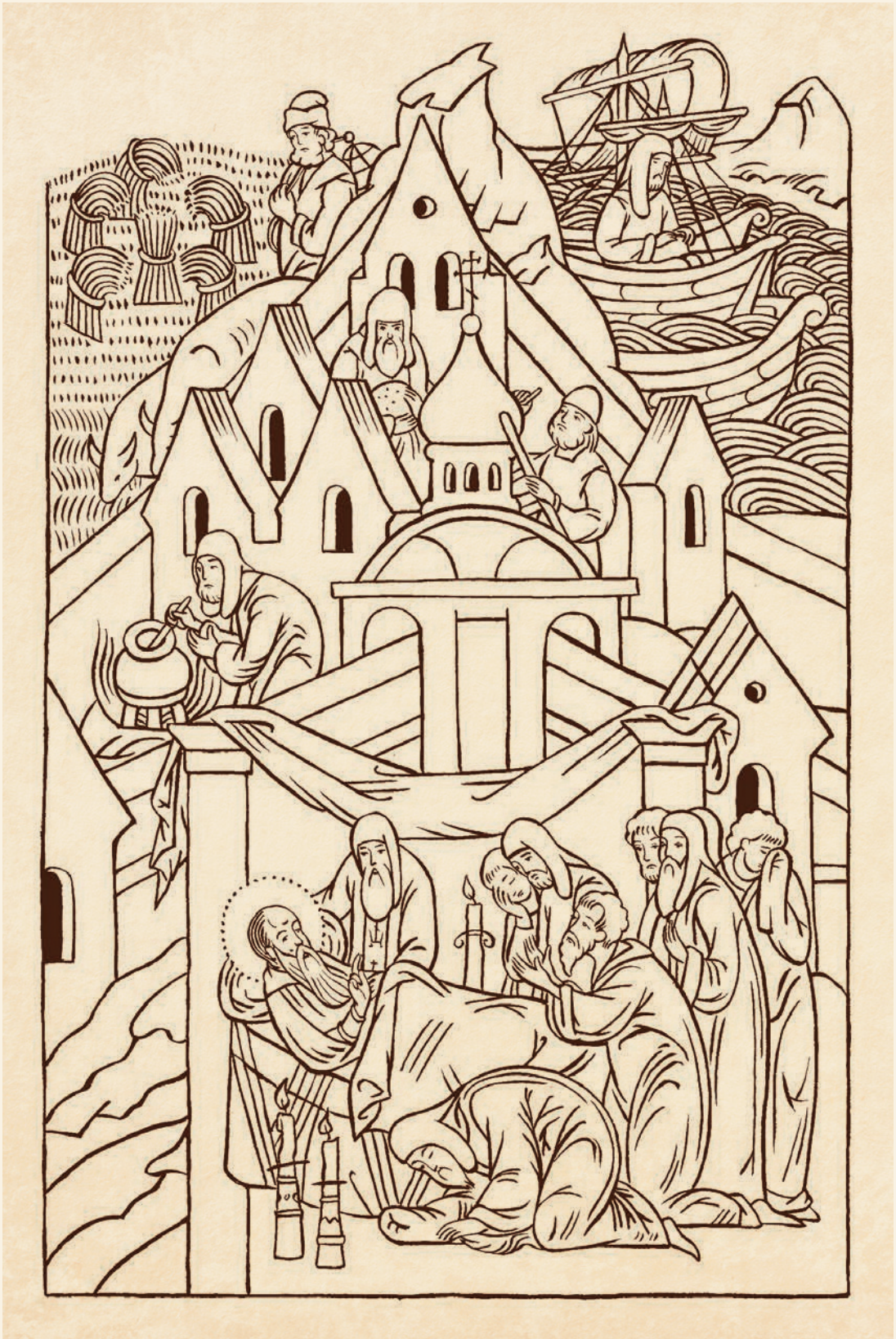
Надо думать, эта непростая схватка в Чупской пустыни у могильного креста своей супруги, эти молитвы, терпение и пост, и некое очевидное и спасительное Божье вмешательство, явленное здесь Варлааму, окажут сильнейшее воздействие на судьбу подвижника[20]. Все это явится определяющим в его дальнейшем и окончательном выборе именно *пустыни* как места, где он останется подвизаться в течение пятидесяти лет до самой своей смерти.

Но пока что Варлаам вновь был благословлен на 1200 километров пути к *«созидаемой святым Трифоном обители в Печенге, за окияном-морем»*. И вскоре он взял курс на выход из Кандалакшского залива, и далее вдоль Терского берега через все Белое море, мимо мыса Святой Нос, и уже по Баренцеву морю вокруг Кольского полуострова «в низ, в Норвегу», минуя вход в Кольский залив, по Мотовскому заливу к губе Большой Волоковой (там как-то, с Божьей помощью, волоком, через перешеек полуострова Рыбачий), а тут и воды Варяжского залива, там, где вход в Печенгскую губу, а там и сам суровый печенгский старец Трифон, которого он, Варлаам, непременно обнимет.



[20] «Он хоронит останки жены «в каменной вараке [горка, возвышенность. — **Прим. М. М.**], сам же остается тут для пустынного подвига». Шергин. С. 230.

ГЛАВА VII



Искушение святого Трифона

Закат

Наступала холодная осень 1548 года. С этой осенью на Печенгу пришло и горестное предчувствие того, что заканчивается золотое время «новоначального» Печенгского монастыря, этой уникальной обители — первого Трифоновского монастыря, что существовал в верховьях реки Печенги с января 1533 года, то есть с момента освящения первой Свято-Троицкой церкви на Кольском Севере. В абсолютном большинстве братия этого монастыря состояла из новообращенных лопарей, легко усваивающих духовные истины спасения и молитвенно-аскетический уклад жизни, установленный их учителем, преподобным Трифоном. Как писал Феодорит: *«тот народ Лопский, люди зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко пути спасения же старательны и охочи зело»*, и потому *«множество от них монашеское житие возлюбили за благодатию Христа нашего и Того Священного учения».*

В этой «новоначальной» обители Божественные службы справлял иеромонах Иона — верный ученик и неизменный «сопостник» преподобного Трифона в течение всей его долгой жизни. *«От Преподобного навыче искусного монашества»* — так донесла нам память людского предания пути духовного восхождения бывшего белого попа Иоанна.

Священник Иоанн, как мы помним, был предшественником Варлаама в его служении в Никольском приходе волости Колы. Передав приходское служение Варлааму, тогда еще отцу Василию, он ушел на Печенгу к Трифону, где принял постриг с именем Иона. Оказавшись в монастырской атмосфере аскетики и мистических созерцаний, под руководством печенгского старца отец Иона обрел бесценный дар «старцев-заволжцев» — практику умной молитвы, унаследованную ими от афонских монахов-исихастов, или «священнобезмолвствующих».

О неукоснительной приверженности самого Трифона этой традиции и об исихастском укладе его духовной жизни имеется ясное свидетельство в Житии Преподобного. Как известно, «исихия» в переводе с греческого означает — тишина, молчание. Именно для приобщения к «священнобезмолвию», для молитвенного Богообщения была построена Трифоном Успенская пустынь в стороне от монастыря. *«У церкви Успения Пресвятыя Богородицы, в пустыни, куда часто отходил я на Богомыслие и молчание»,* — так вспоминал это место Трифон. Так же и Канон упоминает, что Преподобный обладал даром внутреннего молитвенного делания: *«Ты же сие терпя, отходиши во внутреннюю пустыню»*[1].

[1] Канон прп. Трифону. Л. 94.

Пятнадцать лет процветал этот лопарский монастырь на Печенге, там, где в нее впадает река Мана. Он просуществовал до 1549 года, то есть пока сюда, в этот монастырь, не пришла нежданная беда в лице буйной братии брошенного Кольского Свято-Троицкого монастыря. Позже, уже в отсутствие Трифона, его любимое детище закончит существование, поскольку ниже по течению реки Печенги, в ее устье, начнется строительство нового монастыря, мягко говоря, с иным укладом монастырской жизни.

Мятежные дни на Печенге

«Феодоритовские» «нечеловеколюбивые мнихи», переместившиеся к осени 1548 года из Колы на Печенгу, принесли с собой в Печенгские края и иной настрой, иной дух монастырской жизни. Упадок духовности, сытая жизнь «от имений» и забвение «устава отцов-основателей», поразившие к 50-м годам XVI века большинство монастырей в Подмосковье, действовали разлагающе и на братию новых северных монастырей[2].

Искусившаяся иными «порядками» общежительных «вотчинных» монастырей и изгнавшая своего наставника, «нестяжателя» Феодорита, кольская братия, неожиданно появившаяся в монастыре Трифона к 1549 году, принесла с собой и свои неуврачеванные проблемы. Князь А. Курбский касается их, когда упоминает, что непосредственным поводом к бунту явилось введение Феодоритом в монастыре правила из устава Зосимы и Савватия Соловецких: *«...не токмо женам, а ни скота единого отнюдь женского полу не иметь тамо»*[3].

Кроме того, совершенно очевидно, что кольские монахи соблазнились теми значительными имениями, которые за 16 лет существования Трифонова монастыря были пожертвованы обители *«новопросвященными народами лопарскими».* Эти щедрые пожертвования во многом были обусловлены спецификой «лопарской обители», при которой все дарения оставались, опять же, у своей, лопарской братии, поскольку «монашествующие были только из новопросвященных лопарей»[4].

---

[2] «Ведь по всем монастырям сперва начальники установили крепкое житие, да впоследствии разорили его любострастные» (Письмо Иоанна IV игумену Косьме // Акты истории. Т. 1. № 204. С. 377).

[3] Курбский. С. 333. Таким было «завещание св. Зосимы, который запретил разводить вблизи обители плодящихся животных (согласно студийскому уставу)». Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С. 37. «Со времен Зосимы скотные дворы находились на Муксолмском острове». Крушельницкая Е. В. Описи строений и имущества Соловецкого монастыря XVI века // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 262. «В России этот гнусный порок — скотское соитие, считают шуткой. Он стал обыкновением, препровождением времени и достославным рыцарством». Shaum. Tragoedia Demetrio Moskovitica. Чтения Московского общества ист. и древ. М., 1847. № 3. С. 3.

[4] Корольков Н. Ф. Трифоно-Печенгский монастырь... СПб., 1908. С. 9.

Другой же наиважнейшей особенностью «монастыря новоначального» явился особый дух христианской любви, установившийся как в самом монастыре, так и между Трифоном и всем лопарским племенем. Проповедуя весьма низкорослым и невоинственным лопарям евангельские истины, Трифон проявлял такое великодушие и терпение, которого раньше и представить было невозможно со стороны иных приходящих в эти края иноземцев. Народ лопарский хорошо понимал и удивлялся тому, что недавний страшный атаман и богатырь-воин теперь столь добродушно терпит их издевательства и насмешки, когда они его *«за власы таскали, и о землю метали, и били, и пихали».*

Этот невиданный ими ранее пример смирения, прощения и терпеливого незлобия просто покорил их, навсегда оставшись в благодарном лопарском сердце. Кроме того, он был первым и единственным иноплеменником, который, вспоминая свое лихое прошлое, яростно и решительно вставал на защиту этого вечно гонимого и обидимого племени. Трифон каждый раз вновь становился страшным и неукротимым атаманом, когда сталкивался со злобой лихих пришельцев, желающих обидеть его духовных чад. Это было нечто невиданное для этих краев, где испокон веку торжествовали беззаконие, ненависть и насилие. Именно здесь сокрыты живые истоки пронесенной через столетия, необъяснимой для многих привязанности лопарей к Трифону и почитания всего, что связано с его именем.

Этот пример новой жизни во Христе, явленный Трифоном, был очень притягателен, и идея создать святую обитель, живущую на принципах любви и милосердия, нашла самый горячий отклик у лопарского племени.

И вот теперь этот уникальный монастырь подвергся серьезным испытаниям со стороны пришедшей с Колы на Печенгу братии. Мятежный и «немирный» дух насельников, согрешивших против своего духовного отца и окормителя, очевидным образом не соответствовал духу любви и кротости, что сложился в Свято-Троицком монастыре на реке Мане. Новая «лихая» братия, да еще и *«сложившаяся со дьяволом»*, имела свои взгляды и планы по развитию монастыря на Печенге, что никак не вписывалось в те духовные цели и задачи, над воплощением которых успешно трудился лопарский монастырь преподобного Трифона.

До недавнего времени мы могли только догадываться, сколь тяжкое искушение выпало тогда преподобному Трифону и какие страсти кипели в тот год на Печенге вслед за Колой. Первоначальное правдивое Житие преподобного Трифона, написанное Сергием Шелониным, было позже отредактировано. Потому нынешнее содержание Жития и оказывается столь не соответствующим ныне обнаруженному подлинному «Канону преподобному Трифону Печенгскому чудотворцу» письма того же архимандрита Сергия. В Житии уход преподобного с Печенги на целых восемь лет объясняется тем, что количество *«братии умножилось»* и Трифон ушел собирать милостыню. И то и другое верно. Однако Канон раскрывает истинную причину и обстоятельства ухода строителя монастыря из своей обители:

«Лукавые люди тебе спону [препятствие, сопротивление] *бесовским советом учинить захотели, или же* ***тебя смерти предать****, ты же их яко Моисей, манною питать их не престаешь, пока всех сих в благоразумие не привел»*[5].

«Лукавые люди» — то есть люди злые и коварные, но в данном случае это еще и люди «от лукавого». То есть эта характеристика перекликается с оценкой той ситуации, которую ранее давал еще Феодорит, по Курбскому: *«сложившиеся с дьяволом монахи те, вознеистовали»*. То есть пришедшая к Трифону буйная братия попыталась подмять под себя Трифона и его обитель, навязывая ему свое, новое вѝдение монастырского строительства и жизни монашеской.

Но надо хорошо понимать, кто такой Трифон Печенгский. Поступить с ним как с Феодоритом, то есть избить и выкинуть из монастыря, — вряд ли бы кто на это отважился. Трифон — это вовсе не Феодорит, ярость и неукротимая сила «Трифона во гневе» стали притчей во языцех и были памятны всем еще со времен его атаманского прошлого. Исполинская сила этого сурового отшельника отдельно отмечается в Житии, что, надо сказать, вовсе не характерно для агиографических традиций. *«Ростом святой не мал, нагиб, плотию крепок… За три поприща на рамех своих бревна и все потребное на церковное строение носил»*. Что такое носить пяти-, шестиметровое бревно на плечах за пять километров — в комментариях не нуждается. Такое бревно одному просто и поднять-то невозможно.

Так что, в отличие от своих отношений, сложившихся с лопарями, Трифон здесь был тверд и неукротим: ни уходить, ни смиряться не собирался. Так что вариант оставался для пришельцев один — убить Трифона. И, возможно, не было бы у нас славной истории Трифонова Печенгского монастыря XVI века, если бы в это время на Печенгу не пришел преподобный Варлаам Керетский.

И что удивительно, но в памяти народной на Кольском Севере сохранилось предание об этом приходе преподобного Варлаама в Печенгский монастырь. Так, еще в 1900 году весьма авторитетный этнограф и исследователь Лапландии XIX века Н. Дергачев, упоминая в одной из своих статей монастырь на Печенге XVI века, замечает: «В это время здесь жил святой Варлаам Керетский…»[6], хотя при этом никак не оговаривает источник столь важной информации.

[5] Канон прп. Трифону. С. 95 об.

[6] Дергачев Н. Подробное описание Лопской земли // Архангельские губернские ведомости. 1869. № 65.

В устье Печенги

В годы своего служения в Коле Варлаам со своей матушкой не раз хаживали паломниками сюда, в обитель Печенгского старца Трифона. Дождавшись наступления в Коле промыслового межсезонья и ухода «летняков», рыбаков-мурманщиков, устремлялись они сюда, на Печенгу, дабы соединиться в духовном родстве со своими сопостниками и единомышленниками по житию равноангельскому. Сердце истаивало во время тех Божественных монастырских служб. Забывая про еду и сон, отринув суету и заботы мира, предавались иноки этой дивной обители жизни молитвенной, неспешно и смиренно восходя по ступеням Богомыслия и священнобезмолвия.

«Сколько же лет прошло с тех пор, — припоминал Варлаам, проходя мимо высоких отвесных скал Печенгской губы, — да, как раз десять лет-то и будет». Летний лопарский погост «Печенска летняя» на берегу, среди островков, еще дымился многочисленными куваксами, и послушник Герасим внимательно вглядывался в берег, пытаясь разглядеть своих соплеменников. Чувствовалось, что эти дымы здесь ненадолго, скоро будут уже сниматься, уходя на зимние погосты, — осень холодами накатывала на Сер-Варангер.

Паруса уже обронили, шли веслами, или, как говорят здесь, «на гребках». Начались речные пороги, и, причалив, карбас надо было вытащить на берег. Навалившись вдвоем с Герасимом, они опрокинули покрытую мелким ракушечником, изрядно потрудившуюся посудину: «Карбас-то не старый, лишь пятой воды[7], — подумал Варлаам, — а так замотарел. Те три воды и ему, видать, долгими показались». Захватив кое-какой скарб, разминая еще не послушные ноги, зашагали они вверх по реке, по тропинке, ведущей к монастырю.

Они отошли вовсе не так далеко, как вдруг потянуло дымком, и вскоре путники увидели первых монахов. Река в этом месте была перегорожена добротным семужным «забором»[8]. Человек десять-двенадцать полулежали у костра и на раскаленных камнях жарили жирную семгу. «Не ладно это, — автоматически промелькнуло в голове Варлаама, — ведь сегодня пятница, день постный». Герасим с тревогой глянул на Варлаама, видимо, подумав о том же. Заметив пришельцев, монахи явно насторожились и недружелюбно подсобрались. Один из них с мрачным видом выступил навстречу, держа руку на здоровом тесаке, что болтался у монашеского кожаного пояса. «Что-то новое в иноческом одеянии», — Варлаам посмотрел на остальную братию, те тоже были при ножах. «Спасайтесь, братья!» — поспешил Варлаам произнести это общепринятое монастырское приветствие, дабы успокоить мона-

[7] «Термин, обозначающий у помора время существования судна». Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 27.

[8] «Забор — на рыбном промысле сооружение из кольев, заплетенных ивняком со вставленными в него ловушками-мережами. Строилось поперек реки для лова семги». Липец Р. Рыбацкие песни и рассказы. М., 1950. С. 203.



хов. Стоящий как-то замешкался, растерянно оглянулся на остальных и, наконец, не слишком внятно пробурчав положенное в ответ: «Спаси Господи», отошел назад к костру. Что-то пробормотали, отзываясь на приветствие, и прочие сидящие.

«Да это никак Герасим к нам вернулся, — в разговор вступил цыганистого вида и, судя по тону, весьма «авторитетный старец», — ну что, недужный, отхворал, лаяти боле не будешь?» Он сыто отрыгнул и принялся ковырять в зубах щепкой.

«Спаси Господи, Онисим. — Герасим поклонился братии и, повернувшись к Варлааму, добавил: — Исцелился я, братья, Божьей милостью, по молитвам этого святого старца». И он отвесил земной поклон Варлааму. Братия замолчала, оценивающе разглядывая Варлаама. И тут привычный холодок пробежал у него по спине. «Он здесь, — вдруг понял Варлаам, внутренне обоняв тонкую смрадную струйку. Внимательно поглядев на сидящих, он искал встречи с их глазами. — Тут он промышляет, и не один, имя им “легион”».

«Да это же поп Керецкий, Василий», — вдруг дурным голосом завопил за секунду до того молча поедавший рыбу белобрысый, неопределенного возраста монах. Судя по выпавшему у него изо рта куску, этот возглас был не только для остальных, но и для него самого неожиданным. «Ты к нам один пожаловал али с матушкой? Говорят, она у тебя красавица. Али не довез? Жаль…» — глумясь и ерничая, он двусмысленно ухмылялся, подмигивал товарищам и строил всяческие гримасы. Братия оторопело уставилась на так грязно разошедшегося монаха.

«Ты это чего, Кузьма? — «авторитетный» Онисим даже перестал ковырять в зубах и недовольно повысил голос. — Чевой-то на тебя накатило, а ну-ка охолонь!» Однако названый Кузьмой монах при этих словах вдруг подскочил и, едва не пританцовывая, начал со смехом хлопать себя по ляжкам, выкрикивая что-то не очень складное, но явно непотребное.

Варлаам едва успел схватить за рукав вскипевшего от гнева Герасима, готового уже броситься на обидчика, и спокойно обратился к кликушествующему: «Прости, брат Косьма, я ведь и впрямь сюда уже без матушки пришел. Но, правда, гостинец тебе добрый от нее я привез. — С этими словами Варлаам достал из-за пазухи большой деревянный крест, что вырезал он из крышки гроба еще в Чупе, на острове, когда готовился захоронить мощи. — Приложись-ка, болезный, тебе поможет». Белоснежная древесина креста по-прежнему благоухала, и Варлаам, поцеловав святыню, шагнул в сторону монаха.

Дико взглянув на крест, Косьма затравленно заметался глазами и, почуяв неодолимую силу благодати, как ушибленный, согнулся пополам. В следующую секунду он закричал так страшно и неистово, с такой непомерной надсадой, что багровое лицо его и жилы, вздувшиеся на шее, казалось, не выдержат и лопнут. Все невольно отпрянули от него в стороны, и даже оторопевший Онисим засучил ногами по земле, пытаясь отползти подальше. Не дожидаясь приближения Варлаама с таким страшным для него крестом,

страдалец в ужасе ломанулся прочь и, не разбирая дороги, сквозь прибрежные кусты с тем же воплем влетел в реку. Раздалось шлепанье по воде — инок плыл через Печенгу вдоль загороди, цепляясь за оплетенные шесты семужного «закола».

Варлаам спрятал крест. Быстро, по-осеннему темнело, и он подумал, что пора идти дальше, и хотел уж браться за поклажу. Но пришлось повременить.

«Жуть какая, — заговорил Герасим, — и давно с ним такое?»

«Да не было с ним такого раньше», — мрачно ответил кто-то из братии.

«Грех на нем нераскаянный, потому и взял власть над ним лукавый», — Варлаам хотел еще добавить что-то важное о великой и целительной силе покаяния…

«Да, это верно, братья, не было у нас такого, — перебил Варлаама Онисим и, со значением оглядев свою компанию, произнес, недобро растягивая слова, — не было у нас такого худа, пока вы сюда не пожаловали». Повисла нехорошая пауза. Но тут тишину прервал быстро и пылко заговоривший Герасим: «Ты что, Онисим, ты что говоришь такое? Не было… А со мной что стряслось, вспомнить жутко, как в аду был, весь изсквернился. А Яков, корел, что в колокольне повесился — с ним тоже “не было”? Да, что говорить, все мы помним, что было иное время, когда “этого” с нами и вправду “не было”. Святая жизнь была. Тогда слушали мы Феодорита, отца нашего, настоятеля, и не было нам худа. А вот как согрешили тяжко против старца святого, руку подняли… Вот и худо нам стало… И я, хуже иуды… хуже…» Тут Герасим замолк, глотая накатившие слезы и держась за перехваченное волнением горло.

«Ну-ну, спой еще, и я поплачу, — с ухмылкой, намеренно цинично начал Онисим. Он заметил, что братия у костра потупилась и явно сочувствует сердечному слову послушника, — все люди грешны, ну и мы, конечно, согрешили. Ну, что поделаешь — голодно стало, и мы голодные были и злые. Монах, он если голодный, то что с него взять. Он не работник. Вот мы сейчас поели сытно, и на душе у нас хорошо…» Последние слова прозвучали явно неубедительно, и кто-то у костра насмешливо хмыкнул. Онисим понял это и, потемнев, замолчал. Он был уже готов взорваться гневом, но тут неожиданно встал доселе молчавший монах, по виду из лопарей. Он с силой бросил в костер кусок рыбы, что держал в руках в течение всего разговора. Искры горячо взвились в черноту звездного неба вместе с его словами. «Пост почему не держать? Плохо душе. Тошно душе. — Лопарь явно был из новоначальных и еще слабо владел русским языком. — Феодорита меня любил, и я любил. И Христос меня любил. А сейчас я что — рыба любил? Крал я эта рыба — рыба Печенгска сийта. А Трифон не велел. Грех все… Ой, плохо…»

«Я любил, меня любил, — заорал Онисим, окончательно теряя свою прежнюю вальяжность, — вот и убирайся, Якуха, к своему Феодориту! И твоя “Печенгска сийта” с Трифоном вместе. Не обеднеют они, у лопарей рыбы много. На то Господь и создал лопаря, чтоб с него…» Онисим

не договорил, наткнувшись на твердый взгляд Варлаама. Он замялся, както сбившись с мысли, посмотрел на лопаря Якова, на лопаря Герасима, и его снова понесло: «Чего глядишь, Герасим, чего уперся белым глазом. Лишь бы голосить вам: плохо им, тошно, худо… Потому над тобой бес и ссильничал, что ты как баба слаб, как и весь народ твой, убогий. Мурмане давно вас знают и как кличут? Помнишь? — "пена рода человеческого". И я так еще скажу…» Онисим, осекшись, вздрогнул — кто-то из темноты положил ему руку на плечо. Он хотел оглянуться, но не смог — шея его оказалась схвачена намертво. Посмотрев на глаза тех, кто сидел напротив, на то, как они стали отползать от костра, он понял, что происходит нечто страшное. Лишь одно слово шепотом перебегало от монаха к монаху и, наконец, донеслось до него: «Трифон».

Встреча в ночи

Варлаам уже десять лет не видал печенгского старца, и сейчас он в очередной раз подивился величию и мощи этой фигуры. Что-то исполинское, завораживающее, идущее из богатырской глубины веков, из древней и уже почти забытой истории человечества выступило из темноты костра, и все замолкли, притихли, подчинились. «Ему ведь уже шестьдесят будет, — подумал Варлаам, любуясь Трифоном, — но какая силища в нем небывалая обитает, — не только тело, но и дух исполинский в нем».

Трифон легко, удивительно невесомо, оторвал Онисима от земли и, протянув в сторону на вытянутой руке, завесил его над костром. «А я ведь говорил уже тебе, инок, что лопари — это дети мои? — произнес старец внушительно и раскатисто, стараясь медленно выговаривать каждое слово и таким образом, видимо, не без труда укрощая гневное кипение в своей душе. — Говорил?» — повторил он и встряхнул зависшего над огнем монаха, которого уже явно начинало припекать снизу.

«Говорил», — наконец просипел тот. «Запомни ты и все, кто пришел сюда с тобою, они — *"дети мои, которых мне дал Бог"*. И они теперь дети Божьи. А "пена людская" — это такие, как ты, дети дьявола. Потому что *"дети дьявола узнаются так: они те, кто не делает правды и кто не любит брата своего" (1Ин. 3, 10).* — Трифон говорил размеренно и неспешно, оставаясь при этом недвижим, в то время как Онисим, одежда которого уже дымилась, изворачивался, тщетно пытаясь освободиться. — И если не покаешься, инок лукавый, ждет тебя геенна огненная. Чуешь, уже огнь неугасимый». С этими словами Трифон вынес дымящегося монаха в сторону и наконец разжал свою огромную ладонь. Вывалившийся Онисим покатился к реке, шипя угрозы, и, вбежав в воду, добавил к ним шипения воды от изрядно затлевшего монашеского платья.

«Ну, впрямь как тати в ночи», — Трифон поглядел на разбросанную в траве рыбу, объедки, обвел взглядом притихшую братию и тут увидел Варлаама…

Был момент, когда Варлаам подумал, что наступил его смертный час, — так горячо стиснул его в своих объятьях старец-богатырь, конечно, оторвав при этом от земли. «А я ведь ждал тебя, отче. Феодорит прислал весточку, что ко мне идешь на подмогу, — эти слова старец уже прошептал на ухо, — да кто-то еще с тобой должен был быть?» Варлаам указал на Герасима: «Герасим, послушник из лопарей». Трифон прижал его к себе: «Мое чадо». Голова Герасима при этом оказалась где-то на уровне кожаного монашеского пояса Трифона и больно ударилась обо что-то твердое, металлическое, скрытое под черным облачением. Герасим и раньше слыхал лопарские рассказы про железный пояс Трифона, особые тяжкие вериги, которыми оковал себя старец еще во дни своих покаянных скитаний. Теперь, потирая лоб, он убедился в его существовании вполне достоверно.

«Ну, да поспешим, отче, а то отец Иона заждался уж — время Вечерню начинать. — Трифон оглянулся на остальную братию. — Слыхали, братия, нам пора службу начинать. А вам время о покаянии думать. И в монастырь родной на Колу возвращаться. Нечего здесь татьбу разводить и коснеть во грехах. Время пения, молитвы час».

Иринарх

Когда смолкли шаги Трифона (кроме Варлаама и Герасима, за Трифоном увязался еще и лопарь Яков), из темноты к костру выступили трое, до того остававшиеся никем не замеченными. Благообразный старец и два отрока-послушника. «Отец Иринарх, — тут же бросилась к старцу взволнованная братия, — отец Иринарх, тут только что Трифон был. Он Онисима чуть не зажарил на костре».

Монах, названный отцом Иринархом, молчал и, казалось, внимательно слушал в волнении перебивавших друг друга иноков. Это был представительного и весьма благообразного вида старец с большой бородой и волнистыми, в красивую проседь, волосами. По взгляду его острых, всегда иронично прищуренных глаз, казалось, было невозможно распознать ни его чувств, ни мыслей, ни забот… Молча рассматривая и сочувственно кивая каждому из кипятящейся братии, он вдруг неожиданно побледнел и тихо, но очень ясно произнес: «Ну, все. Хватит. Надоело. Я все видел». Затем, чуть повернувшись к одному из стоявших у него за спиной высоких молодых послушников, он, кивнув в сторону реки, тихо приказал: «Онисима».

Онисима под руки притащили от реки, испачканного, без сапог и в обгорелом подряснике. Согнув в поклоне и вновь подняв, его поставили

перед отцом Иринархом. Тот, глядя в глаза монаха, протянул руку и произнес: «Нож». Онисим, было, дернулся, но напрасно. Один из крепких подручных Иринарха, ухватившись за ножны, рванул с пояса монаха тесак и передал Иринарху. «Ты, брат Онисим, длинным языком своим большой вред нам всем причинил. Велию пакость братии соделал. Как мы после слов твоих поганых теперь в монастырь попадем, а? Ты, брате, нас всех крепко с Трифоном поссорил. Так что, думаю, может, укоротить тебе язык-то?»

При этих словах послушники с готовностью посмотрели на Иринарха, а у Онисима подкосились ноги: «Отче, пощади, прости, отче! Сам не знаю, чего понесло. Как лукавый попутал, все, как этот поп Керетский пришел, началось. И Кузьма тогда же словно как повредился. Пощади, верой и правдой буду, как собака буду…» Услышав о Варлааме, Иринарх явно задумался, потом кивнул, и Онисима отпустили, отбросив в сторону.

«Знаменитый поп из Керети… Феодоритов ученик верный. Это ж ему тогда такую дурь придумал старик — с гробом плавать. Совсем головой скорбный», — так язвительно и недобро размышлял иеромонах Иринарх, некогда ученик и друг Феодорита еще по заволжским пустыням, где подвизались они, ревнуя о стяжании дара молитвы и высоте духовной. Но так случилось, что давний недуг постыдной страсти, который казался ему давно побежденным, подкараулил его, застал врасплох, взял над ним силу, и он пал. Высокое мнение о себе, давний авторитет «старца высокой духовной жизни» не допустили проникнуть в его сердце свету раскаяния, живительного плача о грехе, не позволили обратиться к всепобеждающей силе Таинства покаяния. Благодать Святого Духа отошла от него, и он умер. Осталась лишь прежняя благообразная оболочка, и иной, мертвящий дух теперь обитал в ней. Этим-то духом и возненавидел он Феодорита, ибо тяжко мучила Иринарха девственная святость кольского старца.

«Закончил, значит, плавать поп Василий. Исполнил, однако, он епитимию-то. Во всем Поморье великий о том толк идет, да еще о червях каких-то, им заклятых. Вот только сюда-то он зачем заявился? Нам-то он здесь сейчас точно без надобности».

Раздраженный этой новостью, Иринарх недобро посмотрел на переминающуюся братию и, вдруг почувствовав приступ неодолимой к ним ненависти и отвращения, с яростью прошипел: «Вы что тут расселись? Вы что, козодеи, думаете, я буду зимовать здесь, вот так с вами? У костра ежиться? Это вы, убогие, пойдете у меня по лопарским тупам в дерьме валяться. А мне недосуг тут коснеть с вами. Мне в монастырь надобно. Мне этот монастырь надобен, слышите! И он мой, мой будет!»

Последние слова он произнес с такой исступленной силой и со столь безобразно исказившимся при этом лицом, что даже невозмутимые отроки, неизменно стоявшие рядом, глянули на него с некоторой опаской. Сообразив, что не сдержался и что не надо бы так перед всеми раскрывать *сокровенное*, Иринарх привычно зажал эмоции, собрался и, став прежним «мудрым,



духовным старцем», стал негромко, но веско вещать: «Запомните мои слова, отцы честныя, и другим передайте: племя саамское, братья наши, народ достойный — добрый и честный. Не в пример другим племенам, что в бескрайних землях Российских кочевьем живут, — Иринарх поискал взглядом Онисима и выразительно посмотрел на него, — да только воровством и иными зазорными делами промышляют».

При этих словах цыганистый Онисим заерзал, а Иринарх, выдержав нужную паузу и дождавшись оживления в братии, неспешно продолжил: «Мы, российские монахи, Господом призваны помочь лапландскому народу. Трудно живется лоплянам, земля здесь зело богатая, а люда лихого, разбойного тьма превеликая. Ныне трудами монахов-пустынников, любезного нам старца Трифона, начальника проповеди евангельской в языке лопском... — Тут Иринарх замялся, понимая, что братия невольно вспомнила и славные дела Феодорита. Да и как тут забудешь то великое чудо, им совершенное, когда *«единого дня крестишася две тысячи лопян с женами и детьми»*, но преодолеть себя Иринарх не смог и продолжил: — Страна эта, Великая Лапландия, приведена в веру православную, а значит, и под державу Российскую. Потому мы сюда и пришли, ибо земля эта отныне Великого князя Московского Ивана Васильевича».

Иринарх говорил негромко, веско и завораживающе, но при этом сокрытые за прищуром проницательные глаза его постоянно перебегали от монаха к монаху. Он внимательно отслеживал реакцию каждого из стоящих сейчас перед ним, чутко реагируя и все просчитывая наперед.

«Земля эта богатая, а власти нет. Вот мы здесь теперь и есть власть Московитская. Мы — Третий Рим, и все наше будет. Этого желает Великий Государь наш Иван Васильевич, и Церковь Православная нас на то благословляет. Дабы нам не только молитвой заниматься и непомерно плоть свою утеснять, как нас учили некоторые не в меру ревностные молитвенники, но и трудиться, богатый монастырь созидая, во славу Державы Российской. Для того мы с вами сюда, в эти земли, и пришли».

«Вы только подумайте, братия, — Иринарх почувствовал вдохновение и оживился, — какую царь Иоанн жалованную грамоту Соловкам даровал великую, несудимую и заповедную. Одной соли дозволил десять тысяч пудов беспошлинно отторговать. Деньжищи-то какие! Подумать страшно. Да мы тут соли этой столько наварим, куда там Соловкам. Работников, бобылей, лопарей тех же наймем. Да что соль. Тут столько всего, только хозяин нужен. Знай, цену набрасывай, есть чем тут поторговать. Все купцы Ростова и Новгорода забудут про торг в Варгаве и Коле, все гости заморские к нам на поклон придут. Будем большие дела делать, будем и себя не забывать, праздники праздновать и Господа благодарить».

Чувствовалось, слова его возымели большой успех. Братия оживленно обсуждала сказанное и одобрительно кивала. Иринарх мог уже спокойно польстить самолюбию братии, давая понять, что ему важно их мнение: «Ну что, в чем я не прав пред вами, братия, в чем солгал пред Господом?»

Монахи одобрительно зашумели: «Правильно, отче, говоришь, надо дело делать, большой монастырь строить, а одной молитвой сыт не будешь».

«А коли так, — отец Иринарх поднял руку, призывая ко вниманию, — о самом теперь важном. Впереди зима и ночь, и зимовать мы можем только у Трифона. Поэтому все вы сейчас пойдете к нему в обитель и будете умолять со слезами и покаянно, как самые худшие из худших, пустить в церковь ко службе Божьей. Там вы все, повторяю, все прилежно молитесь, поклоны кладете, молитвы шепчете, ведете себя благоговейно и смиренно. Вы должны умолить Трифона пустить вас к себе. Вы все поняли? И ножи все с поясов поснимайте. Я приду позже, может, через дней несколько, смотря по делам. Все! С Богом!»

Пармен

Братия ушла, но, как оказалось, не все — один монах задержался. Русобородый, жилистый, с сухим, подернутым нервным тиком лицом, он, видимо, некогда в юности обладал и статью, и дерзкой мужской красотой. Ныне же хоть внешне был уже сутул и скособочен, но, как крепкая коряга, явно пребывал еще в силе. За все время происходящих событий он ничем не привлек к себе внимания и сейчас, так же незаметно, отстал от идущих в монастырь монахов. «Брат Пармен, — удивленно обратился, заметив его, Иринарх, — ты как здесь оказался? Ты ж вроде как не хотел с нами на Печенгу идти, в Коле остался. Выходит, передумал?» Названный Парменом молча глядел на Иринарха, и тот, поняв, повернулся к послушникам: «Пойдите-ка к реке, поглядите, что там, в “заколе”, да и ужин нам с братом приготовьте».

Пармен проводил оценивающим взглядом холеных отроков и, едва заметно усмехнувшись, повернулся к Иринарху: «Складно ты нынче братии “турусы на колесах” раскатал, слов нет, умеешь, — Пармен говорил сипло, временами кривя рот в нервном тике. — А Трифону ты не пробовал эти думы свои поведать, про то, как пришел ты лопарей его пожалеть и помочь ему в угодьях их распорядиться? А особливо о том, кто здесь теперь властью будет?» Тут Иринарх весь собрался. Пармен всегда был человеком темного прошлого, таящим какую-то угрозу, и всякий, сталкивающийся с ним, неизменно признавал его силу и авторитет. Сейчас же от него и вовсе веяло чем-то погибельным.

«Ты на меня не сипи, говори, к чему клонишь», — постарался как можно спокойнее ответить Иринарх, но при этом все же коротко глянул в сторону своих подручных, пожалев, что далеко отослал их от себя. «Э, старче… — насмешливо протянул Пармен, перехватив этот взгляд. — Да, я вижу, ты так и не понял, кого тебе бояться следует. Ты меня не страшись. Чего мне с тобой делить…» И вдруг, словно придавленный неким темным ужасом

воспоминаний, Пармен вплотную приблизился к Иринарху и заговорил быстро и горячечно: «Ты не знаешь Трифона, потому и додумался прийти сюда. Ты просто не видал, что бывает с теми, кто пробовал ему хоть что против сказать. А я видал. Я раз сказал ему “против”».

Тут Пармен замолк. По его мечущимся глазам и рту, нервно кривящемуся в неуместной улыбке, было видно, что овладевшие им воспоминания и страшат, и жестоко властвуют над его душой. Иринарх напряженно молчал, чувствуя, что сейчас услышит нечто крайне важное. И скорее всего, это станет важным теперь уже для них обоих.

«Давно это было. Тогда все Семь рек в Каяни ему, Трифону, дань платили, кто умереть не хотел, и финн, и вепс, и норг, и швед. Все дрожали тогда при одном имени его — Митрофаном он тогда звался. Это был не атаман, это был ужас во плоти, кровь рекой лил. Меня тогда, конечно, тоже не Парменом звали, и была у меня ватага друзей крепких, надежных. Мы тогда лихими делами в лесах под Ростовом промышляли. И не боялись никого. Весело жили, раздольно. И про Трифона знать ничего не знали.

И вот как-то, в одно лето, подбил нас лукавый податься в приграничье, в Ботнию, к тем Семи рекам. Прослышали, что, мол, места там богатые, а власти пока что никакой нет. Ну, и стали мы там промышлять делами лихими. И как-то вот зашли мы в одну деревню чухонскую, у речки Леминги, думали поживиться там чем. Только прошлись по домам, порезвились, подпалили кое-какое добро, и за деревенькой расположились поглядеть на добычу, посчитать-поделить пожитки чухонские.

И тут вдруг, откуда ни возьмись, подходит к нам юноша, статный такой, одет богато и говорит так спокойно, уверенно да с улыбочкой: “Господин наш, Митрофан, просил вам кланяться и передать, что завсегда рад гостям, и в знак вашей с ним дружбы просит передать ему незамедлительно восемь рублей денег московского числа, да с гривенкой”. Ну, мы, понятное дело, сначала аж оторопели от неожиданности, а после рассмеялись дружно — братию нашу слова эти позабавили изрядно. Нас восемь тогда было, веселых да бесшабашных. И недолго думая, схватили мы гонца того, да отрезали ему уши, и попросили передать их его господину. Юноша тот, надо сказать, крепкий оказался. Разорвал свою красную рубаху, перетянул крепко голову, поднял кровавые дары наши и, сказав, что непременно все передаст, пошатываясь, прочь пошел.

Нам бы, кабы знать, бежать оттуда, что есть мочи. Но мы и не думали поспешать — молодые были, уверенные. Посмеиваясь, перешли мы поле деревенское, как сейчас помню, свежее такое, пахучее, распаханное. Да вот только в лес войти не успели. *ОН* нам навстречу и вышел. И хотя он один к нам вышел, но что-то так жутко нам стало. Даже не потому, что зело велик был атаман и ростом, и в плечах, а потому, что повеяло от него звериной лютой силой и яростью неодолимой.

Гридка, друг мой лучший, он завсегда заводила был, горячий и силушкой не обижен — размахнул топор свой боевой да первый с кличем нашим

бросился на то чудище. Да где там… Лишь подбежал он к нему, как топор из рук у Гридки-то и вылетел. Как дите малое показался нам Гридка рядом с Трифоном. Мы и броситься еще не успели на подмогу, как поднял зверь тот Гридку в воздух, да и ударил в грудь. Так хрустнуло страшно, что тут и конец Гридке пришел. Отбросил Трифон дружка моего в сторону, как падаль какую, глянул на нас и так зарычал жутко, как человек не должен.

Вот тут-то и вспомнилось мне, что в Новгороде один старик-воин о "таком" про норманнов рассказывал. Говорил, знают те норги заклинания бесовские да зелия чародейские и умеют силу зверя в себя впускать. И тогда ничего им не страшно, и одолеть их смертному не дано.

И хотя семеро нас осталось, мы как бы охолодели, и вся удаль с нас спала, будто сама неминучая явилась по наши души. Отстегнул Трифон палицу железную от пояса, так та ослопь его чуть не с меня ростом показалась. А пояс его широченный, весь узорчьями камений драгих усеян, и по сей день, как вспомню, глаза мне слепит.

Мы, понятно, вкруг Трифона обошли да дружно наседать на него стали. Меч у меня добрый был, сталь дамасская. Да как с его дубиной мой удар встретился, так подумал я, руку из плеча-то мне напрочь вырвет. Меч, понятно, улетел далече, а рука, как не моя стала, повисла плетью. А он палицей-то своей так легко дружков моих охаживает, по лбам щелкает, как ложкой в обед детишек шаловливых. В общем, как мурашей, передавил он дружков моих. По сей день помню. Перед глазами каждый из них стоит, и то, как кто в последний раз вскрикнул — по ночам слышу.

Тут, вижу, и до меня очередь дошла. Было, бежать я бросился, оглянулся и вижу, что вокруг уж кольцом дружки его стоят, что из леса вышли. Молча так стоят, спокойно. И тот, с головой перевязанной, прямо в глаза мне глядит. Тут споткнулся я да на спину упал. Кинжал у меня был, я за ним, было, потянулся, да надо мной уж Трифон навис. Увидел, что я за кинжалом тянусь, — на плечо как наступит, да с хрустом. Так я про все от такой боли позабыл. Трифон же, слышу, сверху рычит: "Марко! Уши будешь забирать на память?" Тот, которого Марком звали, юноша, знакомец наш, видать, отказался. "Ну, как знаешь", — произнес Трифон и посмотрел на меня. Страшно так глянул и палицу свою подымать стал. А с нее то ли кровь, то ли мозги друзей-товарищей моих стекают да на меня капают. Вот тут я впервые про Господа вспомнил, возопил, как никогда, умолял простить все грехи мои тяжкие…

И тут, вот чудо Божье! Некто, как ангел с небес, в плаще голубом, волосы льняные по плечам вьются, обруч золотой сияет. Да на Трифона бросается, смело так, прямо на грудь ему, сапожки вижу красные, сафьяновые, и по нему, по поясу его карабкается, как по скале какой, и на шее его повисает: "Митроша, родной, успокойся, хватит крови… Успокойся, любимый, все хорошо, не губи душу, оставь, пусть живет. Слышишь, прошу тебя, ради меня, Митроша…"

И вижу, рука с палицей как-то замешкалась, замерла да вниз-то и опустилась. И уже цепляет Трифон оружие свое на пояс, и слышу, гудит его голос с высоты: “Ну, все, Леля, все хорошо… Ты тоже успокойся, не дрожи… Я уже спокоен, не бойся, я спокоен…” Сажает он, как ребенка, на руки мою заступницу, и по сей день слышу я те удаляющиеся возгласы приветственные братии и раскатистый смех Трифона: “Вот, братцы, вот уж воистину, одна чистая меж нами душа. Ну, чем не ангел во плоти. Пир сегодня будет в честь моей царицы Елены! Во славу хранительницы моей верной!”»

«А была ночь» (Ин. 13.30)

Пармен замолчал, и лишь нервные спазмы, пробегавшие по его лицу и крутившие шею, продолжали выдавать все еще кипящие в нем воспоминания. Иринарх тоже молчал, не спеша нарушать тишину. Чувствовалось, что рассказ Пармена произвел на него сильное впечатление. Главным же было то, что он даже не ожидал найти среди братии столь серьезного себе союзника в задуманном деле. Эта была явная удача. Теперь надо было всем этим правильно распорядиться. И ошибка тут может дорого обойтись.

Иринарх размышлял обо всем этом столь напряженно, что, забывшись, даже принялся нервно теребить бороду и усы, чего обычно не допускал, дабы ничем не раскрыть своих чувств, да и не умалить благообразности вида. Нервное молчание нарушил послушник, почтительным шепотом доложивший, что «трапеза готова».

«Пойдем, брат Пармен, — с деланой беззаботностью и как ни в чем не бывало произнес, наконец, Иринарх, — подкрепимся, чем Бог послал». Он уж, было, направился к расстеленной у костра холщовой скатерке со снедью и штофом «горячего» вина, как понял, что Пармен идти с ним не собирается. «Так, что ж ты, Пармен, не хочешь со мной трапезу разделить, может, брезгуешь?» — в голосе Иринарха уж зазвенели особые нотки. Однако Пармен резко прервал его: «Не играй со мной. Не надо. И ты, и я знаем, чего хотим. Ты ж помнишь — не хотел я сюда, на Печенгу, приходить. Не хотел бередить то старое, в чем покаялся давно и, как думалось, простил и забыл». Пармен замолчал, играя желваками и уставившись на пламя костра.

«Так вот, выходит, что не простил», — с этими словами Пармен както незаметно провел рукой по своему подряснику, и вдруг в глаза Иринарха блеснуло холодной сталью кинжала. Послушники у костра резко вскочили и застыли — Иринарх, замерев, отрицательно покачал головой, приказав им не двигаться. И тут же с деланым дружелюбием воскликнул: «Ай да Пармен, нешто тот самый булат? И сберег ведь… Столько лет беречь можно лишь для очень важного дела. Так ведь, Пармен?»

«Так что с Трифоном делать-то будем?» — одними губами произнес Пармен и поиграл лезвием, стараясь поймать зайчик от пламени костра, после чего опять ловко провел рукой по подряснику. Стальная угроза тут же словно растворилась в черных складках монашеского платья, а вместо клинка в руке появились безобидные кожаные четки-«лестовки».

Иринарху Пармен начинал явно нравиться, и ему даже подумалось, что тот играет в открытую. Для самого Иринарха такое было абсолютно невозможно. Он не мог позволить себе правды, поскольку в нем ее уже не осталось вовсе. «Окстись, Пармен, ты чего задумал-то? — Иринарх привычно разыгрывал свою роль, не стыдясь греха лицедейства. — Нешто душегубства не убоишься? На брата-монаха руку подымешь?»

Однако было видно, что Пармен вовсе не обольщается насчет своего собеседника и хорошо понимает, что в действительности скрывается за всей этой «старческой благообразностью». Потому он, внутренне усмехнувшись, принял эту игру в «благообразные словеса». Отчетливо выговаривая каждое слово и настырно проникая в упрятанные зрачки «старца», Пармен в упор произнес: «Я тебе про грехи юности как на духу рассказал, как отцу святому, и не для того, чтоб ты теперь меня душегубством попрекал. Те глаголы неизреченные. Я монах мантейный и в “черненьком” уж третий десяток как разменял. Как раз на Смоленскую будет, на Одигитрию этим летом. Будь оно неладно. Так что круто тебе говорю — вновь греха на душу я брать не собираюсь».

Иринарху все больше нравился умный Пармен, и он решился, повторив его недавний вопрос: «Тогда что же с Трифоном делать будем?» При этом выразительно глянул на четки в руках Пармена. Тот тоже посмотрел на четки, усмехнулся и, несколько помедлив, решился: «Ладно, скажу. Как отцу духовному. Есть у меня одна задумка. Вскорости после той истории Трифон, как известно, порешил свою “царицу Елену”, — Пармен при этом перекрестился, — Царствие ей Небесное, спасительнице моей. И совсем он как юрод стал. Бросил своих дружков, все бросил, все богатства свои несметные, и каяться пошел. А без него, где им там, на Семи реках, было удержаться. Слишком много крови пролил их атаман. Мести ведь многие желали, и лишь Трифон всех в страхе держал. Там, у чухны той, было семейство одно благородное, вроде как у нас род боярский. Везайны они звались, при реке Овлуе селились. Так вот, у них с Трифоном особые счеты были. Уж очень он стремился их одолеть и как род-племя извести. И они тогда на него слово особое произнесли, вроде как заклинание древнее: “верикосто”, что значит месть кровная и заматерелая навсегда. Так что вскоре именно эти отместники всех дружков его переловили и страшной муке предали. Да только вот Трифона не нашли. А уж как они его найти хотели…»

На этих словах «мантейный» Пармен со значением покачал головой и выразительно замолчал. Затем глянул в сторону костра и произнес как ни в чем не бывало: «Ну, вот теперь и подкрепиться не грех».

Однако на этот раз замер на месте Иринарх, вдруг начав уяснять коварную суть выношенного Парменом плана мщения: «Да ты что, Пармен,

ты это что задумал? Ты что же это хочешь — чухну сюда привести? Так ты ж все дело наше погубишь. Да, ты прав, конечно, может, они Трифона и порешат, если найдут, конечно. А то, что они и наши с тобой головы на сухарах в лесу поразвесят — ты об этом-то подумал?»

«А зачем нам тут с ними видаться, — было видно, что Пармен обо всем уже давно «подумал». — Мы переждем, схоронимся в отлучном месте, пока дело будет сделано. Да и вообще, может, лучше всем потом уйти отсюда. Разбежаться».

«Пармен...» — начал было Иринарх, но вдруг осип, ужаснувшись от понимания того, что он может вовсе и не убедить Пармена, и все то, что он так долго и тщательно планировал, что берег и вынашивал, сейчас это все может рухнуть. Он вдруг ощутил нутром, что здесь крутятся и уже действуют иные мощные силы, и что работают они по своему, вовсе не пустячному плану. И в этих планах, как видно, не обошлось без тех страшных чар финских колдунов. И произнесенное проклятие кровной мести ждет своего часа и может вот-вот свершиться. Нет, допустить этого он никак не мог.

«Пармен, — вновь произнес Иринарх, он уже внутренне собрался и перестроил свои боевые порядки, — ты не обижайся, но я прошу тебя, припомни хорошенько: Трифон тогда тебе точно плечо придавил? Ты вспомни, может, это не плечо было?» Пармен скривился и удивленно посмотрел на Иринарха, явно не понимая, к чему тот клонит. Иринарх же тем временем завершил с деланой серьезностью: «Может, все же голову прищемил?» И не дожидаясь реакции Пармена на этот выпад, «весело» рассмеялся и, «запросто» обняв монаха, повлек его к трапезе. «Ну, не держи зла — это я по завиде своей, честно скажу. Просто вижу, что ты лучше меня уже многое обдумал. Молодец, не ожидал». Он гостеприимно разлил по чаркам «хлебное»: «За твою задумку!»

Когда выпили, осторожно, словно ступая по льду в заберегах[9], продолжил: «Но только вот, что я еще думаю, Пармен, — чухна, когда дело сделает, ведь тропку-то сюда уже не запамятует. Не даст нам покойного жития. А я, скажу тебе, уж давно желаю жития покойного. И чтоб подальше от владык и князей, бояр и дьяков, десятильников, куниц, алтынов, пошлин и всего прочего ненасытного их тягла, что уж обрыдло до блевотины». Иринарх взглянул на Пармена. Хотя тот слушал молча, глядя в огонь, все же Иринарх почувствовал, что тот «одобряет», и смелее продолжил: «А ты разве не устал скитаться? Тебе уж сколько годочков-то? А хозяином так и не был никогда. Раз попробовал, да и то Трифон тебя придавил. И сейчас тебе вновь выпадает доля счастливая, так что же, опять Трифон тебя придавит?»

Это был удар точно в цель. Пармен весь напрягся и даже застонал. А Иринарх, пока было горячо, дальше выковывал себе надежного подельника: «Так вот, что я скажу тебе — теперь наша очередь. Пришло времечко

[9] «Заберега — ледяная окраина, образующаяся у берега перед замерзанием или при вскрытии вод». Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 47.

наше, долгожданное. И хозяином здесь станет тот, кто умнее окажется. На того даже Трифон работать станет». При этих словах Пармен хмыкнул и, удивленно глянув на Иринарха, стал разливать «хлебное». «Да-да, Пармен, именно так. Ты, Пармен, все правильно понимаешь, кроме одного — нонешний Трифон — это не прежний Митрофан. И того зверя лютого, что смертному одолеть было не под силу, — он сам в себе уже одолел. Теперь он слаб — он слишком любит эту свою лопь немытую. И если ему намекнуть о том, что немцы каянские не забыли его, и эти, как ты говоришь, "Везайны" могут прийти и всех чадушек его здесь вырезать, то можно будет с ним и о большом монастыре потолковать. А чтобы такой надежный острог, такую крепость здесь построить, деньги нужны совсем не пустячные. А главное, право надо иметь всем этим здесь распоряжаться и строить. И чтоб ни царевы даньщики, ни немецкие "фогты" к нам носу своего длинного не казали. А для этого, и это самое главное, ради чего мы с тобой здесь толк ведем, — нам грамота нужна царская, жалованная и несудимая». Иринарх поднял чарку: «Ну, что — дело?» Пармен помолчал и тоже поднял: «Ну, что ж. Дай-то Бог!»

Выпили. «Послушай, Иринарх, но грамоту эту заповедную лишь Феодорит добыть мог. Он там, "наверху", гость желанный. А сейчас он для нас стараться точно не будет. Может, напрасно мы погорячились? Не надо было бы такую бучу творить в Коле».

«Нет, не напрасно, — жестко отрезал Иринарх. При имени Феодорита он даже потемнел, — для нашего плана он как кость в горле. Он для нас и так, и эдак ни о какой грамоте печься бы не стал. А вот Трифону, дружку своему и чаду духовному, в скорби его тяжкой непременно пособит. А значит, и нам радость велию в клюве принесет. Так что пока все жестко по плану идет».

«Пока-то идет. Хотя чую я, что план этот... — Тут Пармен почему-то оглянулся и, понизив голос, продолжил: — Умом не человеческим порожден... Ну, да ладно, что про то говорить. Ну а что, если Трифон круто не согласится? Что, ежели покидает он нас всех назад, через Печенгу? Что тогда?»

«А на этот случай, Парамоша, — Иринарх так странно блеснул обычно тусклыми глазами, что Пармен невольно поежился от накатившего холода, — на этот случай у нас ты есть. — И добавил, ласково так: — А что грех какой случится — так ты не бойся, я тебе его отпущу».

ГЛАВА VIII



Трифон и Варлаам

Варлаамово пророчество

Итак, тревожные времена пришли на Печенгские берега холодной осенью 1548 года.

В «Каноне преподобному Трифону…» ясно говорится о смертельной опасности, которой подвергся Трифон с приходом «новых русских» монахов: *«Лукавые люди тебе спону* [препятствие, сопротивление. — **Прим. М. М.**] *бесовским советом учинить захотели или же тебя смерти предать».* О том, что речь идет именно о братии, а не о каких-то случайных забредших в эти края разбойниках, ясно говорят последующие строки этого тропаря: *«ты же яко Моисей, манною питать их не престаешь, пока всех сих и в благоразумие не привел»*[1]. Понятно, что «в благоразумие привести» возможно, лишь противопоставляя злу — добро, ненависти — любовь, бунту — смирение. И действительно, Трифон, вынужденно покинувший Печенгу на восемь лет, так же как Моисей, не оставил в гневе и обиде свой народ и *«пребывая нищим и просителем, от града во град, и от веси в весь странствуя, все что испрашивал милостыни, в монастырь свой на пропитание братии посылал»*[2].

В предыдущих главах мы попытались художественными средствами представить себе возможный сценарий развития ситуации на Печенге к моменту прихода туда Варлаама, опираясь на ту информацию, что донесли нам исторические тексты. Варлаам в то крайне тревожное время действительно пришел в *«созидаемую святым Трифоном обитель на Печенге, за окиян-морем».* Он *«туда устремился видеть того труды и подвиги».* Однако Канон сообщает и о том, что Варлаам после своего прибытия довольно скоро разобрался, что там происходит. *«И пребыв немногое время, пророчески тому о составлении* [о составе. — **Прим. М. М.**] *обители прорек».* То есть, обретя Дары Святого Духа, Варлаам уже мог дать пророчество о будущей судьбе обители, о собравшейся у Трифона братии: *«О, Трифоне, сподобился ты еси обитель воздвигнути и братию собрать, но будут люди и села зло неукратимы, яко дикие звери, твоей ярости и острожелчию* [гневливости. — **Прим. М. М.**] *подобящиеся».*

Надо понять, что суть сказанного Варлаамом есть не просто констатация факта увиденного им тяжкого духовного неблагополучия, поразившего собравшуюся к 1549 году на Печенге братию. Варлаамом произнесено именно

[1] Канон прп. Трифону. С. 95 об.

[2] Житие прп. Трифона. С. 111.

пророчество, то есть Духом Святым возвещено некое Божественное установление, которое определит всю дальнейшую судьбу этого Трифоновского детища. Вся эта *«неукротимость»* братии, ее *«ярость и гневливость»*, по слову Варлаама, есть наказание Трифону от Господа и тяжкий крест в воспоминание и искупление им своих диких страстей и страшных грехов разбойной юности. Именно потому они так ведут себя *«яко дикие звери»*, потому так страшно *«неукротимы»*, что *«твоей* [Трифон] *ярости и остроželчию уподобляются»*.

Варлаамово пророчество в полной мере исполнилось в судьбе Печенгского монастыря[3]. Трифон вынужден был принять Божью волю, изреченную Варлаамом, и, смирившись, покинуть ставшие родными Печенгские берега. Спустя восемь лет он вернется сюда с новым игуменом — Гурием, на имя которого будет дарована монастырю Жалованная грамота, что откроет обители путь к небывалому процветанию, равно как и к грядущей ее «от острия меча» погибели.

Прозревая Духом всю эту предстоящую скорбь, Варлаам поддерживает Трифона и показывает ему сокровенную духовную причину происходящего, а следовательно, и пути одоления этой беды. Тем не менее понимание и объяснение глубоких духовных причин происходящего на Печенге не может снять остроту ситуации, потому Варлаам не желает более оставаться здесь. *«Оставляеши Трифоново селение и возвращаешься паки к Керети — все тому* [то есть Трифону] *изрек»*.

Крест преподобного Трифона

То, насколько велико было мистическое значение этого пророчества, что произнес над Печенгским монастырем великий святой Крайнего Севера преподобный Варлаам Керетский, вряд ли нужно дополнительно подчеркивать.

Равным образом и то, что Трифон, вернувшись на Печенгу через восемь лет, сознательно примет этот возвещенный Варлаамом тяжкий крест духовного окормления столь непростого монастыря и до конца своей жизни, несмотря на противодействие, будет делать все, чтобы не допустить погибели душ иноческих. Об этом, опять же, ясно говорится в «Каноне преподобному Трифону...»: *«Аще и питаемые тобой роптать не перестают, но ты сих зверство на кротость в благоразумие привел, молитвами непрестанными, и пением, и бдением, дондеже их Христу чистыми представил»*.

[3] Мы сейчас не касаемся печальной истории обители в XVII веке, когда она размещалась в Коле и когда «буйных печенгских монахов» безуспешно пытался усмирить сначала патриарх Никон, а затем и Архангельский Владыка Афанасий. Об этом см.: Митрофан (Баданин), иеромонах. Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. Мурманск, 2003. С. 257–266.


СОБОРЪ СВ҃ТЫХЪ
КОЛЬСКОГО СѢВЕРА
Ѡ
Н

Этот тропарь Канона раскрывает нам все величие едва ли не самого главного жизненного подвига преподобного Трифона Печенгского. Несмотря на упомянутые *«ярость»* и *«неукротимость»* братии, с которыми вплотную довелось столкнуться печенгскому старцу, ему все же удалось благодатной силой своей великой святости преобразовать *«сих зверство на кротость»* и привести в *«благоразумие»*. Путь, которым вел братию Трифон, весьма непрост, но он единственно возможный в той ситуации, и Канон нам тот путь ясно раскрывает — *«молитвами непрестанными, и пением, и бдением»*.

…Так начиналось великое с малого,
Богу — во славу. В науку — наследникам.
Трифон шагал и, молясь, перемалывал
В сердце гордыни остатки последние.

И по следам, Преподобным оставленным,
Иноки шли со слезой покаяния.
И выпекалось в их душах раскаянных,
Словно просфоры в печи, послушание[4].

Так совершилось чудо, ибо *«невозможное человекам, возможно Богу» (Лк. 18, 27)*. В декабре 1589 года абсолютное большинство братии явили истинное, идущее даже до смерти, послушание своему игумену и наследовали райские обители по молитвам Трифона, который *«их Христу чистыми представил»*. Полная мера понимания этого великого чуда, совершенного в XVI веке печенгским старцем, раскрылась нам лишь недавно, когда осенью 2003 года благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II «братия Печенгского монастыря, убиенная вместе с игуменом Гурием, [была] прославлена в лике преподобномучеников»[5].

«Молитвами непрестанными, и пением, и бдением», что совершались по настоянию Трифона в Успенской церкви, построенной рядом с его отходной пустынью у Трифонова ручья в 1571 году[6], братия обретала покаянный, молитвенный настрой и спасительное чувство устремленности сердца от мира дольнего к миру горнему. Службы в этом храме не прервались и после блаженной кончины Трифона в 1583 году. Надо понимать, что знаменитое грозное пророчество святого Старца о судьбе монастыря, возвещенное им при своей кончине, самым непосредственным образом благодатно повлияло на перемены в духовной атмосфере обители. Молитвенное

[4] Колычев Николай. Мурманский поэт. Стихотворение «Жернова. Сказ о послушании».

[5] Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 15.10.2003 года на имя епископа Мурманского и Мончегорского Симона.

[6] Мы не знаем, что завещал своим духовным чадам отходящий ко Господу в августе 1571 года великий старец Феодорит Кольский, но мы знаем точно, что именно этой осенью 1571 года в Печенгском монастыре была срочно воздвигнута Успенская церковь. О том, что «срочно» — свидетельствует современник, наблюдавший в монастыре: «около 200 монастырских работников, и все они были заняты постройкой церкви». «Сообщение» Симона ван Салингена цит. по: Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 303.

предстояние Трифона в течение шести лет у престола Божьего в Горнем Иерусалиме после своей кончины позволило ему вымолить спасение для своих своенравных чад, а игумену Гурию подвигнуть монастырскую братию к принятию мученических венцов при нападении шведского отряда на обитель в декабре 1589 года.

Очищение морем

Итак, Варлаам, возвестив в своем пророчестве волю Божью, поведал Трифону и о своем желании покинуть Печенгу. Но мы знаем из Жития, что в это время и Трифон *«добрый преподобный отец, взяв с собою некоторых от братий, отыдоша во страны Великого Нова града»*[7].

В «Каноне преподобному Варлааму» есть один довольно примечательный стих, повествующий не только о духовной помощи, оказанной Трифону Варлаамом, но и некоем совместном их морском плавании в «пустыне моря».

«Естеством добродетелей, любви сопрягся [соединился] *отцу Трифону в духовных ему исправлениях, в пусте море* [в пустыни моря] *с ним оземствуяся* [пребывая в ссылке, изгнании], *с причастное души* [унаследованное душой] *очищающе»*. Другими словами, смысл этого тропаря можно изложить следующим образом. Любовь — есть естество добродетели, ее сущность. Варлаам в такой добродетельной любви соединился с отцом Трифоном и, придя ему на помощь, принял участие в духовном его изменении, исправлении, подвиге. Претерпевая изгнание и оказавшись с ним в открытом пустынном море, силой той любви помог Трифону очиститься от всего, что еще было унаследовано в душе от его прошлой жизни.



[7] Житие прп. Трифона. С. 111.

Надо прямо сказать, что вряд ли в судьбе этих двух великих святых мог быть иной повод для столь важного их совместного морского плавания, чем то вынужденное прощание с Печенгой весной 1549 года. И, конечно же, такое тесное молитвенное общение, неизбежное во время их совместного нахождения в карбасе и путешествия из Печенги в Кандалакшу в течение как минимум двадцати дней, явилось для Трифона чудесной и благодатной возможностью укрепиться и возрасти в духе.

Преподобный Варлаам вновь в полной мере исполнил благословение своего духовного отца, великого старца Феодорита Кольского, и явился провозвестником Божественного гласа, возвестившего всем об особых причинах и тайных истоках столь непростой и подчас драматической истории монашеской жизни на Печенге. Но, кроме того, и что особенно важно, Варлаам оказал неоценимую духовную поддержку Трифону в столь непростой момент истории Печенгской обители, во многом обусловив его дальнейшее упорное, по сути, героическое делание по спасению своих духовных чад.

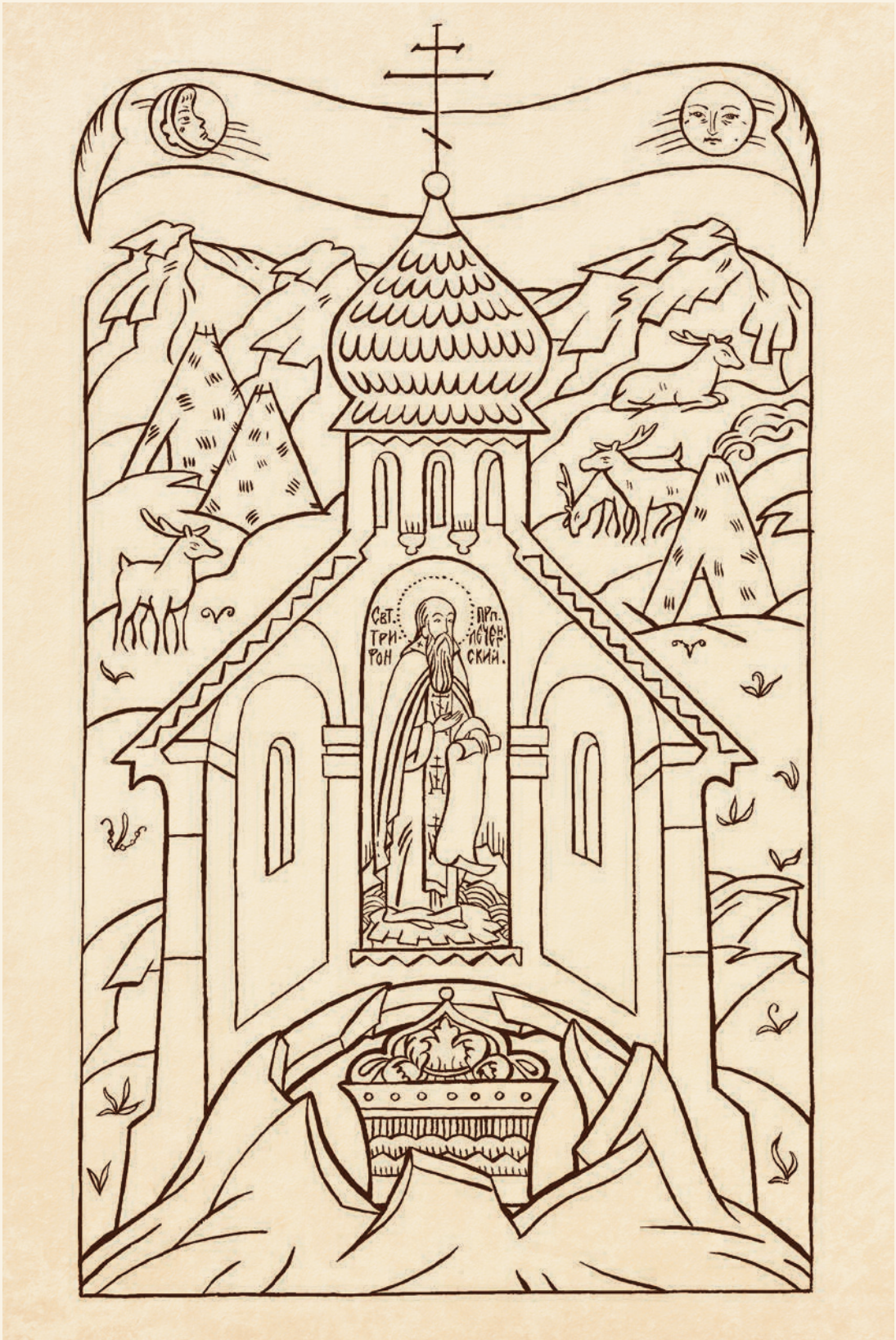
В редакции Жития преподобного Трифона XIX века мы, к сожалению, не находим понимания всей непомерной величины этого подвига, совершенного печенгским подвижником с 1549 по 1589 год. Сорок лет потребовалось Трифону для того, чтобы провести очень непростую монастырскую братию единственно верным путем спасения — *«молитвами непрестанными, и пением, и бдением»*. И в конечном итоге этих прежде *«лукавых людей, хотевших»* его даже *«смерти предати»*, людей, которые были *«зло неукратимы, яко дикие звери»*, суметь в час страшного испытания декабря 1589 года — *«Христу чистыми представить»*.

Трифон Печенгский (равно как и Варлаам, и Феодорит) 450 лет назад созидал для нас, ныне живущих на Крайнем Севере, тот самый Собор Кольских Святых, что предстоит теперь у Престола Божьего и молится за всех верных чад Мурманской митрополии в сии последние времена.

Думается, будет правильным рассказать о том, как произошло это чудо появления в духовной истории Кольского края ста шестнадцати печенгских монахов-мучеников.



ГЛАВА IX


Свт.
Трифон
Прп.
Печенгский.

Печенгские мученики

Последнее пророчество

«Месяца декемврия в 15 день [15 декабря. — **Прим. М. М.**] *преставление преподобного отца нашего Трифона».* Приступая к описанию этого памятного события, надо отметить, что сохранились довольно подробные свидетельства *«самовидцев»*, записавших *«в книжецах малых»* подлинные предсмертные наставления старца, равно как и обстоятельства его блаженной кончины.

Трифон, всегда удивлявший братию своим отменным здоровьем и энергией, вдруг резко ослабел и слег. Конечно, к своим 98 годам Преподобный, как справедливо пишет современник, пребывал *«в старости маститой»,* но при этом являл удивительный пример неисчерпаемых жизненных сил. После столь долгой подвижнической жизни в *«проповеди Христовой и по многих своих пустынных трудах»* наступил и его час — старец *«впал в болезнь и изнемог зело».* Встревоженная этим известием братия во главе с игуменом Гурием поспешила навестить своего *«пречудного отца и наказателя».*

То, что увидела братия, глубокой печалью наполнило их сердца. Старец пребывал *«великою болезнью одержим»,* и было понятно, что наставник их и окормитель скоро покинет своих чад. Братия *«начала скорбеть горько, глаголюще: почто, наставниче наш, оставляеши нас, сирых!»*. Святой же отвечал: *«Добрый путь течения моего не пресекайте, все упование свое возложите на Бога. Молю вас по отходе моем не скорбите — смерть мужу покой. Аз же заповедаю вам: чадца мои, да любите друг друга».*

В эти последние минуты свой жизни старец вновь окидывает мысленным взором пройденную им непростую и долгую жизнь. Вновь и вновь благодарностью ко Господу наполняется душа бывшего разбойника, не оставленного в юности погибать во грехах и возведенного на блаженный Фавор святости. Об этом его слова последнего наставления братии: *«Все упование свое возложите на Бога, ибо Иисус — Христос и Бог мой, меня единого во всех приключившихся грехах моих не оставил, тем более и всех вас собранных во Имя Святое Его не оставит. Аз же заповедаю вам: любите Его, в Троице Славимого всем сердцем своим, всею душою своею, и всею мыслию своею».*

Оставляя своих чад, святой старец продолжает переживать о судьбе своего детища, об опасностях, подстерегающих обитель, и о соблазнах мира сего. Не понаслышке зная коварство и окаянство мира, погубляющих неокрепших в вере людей, взволнованно звучат его предупреждения: *«Любимицы*

мои, не любите мира и того, что в мире. Сами знаете, как окаянен мир сей, яко море неверен, мятежен, наполнен пакостями нечестивых духов, ветрами губительно волнуется, ложью горек, наветами дьявольскими трясется и пенится, ветрами грехов свирепствует и все возмущает, и потопить миролюбцев старается. Всюду плачь от него, и всюду пагубы свои простирает, а наконец, все смертью осуждает».

Затем Преподобный последний раз причастился Святых Тайн из рук своего верного сопостника иеромонаха Ионы — *«приял Христа Бога нашего пречистое и животворящее Тело и святую Его Кровь»*. Строгость обетов, данных Трифоном в те давние годы, когда он был еще юным Митрофаном, отметили свидетели этой сцены: *«По приятию Таин сел на* ***обычной своей рогозине*** *и, уже окончательно изнеможенный, прослезился»*.

На этой плетенной из прутьев циновке, неизменно служившей ему постелью, на полу своей кельи завершал свой долгий покаянный путь бывший разбойник, а ныне великий подвижник Севера, светлый старец Трифон — чудотворец Печенгский. Исполнил он путь свой на земле, все сделал и сказал главное: *«Чадца мои, да любите друг друга»*.

Увидев, что, приняв Святые Дары, Старец прослезился, игумен Гурий спросил его: *«Отче преподобный, ты нам о тебе скорбеть запрещаешь, и ко Сладчайшему Иисусу грядешь с радостию, поведай нам, из-за чего ты прослезился?»* Трифон, тяжко вздохнув, отвечал своим чадам: *«На сию святую обитель грядет тяжкое испытание, и от острия меча умучены будут многие»*. При этих словах братия переглянулась, Трифон же продолжил: *«Но не ослабевайте, братия, упованием на Бога; “Ибо не оставит Господь жезла нечестивых над жребием своим” (Пс. 124, 3), силен Бог вновь обновить обитель сию»*. Таковы были последние пророческие слова печенгского старца. *«По изречении слов оных, лег он на рогозине своей, и просветилось лице его, чуть улыбнулся и предал святую свою душу Господу»*.

«Ни гроб, забвения ходатай, возможет твоя добродетели утаить, отче, трубы бо яснейше проповедает твоя болезни постническия, — такие строки посвящает Трифону его современник и завершает: — *добродетелей труды и поты, Трифоне, покой со всеми святыми приемля, их же возвесели своим житием»*.

Братия исполнила повеление Трифона *«погрести его у церкви Успения Пресвятыя Богородицы, в пустыни, куда часто отходил он на богомыслие и молчание»*. Это место так называемой «отходной пустыни», что в устье реки Печенги. Здесь, у Трифонова ручья, в Успенской церкви продолжили служить его верные помощники Иона и Герман. *«И погребен был Трифон, Святей Троице теплый служитель и Пречистей Богоматери благодарен, в завещанном месте, в пустыни»*.

Первая кровь мести

Прошло шесть лет. Наступил декабрь 1589 года. Монастырь переживал скорбные дни, Филиппов пост в этом году ознаменовался большой трагедией. Все началось со страшного злодеяния в Успенской пустыни у могилы Трифона.

На рассвете 15 декабря были жестоко убиты верные ученики преподобного Трифона — иеромонах Иона и послушник Герман. Успенская церковь была сожжена, монастырские суда, стоявшие рядом в гавани, изрублены.

Самым тревожным было то, что никто не мог понять, кто и зачем это сделал? Никаких ценностей в Успенской пустыни не было. Зачем надо было убивать древних старцев? И что было особо загадочным и жутковатым — куда могли подеваться злодеи? От места злодеяния не вели никакие следы. Получалось, что приходили с моря, хотя это было абсолютно невозможно. Как можно представить плавание в полярную ночь в штормовом Северном Ледовитом океане?[1]

Братия еще не знала, что это были подданные Шведской короны. Разбойный отряд финнов под предводительством некоего Пекки Везайнена пришел с моря к Печенгскому заливу с решительными намерениями уничтожить любимое детище преподобного Трифона — его обитель на Печенге. То самое проклятие финских колдунов, произнесенное еще во времена разбойной юности атамана Митрофана, ныне пробуждалось в силе, разворачиваясь в дьявольском плане одного из потомков рода Везайненов.

Везайнен еще накануне захватил монастырские суда на Борисоглебской верфи, что на реке Паз, и, не задерживаясь, в полной темноте полярной ночи дошел по морю до Печенгского залива. Ранним утром 2 декабря отряд кораблей финнов вошел в Печенгский залив монахов — Монкенфьорд. Залив этот незамерзающий, и суда разбойников беспрепятственно углубились в него до самой монастырской гавани. С этого места начиналась непосредственно территория монастыря — торговый порт, причалы и поселок у Трифонова ручья, а также отходная Успенская пустынь, там, где *«храм Успения Пречистыя Богородицы, что у Преподобного над мощами».*

В этом поселке-порту с наступлением зимы и полярной ночи, кроме служащих в Успенской церкви преподобных Ионы и Германа, монастырского люда не было вовсе.

Здесь враги *«в первых сожгоша храм Успения Пречистыя Богородицы»* и *«иероинока праведного Иону и служебника* [Германа] *умучили».* Верный сопостник преподобного Трифона старец Иона, оставшийся при своем учителе и после его смерти, и послушник старец Герман *«в первых»* приняли мученическую кончину «*от острия меча*».

[1] «Возможное время для плавания возле этих берегов — с начала мая до исхода октября». Рейнеке М. Ф. Географическое описание северного берега России. СПб., 1850. С. 52.



По преданию, священномученик Иона и преподобномученик Герман Печенгские, Кольские были умучены во время завершения Божественной литургии. Монах Герман звонил на колокольне, увидев врагов, бросился вниз предупредить служащего Иону, но не успел и был убит у выхода из колокольни[2]. Девяностолетний старец Иона был убит, сжимая в руках Святую Чашу. Как истинный воин Христов, он защитил прежде всего Святые Дары, и «кровь мученика смешалась с кровью Божественного Агнца». Евхаристические сосуды, на которых служил Иона, были все те же, что и во время их совместных с Трифоном «нестяжательных» подвигов у реки Маны, и по бедности своей для грабителей ценности не представляли.

Всю картину этой трагедии и увидела прибежавшая на зарево пожара монастырская братия. Однако никого из нападавших нигде не было видно. Разбойники *«не дошедши обители, сокрышася в тайне месте».* Это было непонятно и страшно.

Пекка Везайнен, несомненно, был талантлив и все хорошо продумал. Все его существо служило реализации главной жизненной установки в отношении к русским, вмещающейся в одно слово — vanhanvihan (застарелая ненависть).

Сейчас, нанеся этот жестокий удар по главной монастырской святыне, в самое сердце обители, он уже чувствовал себя победителем. Он испытывал некое наслаждение, чувствуя, какую боль удалось причинить его врагам. Удача явно сопутствовала ему — кто мог предвидеть такое нападение с моря зимой, когда навигация в этих широтах абсолютно исключена. Да и летом напасть было бы совершенно невозможно. Летом здесь кипит жизнь, сотни здоровых мужиков, торговые суда на рейде крепко вооружены, да и ладьи с десантом врага были бы обнаружены еще на подходе к Монкенфьорду.

Со стороны материка зимой напасть тоже невозможно: стены монастыря встают на пути всякого, кто попытается приблизиться к этой монастырской святыне — могиле преподобного Трифона. Кроме того, первый же лопарь, заметивший появление в Русской Лапландии отряда *«финской страны немцев»,* немедленно оповестит и все погосты, и монастырь. Всем хорошо известно, как невероятно быстро передвигаются на лыжах лопари, что даже легко догоняют волков. Потому оставался один вариант — подойти зимой с моря. Но как можно плавать в полярную ночь в штормовом декабрьском море? Везайнен решился на этот невероятно рискованный шаг, и это ему удалось.

Действительно, вся монашеская братия была в подавленном настроении. Останки невинных страдальцев перенесли для молитв и прощания за монастырскую ограду, в Зосимо-Савватьевскую церковь. Место скорбного пепелища и могилу святого Трифона привели в порядок.

В Успенской пустыни оставили дозорных, но враг так больше и не появился. «Видимо, действительно это были какие-то морские пираты,

[2] Инок Герман, по-видимому, поднялся на колокольню при евхаристическом каноне на «Достойно и праведно...», когда полагается благовестить 50 ударами в колокол.

зазимовавшие где-нибудь неподалеку в норвежских шхерах», — так рассудила монастырская братия, размышляя о случившейся трагедии[3].

На самом деле разбойный отряд Везайнена ушел совсем недалеко, затаившись в губе Волоковой, в нескольких милях от входа в Печенгский залив. Все шло по плану. Коварный враг целую неделю выжидал, пока тревога в монастыре утихнет.

Венцы небесные

Прошла неделя. Неведомый враг исчез так же таинственно, как и появился, и жизнь обители вроде бы вошла в привычный ритм.

Вечером 9/22 декабря братия собралась в монастырскую трапезную вечерять. Пришел игумен Гурий, иеромонах Пахомий, иеродиакон Иосиф. Помолились. Игумен благословил трапезу и подошел к аналою указать чтецу очередное поучительное чтение. «Взяв святую книгу, Настоятель только раскрыл ее там, где у него была закладка, как побледнел, зашатался и упал на землю...»[4] Подбежавшая братия увидела, что вместо закладки в книге лежит поминальный список с именами всех насельников как «об убиенной братии монастыря», где первым стоит имя игумена Гурия. И письмена на этой записке кровавого цвета. «Поднялся плач и смятение, но настоятель твердо приказал всем идти в церковь и там вместе с братией пал перед иконами». Прощальное откровение печенгского старца вновь всплыло в памяти каждого насельника обители.

Зазвучали покаянные псалмы повечерия. Все чувствовали, что приближается нечто неотвратимое и страшное. Через несколько дней должно было исполниться ровно шесть лет, как услышали игумен и братия то грозное пророчество из уст покидающего мир их заступника и окормителя, преподобного Трифона: *«Грядет беда на обитель и от острия меча умучатся многие... Но не ослабевайте, братия моя, упованием на Бога...»*

Тогда, шесть лет назад, эти слова изменили жизнь в обители. Не было никого, от старца-игумена до последнего безусого послушника, кто не размышлял бы над ними, не сокрушал сердца в воздыханиях перед Господом: «Господи, помилуй... Трифон сказал: *“Силен Бог и вновь восстановит обитель сию...”* Значит, Господь когда-то возродит монастырь сей. А пока что грядет беда, разорено все будет... И когда? Может, уже сегодня?..»

«Начало мудрости — страх Господень», — учит Божественный Псалмопевец. Именно так в душе каждого насельника обители Трифона формировался мудрый взгляд на жизнь, все тверже становилось спасительное

[3] «По побережьям Норвегии до Нордкапа Дания держала флотилии каперов, грабивших «ангилейских и барабантских гостей», шедших с товарами к московскому царю в Колу и на Двину». Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 15.

[4] Львов Е. По Студеному морю — поездка на Север. М., 1895. С. 177.

чувство привременности земного бытия, память о скоротечности этого времени и решимость принять волю Божию, какой бы она ни была. И как венец этих размышлений — внутренняя готовность пострадать за Христа.

И вот теперь эта страшная поминальная записка... Братия молилась, когда в храм вбежал один из монастырских служек: «Враг в монастыре! Уж всех перебили... Сюда идут!»

Все вскочили, зашумели, а потом взгляды устремились на игумена. Тот стоял, опершись на посох и склонив голову, молчал. И один из самых известных монастырских богатырей, бывший воин, инок Амвросий, обратился к игумену: «Благослови, отче, воополчиться на брань, дать бой супостату!» Но старец сказал твердо: «Нет, братия моя, не быть брани в храме, не прольем крови в святом месте. Пришел час, и свершается воля Божия, о ней предрекал нам преподобный отец наш Трифон, и нельзя тому противиться. Молитесь, братия, готовьтесь принять венец мученический». И первым стал на колени пред Царскими вратами. За ним, верная обету послушания, опустилась на колени и вся братия.

Несомненно, Гурий Печенгский был одним из достойнейших учеников преподобного Трифона и твердой рукой управлял Печенгским монастырем вплоть до его разорения. И вот теперь игумен вывел свою братию на последнюю схватку с грозным врагом. Не с коварным и хитрым Везайненом и со всем его алчным разбойным войском, а с самим князем тьмы, с *«духами злобы поднебесной»*. Гурий чувствовал, как колотится сердце каждого монаха и что сейчас, в эту минуту, совершается самое главное в жизни христианина — то самое исповедание Христа, что идет до самой смерти и побеждает ее. И был он счастлив видеть, что не дрогнула его братия — от безусого послушника до седого старца, не заметалась, цепляясь в страхе за привременное сие бытие, а исполнила главный обет иночества — послушания духовного и смирения пред волей Божьей.

А враг уж ломился в церковные ворота, огненные факелы метались в окнах. *«Потом лютые звери во церковь ворвались со оружием и во храме всех предали смерти, и ради тягчайшего мучения иных пополам рассекли, другим ноги и руки отсекли, иных вдоль рассекли. Преподобного же игумена Гурия, да диакона* [иеродиакон Иосиф. — **Прим. М. М.**], *казны ради, различно мучали, оружием язвяще, и огнем жгуще. Но добрые Христовы страдальцы в таковом лютом мучении еретикам ничтоже отвечали и только к небесам взирали. И то видев окаянные, яко ничтоже им о казне не поведали, паче разъяривишеся, мечами преподобных в части рассекли, и храмы Божия осквернили и ограбили, и с посеченными преподобных телесами сожгли».*

Так завершилась история первоначальной обители преподобного Трифона и его верных духовных чад. Молитвами святого печенгского старца даровал им Господь высшую награду христианина — венцы небесные мучеников Христовых. В полной мере понимание этого великого чуда, совершенного в XVI веке печенгским старцем и его верными учениками, раскрылось

нам лишь не так давно, когда осенью 2003 года благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II «братия Печенгского монастыря, убиенная вместе с игуменом Гурием, [была] прославлена в лике преподобномучеников»[5].

В иных редакциях Жития факт смиренного и мученического исповедания веры учениками Трифона в декабре 1589 года оценивается совсем в ином духе, в сугубо «земном» аспекте, и вовсе не воспринимается как свершившееся исполнение Божественного пророчества святого отца-начальника Печенгской обители.

Автор сетует, *«горек плач сотворша»*, что сто шестнадцать *«монахов и бельцов» «острием меча умроша»*, но тут же утешает читателя, что те, кто в этот момент были *«во отшествии и службах, молитвами преподобного все спаслись»*. Думается, что все как раз наоборот, — *«молитвами преподобного спаслись»* те *«51 человек иероиноков, иеродиаконов, иноков, да 65 человек слуг и служебников работных»*, которые *«острием меча умроша»*. Те же, кто не сподобился венца мученического и, перебравшись из Печенги, обосновался *«близь града, за рекою Колою»* в Ново-Печенгском монастыре, судя по сохранившимся историческим свидетельствам, вряд ли могут служить нам благочестивым примером честного служения Господу и исполнения заветов преподобного Трифона.



[5] Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 15.10.2003 года на имя епископа Мурманского и Мончегорского Симона.

ГЛАВА X



«Воздух лопской прелести»

Морской путь святости

Однако вернемся вновь на сорок лет назад, в 1549 год, к тому узловому моменту в духовной истории нашего края — морскому путешествию наших святых северных подвижников.

Два великих северных старца со своими учениками шли морем вокруг всего Кольского Севера, огибая громадную территорию Великой Лапландии, ту, что лишь спустя четыреста пятьдесят лет станет называться Мурманской епархией Московского Патриархата. Варлаам и Трифон прошли морским побережьем границы будущей епархии, соединив морем крайние ее точки: Печенгский и Кандалакшский монастыри.

Как мы уже упоминали, что согласно с Житием вместе с Трифоном из монастыря ушли *«некоторые от братий»*. Кроме Варлаама, надо полагать, это был его неизменный спутник и сопостник иеромонах Иона, а также послушник Герман.

Напомним, что все эти святые Кольского Севера держат путь к своему учителю и духовному отцу — великому Феодориту Кольскому. Тем самым надо признать, что этот удивительный, завершающий «варлаамов» морской поход очевидным образом в своей первопричине имеет некую глубокую мистическую задачу и важное духовное значение для истории православия Кольского Севера.

И, безусловно, центральной фигурой здесь выступает Варлаам Керетский, исполнивший небывалое благословение преподобного Феодорита. Именно совершение им того, не имеющего аналогов, трехлетнего подвига дало Варлааму силы реально повлиять на ситуацию в Печенгском монастыре и, конечно, на дальнейшую судьбу преподобного Трифона.

«Канон Варлааму…» доносит нам подробности этого путешествия, которому теперь морская стихия всячески содействовала: *«Море убо на плещу* [на плече] *своею тебя носяще из Печенги, влеком* [увлекая] *корабли своими струями, от ядовитых червей тобой очищенными»*. Следует подчеркнуть, что наиболее значимым событием, произошедшим в ходе этого плавания и имеющим исключительное значение для дальнейшей истории древнего Кольского края, явилось продолжение той духовной брани, что столь нешуточно вел здесь Варлаам с силами князя тьмы. *«Видя по тоням телеса мертвых восстающих бесовским действом, сим уснуть до Христова второго пришествия повелеваеши»*. То есть в этот свой последний морской «путь», из тех бесчисленных «путей», что совершил за три года Варлаам,

он совершает еще один удивительный подвиг. Силою Господа Иисуса Христа он запрещает отныне восставать мертвецам, тем, что издревле наводили страх на рыбаков-поморов, промышляющих на этих многочисленных тонях вдоль побережья Кольского полуострова.

История проблемы

«Всю Поморскую страну лопская тьма омрачала, все поморския люди в темноте воздуха густого лопской прелести пребывали»[1].

Общеизвестна исключительная приверженность саамского народа к колдовству, навыки волхвования, *«лопской прелести»,* от рождения присущи любому коренному жителю Лапландии. При этом каждый, кто изучал лопарские предания и хоть немного знаком с духовной ситуацией на Крайнем Севере, знает, сколь остро стоял у коренного населения края вопрос с упокоением усопших. Несть числа бесчисленным рассказам о ночных визитах умерших односельчан. И тем страшнее была угроза, серьезнее — опасность, исходящая от такого «покойника» (а точнее — «неупокоенника»), чем большим колдовским искусством владел при жизни усопший.

Ситуация в Лапландии крайне усложнялась тем, что в отличие от иных малых языческих народностей, имеющих лишь родовое, потомственное жречество в лице деревенского шамана, лопари **все** являлись колдунами (нойдами). Можно сказать, что лопарь — это колдун по определению, и это хорошо знали не только на Руси, но и во всей Средневековой Европе[2]. Лопарь не состоялся как житель Лапландии, если он не стал нойдой. Нойдами были все лопари, поскольку непременно получали «духов-помощников» в наследство от предков своей семьи и в полной мере повседневно и буднично общались с духами нечистыми или бесами.

Подчас наиболее умелыми («знающими») нойдами были лопарские женщины. «На Севере везде боятся лапландских женщин, как ведьм, в распоряжении которых состоит сам злой дух, обязанный повиноваться их воле»[3]. «Колдуна в гроб кладут ничком: если этого не соблюсти, он будет вставать из могилы и пугать людей: «придет, станет таскать и своих, и чужих»[4]. В лопарских преданиях сохранилось немало рассказов, повествующих о нойдах-покойниках, восстающих из могил, нападающих на живых людей и могущих даже убить человека[5].

---

[1] «Слово историческое…» Л. 299.

[2] «Ни один народ не занимается столько волшебством и чародейством, как лопари». С. М. Середонин. Сочинения Дж. Флетчера. СПб., 1891. С. 140.

[3] Диксон В. Швейцарцы. Приложение в 6 главах / Свободная Россия. СПб., 1872. С. 355.

[4] Козьмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 13. С. 338.

[5] См. об этом: Харузин Н. Н. Русские лопари. М., 1890. С. 233–234.

У лопарей, а в еще большей степени — у их предков, народа, населявшего Крайний Север многие тысячелетия назад, была разработана целая система магических приемов противодействия ночным приходам покойников — этим жутким последствиям поголовной приверженности служению силам тьмы. Издревле наиболее действенной мерой по недопущению этих явлений, кроме создания лабиринтов («вавилонов»), было захоронение таких покойников «за водой»[6]. Водная преграда, в отличие от сухопутной пустыни, считалась непреодолимым препятствием на пути восставшего усопшего колдуна, равно как и иных духов нечистых. Ведь не случайно Господь указывал, что *«когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит* ***по безводным местам****, ища покоя» (Лк. 11, 25).*

Так, например, для пранаселения Кольского полуострова, остатком которого ныне признаются сколт-саамы (восточные, «русские» лопари), таким древним величайшим акрополем «за водой» служил Соловецкий архипелаг[7]. «Археологи не нашли на Соловецких островах ни одного поселения, несмотря на обилие культовых памятников. Из 45 лабиринтов, известных на Севере Европы, 29 находятся на Соловецких островах»[8].

Что касается этих каменных «ловушек» — лабиринтов, то они служили для «запутывания» неупокоенных душ служителей «князя тьмы»[9]. Общеизвестная близость воды, водной преграды, хотя бы с одной стороны таких «вавилонов», способствует лучшему выполнению задачи этих каменных «ловушек».

Конечно же, Соловецкий акрополь, созданный в III тысячелетии до Р. Х. и активно использовавшийся вплоть до I тысячелетия до Р. Х., предполагает существование на Крайнем Севере Европы достаточно развитой и дееспособной древней человеческой культуры.

В памяти лопарского народа многочисленные истории столкновений человека с явлениями «нечистой силы» со временем наложились на не менее частые случаи столкновений и разбойных вторжений на лопарскую территорию со стороны соседних народов, и особенно биармийцев или приполярной чуди. Таким образом, и в лопарских преданиях, а в дальнейшем и поморской духовной культуре все враждебное человеку, противостоящее добру и несущее опасность, получило название — «чуди».

---

[6] Об этих приемах захоронения колдуна-нойды «за водой» (за рекой, на островах) и непременного выкладывания каменного лабиринта над ним хорошо известно и нынешним лопарям Кольского полуострова, например, поселков Ревды и Ловозера.

[7] «На одном лишь Заяцком острове Соловецкого архипелага имеется 19 лабиринтов… всего зафиксировано около 800 мегалитических сооружений». Скворцов А. П. Сколько памятников на Соловках // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 290.

[8] Лукьянченко Т. В. Вопросы этногенеза этнической истории саамов // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 212.

[9] «Каменные лабиринты соловецких святилищ — символы потустороннего мира, в которых запутываются души умерших. Здесь же в жертву приносились животные и птицы». Мартынов А. Я. О некоторых проблемах соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 272.

У поморов еще в конце XIX века можно было услышать древнюю молитву-заклятие против сил зла, что произносилась лицом на север, крестя воздушное пространство: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, чудь некрещеная, **схоронись в камень**, размечись по низовью, не от меня, грешного, а от Креста Христова: не я крещу — Господь крестит; не я гоню — Господь гонит. Молитвенники Соловецкие Зосима и Савватий — наши заступники, и Трифон Печенгский — предстатель и заступник, и Варлаам Керетский — наша надежда: во веки веков. Аминь»[10].

О высоком богословии

Можно предвидеть скептическую реакцию отдельных читателей, которые в наш век торжества человеческого разума и триумфа научно-технического прогресса посчитают все эти рассказы о восстающих покойниках и заклятиях наивными порождениями темных Соловецких монахов XVII века. Вовсе не желая таким скептикам самим как-нибудь вплотную столкнуться с подобными враждебными явлениями из мира потустороннего, дабы не повредился их «просвещенный» ум, вновь обратимся к тексту Канона.

«Видя по тоням телеса мертвых восстающих бесовским действом, сим уснуть до Христова второго пришествия повелеваеши». То есть преподобный Варлаам и его спутники по ходу своего плавания останавливались по рыбацким тоням[11], где Именем Господним совершали специальное «Последование молитвенное над местом очародеянным и оплазняемым [подвергающимся воздействию злых духов. — **Прим. М. М.**] от злых мечтов [от чарований, наваждений. — **Прим. М. М.**]»[12].

«Да взыграют весело со мною и острова и берега, иже попечением чудного плавателя, лодьей святого Варлаама освятилися, и теперь уже не страшилищами лопскими шумяще, но крестными вооружены знаменьями, и молитвенными осенениями даруя мир и спасение всем там обитающим, и мимо грядущим благовествующее»[13].

Наши святые подвижники этим соборным служением, установкой поклонных крестов и силою Господа нашего Иисуса Христа укрощали, наконец, тяжкую власть «князя тьмы», испокон веку безраздельно правящего на этих северных берегах. Повелевали *«отбегнуть и отступить от мест сих, всем лукавым дьявольским чародеяниям и волшебным действам»*, и пусть *«запретит вам, силам бесовским, перст Божий»* творить сии

[10] Немирович-Данченко В. И. Страна холода. СПб.; М., 1887. С. 203.

[11] Тоня — место рыбного промысла, участок, на котором стояла жилая изба с амбаром и иными необходимыми постройками для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

[12] Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999. С. 193.

[13] «Слово историческое…» Л. 308.

«ночные страхования», дабы не тревожить *«телеса мертвых»*, и *«уснуть всем сим до Христова второго пришествия»*. И далее автор Канона добавляет важное пояснение: *«да не бессмертно пребудет злое, яко же рече иже богословию тезоименитый Григорие»*.

«Богословию тезоименитый Григорие» — это великий «вселенский учитель и святитель» Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Один из «Трех Святителей» Православной Церкви и яркий представитель богословия Александрийской школы. Величайшей заслугой святых отцов этой школы явилось переложение библейско-церковной догмы на ясный язык современных им философских понятий. Это позволило отстоять строгую точность формулировок православного вероисповедания в борьбе с многочисленными еретическими уклонениями того времени.

Святитель Григорий Богослов, равно как и его друг, святитель Григорий Нисский, особое внимание уделял проблеме существования зла в эсхатологической перспективе[14]. Именно этой стороны их богословия и касается архимандрит Сергий Шелонин в приведенной строке Канона.

Уясняя смысл этого упоминания, можно подумать, что автор приводит нам ту часть богословского наследия отцов-каппадокийцев[15], которая как раз была взята под сомнение всей Церковной Полнотой. Речь идет о так называемом апокатастасисе (ἀποκατάσις), или всеобщем восстановлении и уничтожении зла после Страшного Суда. «Любовь Божия пошлет грешной твари спасительные страдания в очистительном огне. По истечении весьма долгого времени этими страданиями будут очищены все грешники и сам инициатор греха — дьявол»[16].

Но в действительности Сергий Шелонин апеллирует к иному аспекту богословия отцов-каппадокийцев, кратко выраженному святителем Григорием Богословом в его известном изречении «То спасается, что соединяется с Богом»[17].

Милосердный Господь предоставляет каждому возможность этой спасительной встречи, дабы познать Истинного Бога. Одним из величайших деяний Христа, претерпевшего Крестную Смерть, явилась проповедь Евангелия душам всех тех, кто почил еще до явления в мир Спасителя, вплоть до глубокой древности. Это известное событие Великой Субботы — Сошествие Господа во Ад, в Ветхозаветный «Шеол», где, по свидетельству апостола,

---

[14] Эсхатология — учение о последних вещах: о конце мира, о воскресении мертвых, о Страшном Суде.

[15] «Отцы-каппадокийцы» — Вселенские богословы свтт. Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский получили такое наименование по месту своего рождения и служения в Каппадокии (область на территории нынешней Турции).

[16] Попов И. В. Труды по патрологии. Святые отцы II–IV веков. Сергиев Посад. 2004. Т. 1. С. 216. «Апокатастасис, по существу, противоречит концепции свободы. Согласно православной точке зрения, поскольку существует свобода, постольку неизбежен и ад для тех, кто не хочет идти на небеса». Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Минск, 2001. С. 206.

[17] Цит. по: Флоровский Георгий, протоиерей. Воскресение жизни / Догмат и История. М., 1998. С. 240.

Христос *«находящимся в темнице духам, сошед, проповедовал, некогда непокорным» (1Пет. 3, 19; 20)*.

В упомянутом тропаре Канона речь как раз и идет о судьбе неупокоенных в той самой «темнице», в «мире загробном», мятежных душ гигантов и исполинов допотопного мира и последующих магов и чародеев, обитавших на этих берегах с незапамятных времен. Эти неупокоенные духовные сущности до сих времен неприкаянно маются в этих неприветливых местах по воле некогда столь любезных им «друзей» — духов нечистых, или попросту — бесов[18].

И мы не можем сказать, что Господь несправедлив, оставляя такие души без упокоения, ибо в этой ситуации в полной мере реализуется свободная воля человека, который теперь, покинув свое бренное тело, в полной мере может «насладиться» всей «радостью» общения с этими жуткими «друзьями». Когда душа такого недавнего колдуна — «повелителя духов» оказывается в полной их власти, они быстро объясняют, кто теперь хозяин и в чем состоит весь непомерный ужас этой власти над ним сил тьмы.

Все дело в том, что, пребывая в течение земной жизни в своем материальном теле, человек находится в нем как бы в «скафандре» и не испытывает непосредственного воздействия этих мерзких существ, и потому столь легкомысленно смело входит с ними в «дружеские» отношения. С их услужливой помощью этот наивный гордец быстро приобретает новые духовные силы, он раздувается от собственной значимости, от тех возможностей, что дают ему эти коварные падшие твари. Он теперь надменно глядит на окружающих, ибо отныне он может, как это говорят в народе, «сделать» человеку. Или, другими словами, напустить болезнь, «приворожить», «заговорить», «извести», и так далее, и тому подобное, в зависимости от мастерства и силы того беса, с кем связался такой «чародей». В дальнейшем эта кошмарная зараза передается из поколения в поколение такого колдуна, неумолимо приводя к физической и духовной деградации потомков всего его рода.

Итак, как мы уже сказали, самое печальное ждет такого человека после того, как душа его весьма мучительно, но все же расстанется со своим грешным телом. Ранее, в предыдущей главе, мы уже разбирали всю остроту проблемы упокоения тел и душ умерших, что существовала у древнего коренного населения Кольского края, проблема, которая, увы, в значительной степени наследовалась и поморами.

Автор Канона, говоря о том, что Кольские Святые отцы решили эту проблему, имеет в виду силу их святых молитв, что позволила преодолеть власть бесовскую, удерживающую души древних обитателей края. Преподобный Варлаам со своими спутниками повелевает *«уснути им до Христова второго пришествия»*, то есть покинуть эти земные берега и уйти, наконец, в мир загробный, где и должны находиться души «всех от века

[18] См. об этом: Глава «Мнение отцов апостольского века» // До и После. Апология Книги Еноха. Североморск. СПб. Североморская епархия, 2018. 272 с.: ил.

почивших». И именно в этом смысле автор вспоминает богословие святителя Григория и говорит о прекращении действия сил зла: *«да не бессмертно пребудет злое, яко же рече иже богословию тезоименитый Григорие»*.

Грань времен

Итак, весной 1549 года «в Кандалошскую губу в устье реки Нивы»[19] вошел один из многочисленных поморских карбасов, что вели здесь свой извечный рыбацкий промысел. Однако в этот раз карбас этот был необыкновенный. К настоятелю монастыря, к великому старцу Феодориту Кольскому, прибыли долгожданные гости — все дорогие его духовные чада. На знаменитой «Варлаамьевой лодье», в Рождества-Богородичный Кандалакшский монастырь, кроме самого Варлаама Керетского, прибыли Трифон Печенгский, Иона Печенгский и Герман Печенгский.

Можно сказать, что состоялось уникальное событие — собрался Собор Кольских святых, явивший собой не только некий итог, но во многом даже и апогей того удивительного и яркого явления православной старческой святости как высшего расцвета христианской духовности на Русском Крайнем Севере. Ни раньше не сохранила история этих земель подобного сонма святых имен, ни позже не возгорели больше здесь столь яркие светильники веры.

Так чудно собравшиеся вместе великие подвижники этой некогда дикой Великой Лапландии к тому времени в полной мере являли собой и вполне состоявшихся, умудренных годами и убеленных сединами старцев, но и подвижников, находящихся еще в достаточной крепости духовной и силе телесной.

Каждому из них предстояло еще много потрудиться на ниве Христовой, ибо каждого из них Господь наградил удивительным долголетием.

Преподобный Феодорит Кольский проживет еще 22 года. Испытает скорбь неправедного гонения и тяготы незаслуженного осуждения на ссылку. Достигнет славы и почета как «премудрый» богослов, отстоявший высоту российского вероисповедания перед гордыми[20] греческими иерархами. Сподобится почестей и великих милостей царских за успешное выполнение знаменитой «Константинопольской миссии» 1557 года. И до конца дней своих, духовно окормляя Печенгский и Кандалакшский монастыри, достигнет блаженной кончины, отойдя ко Господу в возрасте 90 лет.

Преподобный Трифон Печенгский проживет еще 34 года. После этой встречи в Кандалакше он на восемь лет уйдет странствовать по монастырям

[19] Из Писцовой книги 1608 года. Цит. по: Харузин. С. 459.

[20] Слышно только, что греки говорят: «Не Руси учить нас вере». Митр. Макарий. Кн. 6. С. 562.

и пустыням. Он будет присматриваться, как решают отцы-настоятели заволжских монастырей эту непростую задачу «духовной переплавки» нового монашества силою святости духоносных старцев, как устраивают они монашескую жизнь в изменившихся условиях. Печенгский старец вернется в обитель в 1557 году, уже получив у царя Иоанна Васильевича столь «вожделенную» для братии царскую жалованную грамоту. Он примет на себя тяжкий крест духовного окормления монастыря «нового типа» и до конца своей жизни, несмотря на противодействие, будет делать все, чтобы не допустить погибели душ иноческих. Скончается Трифон в возрасте 94 лет, исполненный благодатной уверенности, что сделал все для того, чтобы братию свою монастырскую *«Христу чистыми представить»*[21].

Преподобномученики Иона и Герман Печенгские — до их мученической кончины в декабре 1589 года еще целых сорок лет жизни. Преподобномученик Иона Печенгский явит всем нам удивительный пример великой мудрости всецелого смирения и послушания. Пятьдесят лет этот инок-священник будет пребывать в вере и послушании у своего духовного отца — простого монаха Трифона. Великая тайна священнобезмолвствующих объединит их в Святом Духе, соединит их сердца в едином устремлении «туда, где нет смерти, ни тьмы, но вечный свет, где день един паче тысяч»[22]. Священноинок Иона Печенгский вместе с послушником Германом Печенгским и после кончины преподобного Трифона не оставят своего послушания и продолжат служение при могиле святого старца, где и примут мученическую кончину во время Литургии в Успенской церкви, в «отходной пустыни», что у Трифонова ручья.

Преподобный Варлаам Керетский после этой встречи окончательно завершит свои морские скитания и вернется в Керетские приделы, в пустынь в Чупской губе, где вначале поселится на острове, у могилы своей матушки, а затем уйдет еще дальше от Керети, до самой смерти подвизаясь в подвигах поста и молитвы. По преданию, он «построит часовню, будет жить в пещере со зверями». Он проживет дольше всех, и как говорили в Керети: «будто бы до ста лет»[23].

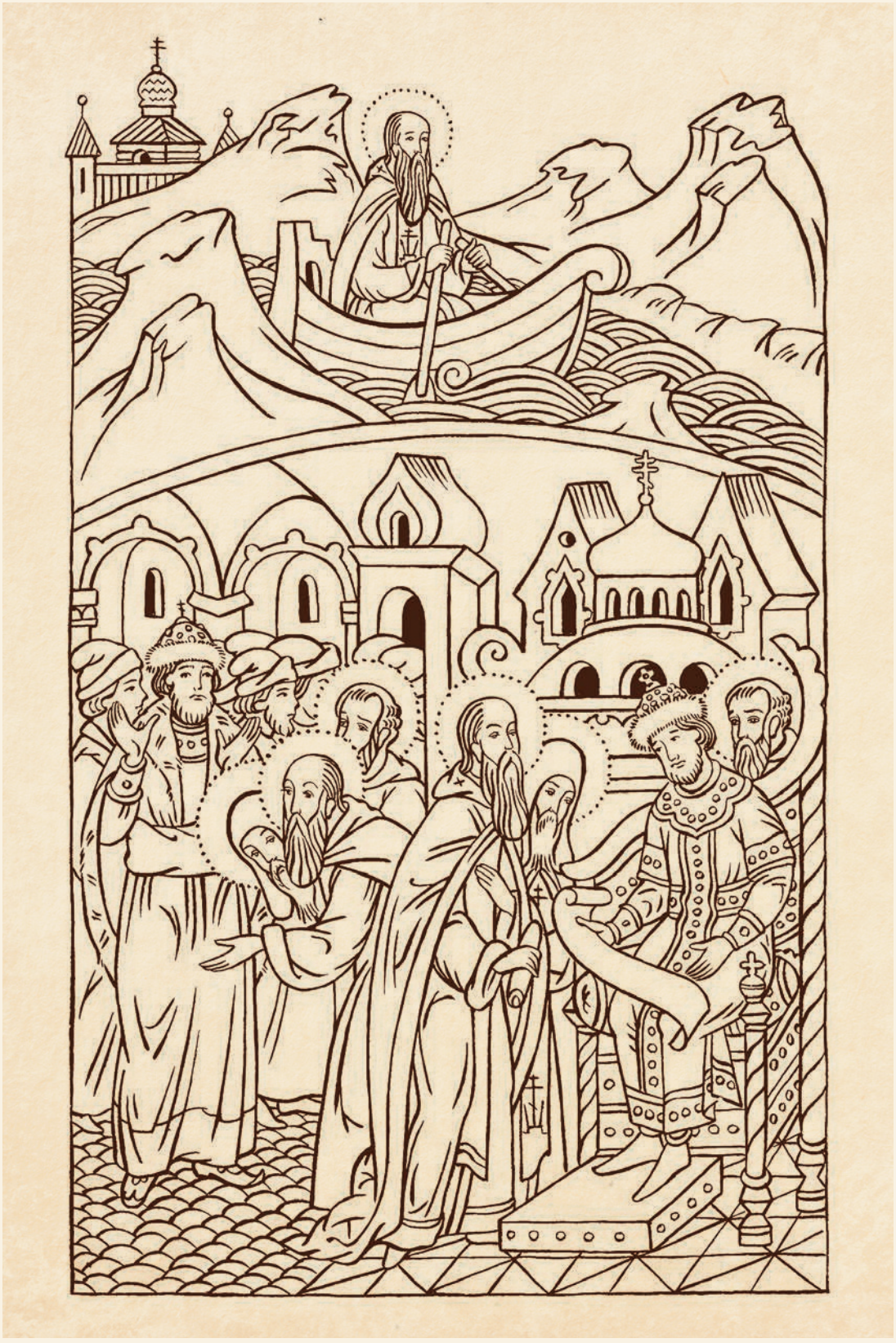
---

[21] Канон прп. Трифону. Л. 95 об.

[22] Из предсмертных слов Трифона. См.: Житие преподобного Трифона Печенгского просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 113.

[23] Жития святых, изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1908. Кн. 1. С. 291.

ГЛАВА XI



Век XVI. Вторая половина

«Во вселенную»

Коротко коснемся событий российской церковной истории, которыми открылась вторая половина XVI века, тех, которые оказали решающее влияние на судьбы наших героев. И если преподобный Варлаам, удалившийся в пустыню, сумел счастливо избегнуть сего «водоворота мира», то иным кольским отцам-пустынникам в полной мере пришлось стать их участниками.

В июле 1551 года давний друг Феодорита по пустыни в Белозерье старец Артемий, стойкий «нестяжатель» и подвижник высокой духовности, был призван царем Иоанном Грозным из Комельского Введенского монастыря, где с 1548 года он был на игуменстве, и царским повелением поставлен во игумены Троице-Сергиевой обители[1].

Мы уже касались того обстоятельства, что высшая государственная и церковная власть на Руси, видя духовное неблагополучие, охватившее монастыри, пыталась исправить положение, привлекая к руководству обителями старцев-«нестяжателей». Эта политика также совпадала с планами Иоанна Грозного еще при подготовке Стоглавого Собора, на котором он предполагал, опираясь на теорию «нестяжательства», произвести секуляризацию монастырских земель[2].

Такова была причина избрания игумена Артемия. Эти же планы побудили Грозного призвать и Феодорита в Москву из Кандалакши, поставив его начальствовать в крупном Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале с возведением в сан архимандрита[3]. Произошло это в начале 1551 года[4]. В это время «премудрый Артемий» имел наибольшее духовное влияние на Иоанна Грозного[5].

Надо понимать так, что упомянутые наши старцы изначально были вызваны в Москву в январе 1551 года царским повелением, возвещающим

---

[1] См. об этом: Карташов. С. 510–511; Костомаров Н. И. Русская история. Ростов, 1997. Т. 1. С. 440.

[2] См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Ч. 1. С. 71.

[3] «Спасо-Евфимиев, в Суздале. Архимандриты: Феодорит Пустынник 1551–1554 гг.» (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. С. 664).

[4] Гладкий А. И. К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (житие Феодорита) // ТОДРЛ. М., 1981. Т. 36. С. 240.

[5] «Старец Артемий писал Ивану Грозному, что “святии отцы уставляют жити, яже по Великому Василию”, и советовал монарху изучать “со прилежанием всяким просветительную книгу Василия Великого”» (Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 199).

о созыве Собора, что войдет в историю под именем Стоглавого. «Тут собрались все до одного святители Московской митрополии, с честными архимандритами, игуменами, духовными старцами, пустынниками и множеством прочего духовенства»[6]. Так что, надо полагать, что с Феодоритом на этом Соборе присутствовали Трифон, Иона и Герман Печенгские. Нельзя исключить и того, что на Соборе присутствовал Варлаам.

Описанные нами выше события, произошедшие в Коле и на Печенге, вовсе не были неким частным явлением. Они в полной мере отражали общее ухудшение ситуации в монастырском строительстве на Руси, вызванное отчасти трудным и противоречивым процессом становления больших общежительных монастырей по образцу обители Иосифа Волоцкого, с одновременным искоренением монастырей пустынножительных, живущих по келиотскому уставу Нила Сорского.

Духовное неблагополучие, поразившее к середине XVI века как церковную жизнь в целом, так и монастырскую в частности, поставило вопрос о принятии соответствующих мер противодействия этому небывалому упадку. «Чтение царских вопросов, предложенных Стоглавому Собору, может произвести в душе самое тягостное впечатление о тогдашнем состоянии нашей Церкви и народа»[7]. Решения «Стоглава» в полной мере отвечали тому вѝдению путей преодоления кризиса и уровню объединенной богословской мысли Церкви и государства, что уже сформировались в России. Были приняты строгие «организационные меры» и «предусмотрены суровые дисциплинарные воздействия на нарушителей» установленных церковных норм и порядка. То есть, другими словами, максимум внимания было уделено борьбе с последствиями, а не с причиной, внешнему, а не внутреннему. Потому и итог был весьма печален — произошла догматизация обряда. Подлинно богословской оценки глубинных причин, повлекших деградацию церковной жизни и монашеской духовности, сделано не было.

«Середину XVI века, по выражению известного публициста, культуролога и историка русской святости Г. П. Федотова, можно без преувеличения определить как “роковую грань” в жизни Древней Руси»[8]. Сегодня Россия в полной мере прошла через ужасы закономерного итога той трагедии отступления, перехода за «роковую грань», отделившую нас от идеалов Святой Руси. С немалым трудом народ восстает из духовного небытия, и видится совершенно необходимым дать честную и принципиальную оценку произошедшему в XVI веке, дабы и в XXI веке не оказаться вновь на том пагубном пути и не услышать от Господа: *«не хотите ли и вы отойти?» (Ин. 6, 67).*

---

[6] Митр. Макарий. Кн. 4. Ч. 1. С. 125–126.

[7] Там же. С. 130.

[8] Малков Ю. Г. Русь Святая. М., 2002. С. 228.

«Чернеческие ризы»



Как мы можем судить из предания о житии нашего главного героя, пустынника Варлаама, — он все эти проблемы для себя решил радикально, удалившись от мира, по слову Божьему: *«не любите мира, ни того, что в мире» (1Ин. 2, 15)*.

К этому времени поп Василий уже ответил с замирающим сердцем на вопрос из «Последования ангельского образа», заставляющий трепетать каждого, кто сподобляется монашеского пострига: «Потерпиши ли всякую скорбь и тесноту монашеского жития, Царствия ради Небесного?» Ответив священнику утвердительно: «Ей, Богу содействующему, честный отче», — услышал, наконец, Василий, заветное: «Брат наш Варлаам постригает власы главы своея во имя Отца и Сына и Святого Духа».

В Каноне никак не раскрываются подробности этого важнейшего момента из жизни Варлаама. Автор ограничивается лишь констатацией его примерного и образцового для всех иноков, равноангельского, иноческого жития: *«Да воспою Божественное твое житие, и возглаголю достойной добродетели твоей, еже на земле Христа ради совершил еси, столп бо явился и правило светло инокам, равно ангелам, стяжав житие»*.

Однако ход событий ясно указывает, что постриг Варлаама по благословению старца Феодорита, скорее всего, был совершен в Печенгском монастыре святым иеромонахом Ионой Печенгским. День пострига, если следовать канве выстроенных нами событий, состоялся по прибытии Варлаама на Печенгу, той памятной осенью 1548 года, непосредственно в день празднования памяти преподобного Варлаама Хутынского — 6/19 ноября. Восприемником при постриге, «который взял на себя обязательство научить новопостриженного монашеской жизни»[9], надо полагать, выступил преподобный Трифон Печенгский.

«Пострижение преподобного Варлаама в чернеческие ризы» — такое надписание имелось на седьмом житийном клейме иконы преподобного Варлаама, стоявшей при раке со святыми мощами, что в Свято-Георгиевской церкви села Керети. Свидетельство о той «иконе в житиях» оставил нам в своем донесении от 1816 года сельский священник Никита Ануфриев[10].

[9] Цыпин Владислав, протоиерей. Курс Церковного права. Клин, 2002. С. 245.

[10] Государственный архив Архангельской области. Ф. 29, оп. 2т2, д. 1004, л. 10а.



Пустынь упокоения

Как повествует Житие, Варлаам *«вскоре оставляет мир и бывает инок, и в пустыню вселился, и Божею помощью бесовские полки победив, с миром ко Господу отошел в Чупской губе».* То есть «новопостриженный» вскоре после пострига в полной мере и в совершенном виде воплотил столь любезную своим духовным наставникам и друзьям-монахам идею пустынножительства. Здесь мы видим то единство молитвенного духа, что являли собой наши старцы Северных Фиваид, однако следует отметить, что в полной мере этот идеал пустынножительства и священнобезмолвия удалось воплотить лишь преподобному Варлааму.

Говоря о сути этого духовного идеала, уместно будет вспомнить слова печенгского старца преподобного Трифона, изложенные в его предсмертном завещании, где он призывает всех своих духовных чад всячески уклоняться от суеты «вселенной», от греховных бурь мира сего: *«любимицы мои, не любите мира, и того, что в мире, сами бо ведаете, сколь окаянен мир сей, яко море неверен, мятежен, пропастен* [затруднен. — **Прим. М. М.**] *пакостьми нечестивых духов, ветрами волнуется губительными, лжами* [от слова «ложь». — **Прим. М. М.**] *горек, наветами дьявольскими сотрясается и пенится, грехами свирепствует и смущает, всюду плачи, пагубы свои простирает и, наконец, все смертию осуждает»*[11].

Местом пустынного подвига преподобного Варлаама согласно всем свидетельствам названа Чупская губа: *«По Чупе-губе поднялся в леса дремучие, построил часовню и жил там со зверями»*[12]. Как повествовали устные рассказы керетских жителей, «похоронив останки своей жены, преподобный Варлаам поселился на одном из островов Чупской губы, где еще и доселе крестьяне указывают одну ветхую избушку, в которой, по преданию, он жил»[13].

Непосредственно в самой Чупской губе подходящих островов вовсе не много. Единственным островом, реально пригодным для жизни, является остров Олений (по-местному — Оленчик), рядом с которым на берегу губы ныне находится поселок Чкаловский. Иные же острова в изобилии «запирают» подходы с моря к самой Чупской губе[14].

[11] Житие прп. Трифона. С. 113.

[12] Северная Россия / Живописная Россия. СПб.; М., 1881. Т. 1. Ч. 1. С. 154.

[13] Мелетиев Василий, священник. Керетский приход // Архангельские епархиальные ведомости. № 11. 1896. С. 184. Уже в 1875 году можно было встретить насчет места, где подвизался Варлаам, самые невероятные предположения: «Не та ли это “Иванкова пустынь”, находящаяся при Кондалашской морской губе, в которой отшельником жил преподобный священноинок». Иванов П. К истории христианства на Севере России. Прп. Варлаам Керетский // Архангельские Губернские ведомости. 1875. № 32.

[14] На сегодняшний день память о том, что это был за остров, к сожалению, утрачена. Все осложнено тем, что вокруг было множество мест скитских поселений староверов, и воспоминания о более поздних отшельниках наложились на память о Варлааме. По мнению знающих жителей этих мест, наиболее реальным островом для уединенного жительства в то время Варлаамом мог быть выбран остров с названием Кереть, как имеющий источники пресной воды и достаточно изобильную растительность.

Пока существовало село Кереть, среди жителей бытовал рассказ о том, что в начале своего монашеского пути Варлаам подвизался близь родной Керети, в пустынном месте у озера, ныне называемом Варлаамовым (по иным источникам — «у озера Кереть»). Но вскоре он вынужден был «уйти дальше в глубь карельских болот». Причиной удаления подвижника в более недоступные места указывалось то беспокойство, что причиняли Варлааму «часто приходившие сюда ягодницы с мирскими песнями»[15]. «Беспокойство заставило подвижника оставить Кереть и удалиться к Чупской губе»[16].

Возможно, что эти подробности имели место. Однако текст Канона свидетельствует об избрании Варлаамом пустынных мест именно в Чупской губе как для захоронения останков жены: *«носиши мертвого яко жива, в пустыню в Чупу с собою»,* так и для дальнейших своих подвигов. Возвращаясь из Печенги, Варлаам направляется именно в *«в пустыню в Чупу»*, где в дальнейшем он *«яко звезда всесветлая от пустыни воссияв чудес лучами»* исцелял *«обильно»* и *«прогонителем лукавых духов»* явился для всех *«верно призывающих его»*. Когда пришло время, то он *«с миром ко Господу отошел в Чупской губе»*[17].

Относительно же самого факта «частого прихода ягодниц с мирскими песнями», которые досаждали подвижнику, то это очень похоже на правду. По свидетельству нынешних жителей поселка Чкаловский, они и по сей день любят ходить сюда, на остров Олений, за ягодами.

И вообще, что касается досад, которые претерпевал Варлаам от своих односельчан, то они, несомненно, были, о чем свидетельствует и Канон: *«Кротостью, отче, наветы нося, терпя же и своих на тебя восстающих»*. Мы уже касались очевидной проблемы неспособности современников понять Варлаама, что неудивительно, *«ибо Сам Иисус свидетельствовал, что никакой пророк не имеет чести в своем отечестве» (Ин. 4:44)*. Так и в этом случае не было осознания глубинного смысла Божьего Промысла в тех событиях, что были попущены Господом Варлааму. Равным образом и очевидной уникальности, и величия совершенного им подвига.

Надо с сожалением признать, что это непонимание было унаследовано и всеми последующими поколениями редакторов и исследователей его Жития, что и было закреплено в той самой, дошедшей до нас «Повести о преподобном Варлааме Керецком. Вкратце изложенной».

---

[15] Максимов. С. 161.

[16] Сказание о преподобном Варлааме // Жития русских святых. Сентябрь — декабрь. Оптина Пустынь. 1993. С. 291.

[17] Вполне вероятен и тот факт, что Варлаам так и не расстался со своей «наболевшей ношей». И перебравшись к своему окончательному месту пустынножительства в Чупской губе, там же, у часовни, где подвизался, перезахоронил и мощи матушки.

«Погостишко в Чупской губе»

В упомянутом выше описании древней иконы — «выписке с образа преподобного Варлаама Керецкого чудотворца и с чудес его», сделанной в Керетской церкви Святого Георгия Победоносца в 1816 году, восьмое житийное клеймо на иконе называлось «Моление преподобного Варлаама у часовни в Чупской губе за Керетью в двадцати верстах от села Кереть». Девятое клеймо иллюстрировало «Преставление Преподобного у часовни той, в Чупской губе»[18]. То есть последнее место подвигов преподобного Варлаама, равно как и место его упокоения, находилось на весьма приличном расстоянии, «в двадцати верстах от села Кереть». Видится вполне справедливой догадка о том, что такое значительное удаление Варлаама от своих родных мест явилось следствием тех самых *«наветов»* и огорчений, претерпеваемых подвижником от *«своих на тебя восстающих»*.

Если же посмотреть по современной карте, то в двадцати верстах от Керети, в глубине Чупской губы, ныне находится поселок Чупа. Однако надо сразу уточнить: «теперешний поселок Чупа — новый, он не связан с древнейшей волосткой Чупой»[19]. Современный поселок с названием Чупа возник в 1916 году в связи со строительством Мурманской железной дороги. Во времена Варлаама на этом месте были «Керетцкой волости отхожие дворцы». То есть выселки керетчан, обосновавшихся несколько в стороне от основного, Керетского поселения. Впоследствии и, видимо, довольно скоро, как свидетельствуют источники, это место пришло в полное запустение: «Поселка в губе Чупе никакого нет»[20].

Та же, «древнейшая волостка Чупа», скорее всего находилась ближе к вершине Чупской губы, в районе устья ручья, в настоящее время носящего название Средний. Вероятно, это название не историческое и дано ручью недавно, так сказать, «на скорую руку». Составители жития преподобного Варлаама, изданного в 1908 году, обладая, видимо, какими-то нам неизвестными материалами, указывают на «впадающую в Чупскую губу реку Чаваньгу (или Чеваньгу), вытекающую из Чупского (или Чуповского) озера»[21]. Правда, при этом местом нахождения Чупской губы указывают противоположную сторону Кандалакшского залива — Терский берег Белого моря, что на Кольском полуострове, чем вносят в свое сообщение полную путаницу[22].

[18] Государственный архив Архангельской области. Ф. 29, оп. 2т2, д. 1004, л. 10а.

[19] Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. ТОДРЛ, М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 532.

[20] Лоция Белого моря 1913 года. Издание Главного Гидрографического Управления. П., 1915. С. 804.

[21] Жития святых, изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1908. Кн. 1. С. 291. Прим. 1.

[22] Несуразности этого неведомого нам источника информации повторяет академик Голубинский Е. Е. в «Истории канонизации святых в Русской Церкви». М., 1903. С. 453. Прим. 1. Но при этом усугубляя их тем, что указывает даже координаты этого «Чупского или Чуповского озера» — «между 54–55 градусами долготы», хотя вовсе не сложно проверить, что эта долгота проходит где-то в районе Новой Земли.

Если же не обращать внимания на эту нелепость, то можно предположить, что упомянутая «Чеваньга» и есть древнее название ручья, у которого расположилась «волостка Чупа в Чупской губе над ручьем».

Чудесным образом сохранилось документальное описание этого места пребывания Варлаама. Спустя 14 лет после возвращения Варлаама в Керетские пределы была составлена «Опись» этих мест в Писцовой книге 1563 года, где сообщается, что «в Чупской губе над ручьем, волостка Чупа, а в ней погост, на погосте часовня, а у нее дьячек»[23]. Мы не можем достоверно утверждать, кто был этот упомянутый при часовне «дьячек». Но вполне вероятно, что именно так писцовый дьяк упомянул живущего при часовне Варлаама Керетского, и мы, таким образом, имеем удивительное историческое свидетельство о его жизни в Чупской губе в это время. Во всяком случае, из предания известно, что именно Варлаам «при Чупской губе поставил часовню»[24].

«И в той губе невдалеке от берега избрав место, поставил себе келью малу, и вселился в нее, труждающися в пустынных озлоблениях, глад и жажду и наготу терпяще, зверьми лютыми и бесовскими страшилищами устрашаем, и терпяще многажды от лопи приходящей и грозящей блаженному, да бежит от места сего, с тем же прещением и стрелы их, коими хотяху убити его. Он же терпяще во бдении, и в молитвах, и славословиях день и ночь пребывая, в плаче и слезах, и содрогании сердечнем сотрясаясь во вся часы, во умилении и в страхе, и в памяти смертней»[25].

Что касается Причащения Святых Тайн, то Варлаам, надо полагать, приходил для этого к иеромонаху Антонию в Кереть, где, как свидетельствуют «описи»: «церковь великомученика Георгия, и другая церковь с трапезою Никола чудотворец. На погосте дворишко не тяглое, а в нем поп черной Антоней, да келья, а в ней живет пономарь Никита; на погосте же шесть келий не тяглых, а в них живут старицы убогие, питаются о мире»[26].

Конечно же, такой светильник веры, возгоревший в Керетских пределах, не мог остаться незамеченным, как *«не может укрыться город, стоящий на верху горы». (Мф. 5, 14)*. Богатейшие дары Святого Духа, что стяжал этот благодатный старец: *«дух премудрости и разума, дух пророчества и рассуждения, дух исцеления и действия сил»*, — стали очевидны для многих *«православных, близь живущих»*. И вот вскоре *«начаша приходити к нему, принося нечто, от него пользующеся, вопрошая о чем-то, недужные прибегающе, да молитвами его здравие получали, печальные притекающе*

[23] Сотная с книг описи двинян Якима Романова и Никиты Пятунина на волость Кереть 1563, июня 11. Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 443.

[24] Сказание о преподобном Варлааме // Жития русских святых. Сентябрь — декабрь. Оптина Пустынь. 1993. С. 291. Прим. 2.

[25] «Слово историческое…» Л. 303 об.

[26] Сотная с книг описи двинян Якима Романова и Никиты Пятунина на волость Кереть 1563, июня 11. Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 442.

да зрением святаго утешение принимали, все же приходящие, припадали, да помолится о них, и все его почитали великим угодником Божиим»[27].

Спустя 12 лет эти керетские места вновь были «описаны» в «Поморских писцовых книгах 1575 года». «В волости Керети, что на реке Кереть» к тому времени служил уже белый «поп Микула, да черной пономарь старец Парфирей»[28].

Что же касается «погостишка Чупы в Чупской губе над ручьем», то дворов и людей там явно поубавилось, а про «часовню на погосте и дьячка» при ней писцовый дьяк уже не упомянул. Конечно, это не есть свидетельство их отсутствия вообще, скорее говорит об общем запустении этих мест и, соответственно, о падении интереса к нему у сборщиков царских податей. Причина такого упадка в жизни края упоминается в том же документе: «а запустели те дворы от Босоргина правежу и от голоду»[29].

На пороге вечности

Предание добавляет некоторые обстоятельства последних лет земной жизни подвижника. *«Многая лета так пребывал здесь пустынный страдалец, и достиг старости глубокия, и уже день ото дня надеялся от уз телесных душею разрешитися и со Христом бытии».* Когда же почувствовал он, что близится окончание его жизненного пути, затворился старец в своей келии, и перестал выходить для разговора с теми, кто *«приходил по обычаю к нему»,* и *«при этом молил, да не беспокоят боле его».* Таким образом, последний период своей жизни он *«смертным страхом принуждаяся, соблюдал себя и хранил от всякаго помышления смущенного, и от всякаго тонкого прилога бесовского».*

Это сообщение о строгом затворе старца, об этом обете, что возложил он на себя в последний период своей жизни, проливает свет на еще одно важное обстоятельство. Господь сподобил Варлаама явить великую силу своей святости сразу после кончины. Поскольку достаточно долго, как можно понять, никто уже не приходил к келии Варлаама, дабы не тревожить его, то факт кончины старца оставался весьма продолжительное время никому не ведомым, и *«тело преподобнаго по исходе души пребывало лежащим в келии непогребенным».* Мы видим, что Варлаам по неизреченному Божьему смотрению в какой-то мере повторил те давние обстоятельства и разделил судьбу тела своей матушки, что так долго тоже пребывало незахороненным.

---

[27] «Слово историческое…» Л. 304.

[28] «Выпись» из писцовых книг Василья Агалина и подьячего Стефана Федорова на волость Кереть. Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 453.

[29] «Басаргин правеж» — опричный погром селений северо-западного Беломорья в 1568 году. Проведен отрядом Басарги Леонтьева, начальным поводом к погрому явился неправедный иск двинских богачей Бачуриных к жителям села Варзуги.

«Когда же со временем Керетьския веси жителями явлена была кончина подвижника и обретено было тело его, то явилось оно благообразно, и смрадныя вони по обычаю мертвых телес не имуще, и цело все и тления не причастно». Именно это явленное Господом чудо нетления тела Варлаама и побудило перенести святые останки подвижника в село Кереть, довольно далеко отстоящее от места его кончины в Чупе: *«сего ради в Керетьскую весь перенесено было тело, яко угодника Божия»*.

Так описывает Житие старообрядческой редакции обстоятельства кончины керетского подвижника. Так что предание однозначно свидетельствует о том, что «преставление Преподобного» случилось «у часовни той в Чупской губе»[30]. То есть Варлаам скончался на месте своего подвига, «в лесах, в Чупской губе». *«Многострадальное и трудолюбное тело преподобного Варлаама принесено было в село Кереть и погребено здесь при церкви святого Георгия, за алтарем с восточной стороны»*[31].

Время кончины

«Время кончины преподобного Варлаама точно не известно. С достаточной вероятностью можно сказать, что последовала она в самом конце XVI века. Предание прибавляет, что подвизался он будто бы около 100 лет»[32]. *«Жил он в пещере со зверями дикими без малого сто годов, учил слову Божьему лопь и чудь белоглазую. Опосля и помер…»*[33]

Надо сказать, что обстоятельным исследованием истории жизни керетского подвижника никто никогда не занимался. Поэтому, когда в конце XIX века поступило распоряжение из Архангельской консистории всем настоятелям приходов предоставить историческое описание приходов и их святынь, то керетскому священнику Василию Мелетиеву пришлось многое домысливать. Как, например, следующее: «Из жития преп. Варлаама Керетского видно, что Георгиевская церковь была и в 1664 году, так как в этом году к ней были перенесены из Чупской губы мощи преподобного»[34]. Поскольку здесь указан конкретный год и текст этого описания был опубликован в официальном церковном органе — Архангельских епархиальных ведомостях, мы должны дать официальное опровержение. Для этого процитиру-

[30] Государственный архив Архангельской области. Ф. 29, оп. 2т2, д. 1004, л. 10а.

[31] Жития святых, изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1908. Кн. 1. С. 291.

[32] Сказание о преподобном Варлааме // Жития русских святых. Сентябрь — декабрь. Оптина Пустынь. 1993. С. 291. Прим. 2.

[33] Северная Россия / Живописная Россия. СПб.; М., 1881. Т. 1. Ч. 1. С. 154.

[34] Мелетиев Василий, священник. Керетский приход // Архангельские епархиальные ведомости. № 11. 1896. С. 181. (В дальнейшем ссылки на эту статью будут обозначаться: Мелетиев. Керетский приход. — **Прим. ред.**)

ем текст жития святого XVII века: «[Варлаам] *с миром ко Господу отиде в Чупской губе. Оттоле же перенесено было святое тело его в Кереть, и погребено близ церкви святого великомученика Георгия с восточной стороны за алтарем*». Как мы видим, год переноса мощей вовсе не указан, и что «в 1664 году были перенесены из Чупской губы мощи преподобного», текстом Жития, к которому апеллирует автор, никак не подтверждается.

Так же не выдерживает исторической критики это утверждение и по иным позициям. В том же источнике читаем вовсе невероятное: «по смерти своей Варлаам дал завещание перенести свое тело в Кереть, что и было сделано в 1664 году одним христолюбцем»[35]. Однако становится непонятным, почему «один христолюбец» сделал это лишь спустя семьдесят лет после кончины преподобного, наступившей в конце XVI века.

К этому времени, в середине XVII века, уже сложилось большое почитание Варлаама на всем Поморье. В 1657 году соловецкий книжник Сергий Шелонин уже написал «Канон преподобному Варлааму Керетьцкому, новому чюдотворцу», который всегда является гимнографическим развитием текста Жития. То есть к этому времени Житие святого уже существовало.

Таким образом, если бы в 1664 году кто-то решился вскрыть почитаемую могилу в Чупской губе, то это являлось бы самовольным обретением мощей. И если учесть, что Керетская волость являлась Соловецкой вотчиной, то скандал и наказания были бы немалые. Однако, к счастью, ничего подобного не происходило, и поп Василий Мелетиев просто ошибся.

Когда же пришло время и в январе 1725 года произошло официальное освидетельствование мощей, то оказалось, что «обрели преподобного Варлаама не во гробе, но просто лежаща в поморской кережке, и оная де кережка вся изгнила»[36]. Это обстоятельство ясно свидетельствует о том, что *«погребение близ церкви»* было совершено не иначе как «в давние времена».

Что касается захоронения останков у алтаря Георгиевской церкви, то оно было совершено вскоре после установления факта наступившей кончины пустынника и последовавшего переноса тела из Чупской губы «неким христолюбцем». Причем захоронили святого прямо в той кережке, на которой привезли из Чупы на Керетский погост.

Житийные клейма на иконе преподобного Варлаама 1816 года это, собственно, и подтверждают. Ясно прописана именно такая последовательность упокоения тела подвижника.

«8-е клеймо: “Моление преподобного Варлаама у часовни в Чупской губе за Керетью в двадцати верстах от села Кереть”.

9-е клеймо: “Преставление Преподобного у часовни той в Чупской губе”.

10-е клеймо: “По преставлении Преподобного поим тело его некто боголюбивый человек и принес в Кереть **на погост**”.

11-е клеймо: “Погребение Преподобного в Керети **при церкви**”»[37].

[35] Мелетиев. Керетский приход. С. 184.

[36] Голубинский. История канонизации. С. 452.

[37] Государственный архив Архангельской области. Ф. 29, оп. 2т2, д. 1004, л. 10а.



Следует обратить внимание на эти нюансы: сначала «принесено в Кереть **на погост**» и лишь позже «погребено **при церкви**». То есть мы ясно видим, что вовсе не сразу мощи Преподобного были погребены у церкви, они какое-то время находились на погосте. Причем столь значительное время, что этот факт и его важность подчеркнуты написанием отдельного житийного клейма. Почему же не сразу тело было захоронено при церкви? Действительно, на то были очень серьезные причины, но мы коснемся их чуть ниже.

Пока же упомянем некоторые занимательные подробности этих перипетий, сохранившиеся в одном из деревенских преданий: «Когда Варлаам умер, то к его келье пришел бедный мужик из Керети. Увидав отшельника мертвым, он вернулся в село и стал просить богатого мужика, чтобы тот дал лошадь привезти тело святого в Кереть. Но богач не захотел гонять свою лошадь, и бедняк тогда сам притащил тело Варлаама из пустыньки в Кереть, уложив в кережку[38]. Тело преподобного он похоронил около церкви. Вскоре после этого с богатым мужиком стали случаться различные несчастья, и он совсем разорился. Бедный же мужик стал выправляться и вскоре разбогател»[39].

Достоверность этого предания косвенно подтверждается тем фактом, что в те древние времена действительно существовала прослойка так называемых «рыбаков-кережников». То есть «безлошадники, промышляющие навагу удебным способом [лов на специально изготовленную леску. — **Прим. М. М.**] или убегами [приспособление для лова на отмели. — **Прим. М. М.**] и имеющие кережу с собачьей упряжью»[40].

---

[38] Кережка или кережа — небольшие санки, выдолбленные из целого куска бревна. Лопари запрягают такую кережку для езды на олене. По малому снегу и по бездорожью в них можно волоком перевозить небольшие грузы. «И те их керецкие бобыли, не задерживая нималаго времени, нашу Великого Государя казну возят на себе кережами, бояся нашей Великого Государя опалы». АИ IV, 366, 1667 г. Словарь русского языка XI–XVII вв.

[39] Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 190.

[40] Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 69.

Житийная поучительность рассказа налицо. Что же касается самих описанных обстоятельств исполнения воли усопшего, то из них можно уяснить следующее. Во-первых, обнаружение нетленного тела подвижника в Чупской губе не вызвало в то время (конец XVI века) всеобщего интереса керетчан и «тело было принесено в Кереть неизвестным человеком»[41]. Во-вторых, в столь богатом селе к тому времени стало уже проблемой доставить тело усопшего на погост для захоронения.

Всему этому есть достаточно авторитетное историческое объяснение. Ко времени описываемых событий, в конце XVI века, Керетская волость, это некогда обширное и богатейшее поморское поселение, пришло в крайний упадок. В самих же Чупинских выселках, судя по всему, вообще никто уже не селился.

Такая печальная ситуация, наступившая на Поморье в 90-х годах XVI столетия, имеет вполне конкретную причину. «7098, Сентября в 7 день [1589 год], грех наших ради, приходили немецкие люди рекою Ковдою к морю на поморские места в волость Ковду, а из Ковды в волость Умбу, а из Умбы в **волость Кереть и в иные мелкие волости заморские.** И те волости повоевали, церкви и дворы пожгли и людей побили, и, воевав, пошли Кемью рекою вверх. А приходило тех немецких людей 700 человек»[42].

«Немецкие люди»

Кто же были эти самые «немецкие люди» и откуда приходили они на Российское Поморье в тех страшно памятных 1589–1591 годах. Речь здесь идет о финнах, селившихся на северном побережье Ботнического залива и считавшихся подданными шведского короля.

За девяносто лет до упомянутых выше событий, в конце XV века, воеводы Великого князя Московского «повоевали семь рек», впадавших в Ботнический залив, и истребили 7000 человек, что расселились к тому времени на их берегах. Вспомним, что и разбойная юность Митрофана, будущего преподобного Трифона Печенгского, проходила именно в этих местах, в так называемых Остерботнии и Норботнии.

Эти края, впрочем, так же как и русские поселения на Крайнем Севере, систематически подвергались нападениям и грабежам. Особенность положения финнов на этой территории состояла в том, что, являясь подданными шведской короны, они в то же время не имели какой-либо постоянной государственной военной защиты. Это объяснялось, с одной стороны, удаленностью данных районов от митрополии, с другой, и это главное, — юридической

[41] Максимов. С. 161.

[42] Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951. С. 230.



незаконностью возникновения здесь поселений шведских подданных. По так называемому Ореховскому мирному договору, заключенному еще в 1323 году между Швецией и Великим Новгородом, этот район северного побережья Ботнического залива был оставлен ничейным.

Положение русских поселений на Крайнем Севере было ничуть не лучше. Финны из Северной Ботнии регулярно появлялись на территории российских погостов и жестоко грабили их. Еще в 1537 году царь Иоанн IV писал шведскому королю Густаву I Вазе: «Наш начальник в Мурманской земле Василий Кокомин жаловался нам, что твои подданные в Северной Ботнии сына его забили до смерти… И стали учинять нашим подданным великое насилие с грабежами и убийством… Равным образом жаловался нам игумен монастыря Святого Николая, у Печенги, близ Варгава, что твои подданные похвалялись, что убьют его и разрушат тот монастырь наш»[43].

[43] Чумиков А. О перемирии, состоявшемся между Швецией и Россией в 1537 году. Шведский список с Царской грамоты 1537 года // ЧОИДР. СПб., 1895. Т. 4. С. 6.

Финские же источники по-своему комментируют ситуацию, сложившуюся в Северной Ботнии ко второй половине XVI столетия: «Бесконечные кровавые грабежи и бесчинства, творимые разбойным людом, приходящим с русской стороны, окончательно обескровили и привели в упадок финские поселения. Но постепенно стала вырабатываться некая система местной самообороны, и из среды поселенцев стали выдвигаться народные лидеры»[44].

Одним из таких «народных лидеров» стал некто Пекка Весайнен. Pekka Vesainen — историческая личность, весьма популярная в Финляндии. Он хорошо известен каждому финну как борец за независимость и национальный герой. Известно и его второе имя — Юхо (Juho), под которым он описан в посвященном ему романе известного финского историка Сантери Ивало[45]. Пекка родился около 1550 года и жил на хуторе Весала, недалеко от Оулу.

В 90-х годах XVI века Швеция уже не скрывала своих военных приготовлений к решительной перекройке границ с Россией и всячески поддерживала партизанские формирования в Остерботнии и Норботнии, которые совершали набеги на российское Беломорье. Отношение же к русским у финских поселенцев этих мест издавна характеризовалось особым понятием: “vanhanvihan” — застарелая злоба.

Весайнен возглавил это, по сути, разбойное войско с намерением жестоко мстить русским. Но он знал, что любые попытки серьезно досадить московитам неизбежно приведут их рати сюда, в Финляндию, и их ответ будет кровавым. Потому претворение в жизнь плана своей мести он начал со строительства неприступного укрепления — крепости Оулу. Именно здесь, по его замыслу, смогут переждать страшный ответный удар московитов его бойцы и жители окрестных селений[46].

К началу 1589 года крепость Оулу была возведена. Не дожидаясь формирования регулярного шведского войска и объявления войны, Весайнен с весны 1589 года начал свои «личные» боевые действия — кровавые рейды на Белое море. Безнаказанно разоряя и грабя мирные поморские села, Пекка собрал и доставил в крепость Оулу большие богатства. Тактика его действий заключалась в неожиданном появлении, нанесении безжалостного удара и быстром возвращении в Оулу. Это было обусловлено постоянным ожиданием ответных шагов со стороны московитов. Соплеменники Весайнена были очень довольны и славили храброго Пекку — победителя «русского медведя».

---

[44] Aslak Outakoski. Pekka Vesainen / Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952. S. 40, 41 (перевод О. Липиной).

[45] Santeri Ivalo. Juho Vesainen. WS. Helsinki, 1894.

[46] Весайнен, несомненно, был талантливый предводитель. Все его предположения и расчеты подтвердились. Действительно, когда в январе 1592 года князь Григорий Волконский привел с собой 3000 воинов с 12 пушками и «повоевали в Каянских немцах пять волостей и около острогу волостки Оулу. И под острогом стояли...» (Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951. С. 234). Как мы видим, острога же Олуи (крепости Оулу) — так и не взяли.

Шведский король Юхан III всячески поощрял эти «партизанские» разбойные вылазки и за столь успешные «боевые действия» даже пригласил Весайнена в королевский дворец в Стокгольм для личной беседы и получения монаршей награды[47].

В мае 1589 года «в ночи» был уничтожен Кандалакшский монастырь и вырезано 450 человек «монахов и бельцов». Можно представить, какой болью это известие отозвалось в сердцах братии Печенгской обители, в Кольском остроге. Надо ли напоминать, что Кандалакшский и Печенгский монастыри с момента основания их преподобными Феодоритом и Трифоном были неразрывно связаны между собой, являя некое единое духовное православное пространство на Крайнем Севере. Также во многом и хозяйственная деятельность обителей, их промыслы, торговля были тесно переплетены. Преподобный Феодорит, например, в 1570-е годы и до самой своей кончины, находясь в Кандалакшском монастыре, являлся одновременно и строителем Печенгского монастыря[48].

Всего через три месяца после разорения Рождества-Богородичного Кандалакшского монастыря финские разбойники отряда Весайнена, очевидно, воодушевленные поддержкой шведского короля, 7 сентября 1589 года вновь «перешли Лапландские горы и, опустошая все огнем и мечом, подошли к Белому морю»[49]. В этот раз враг спустился к Белому морю по реке Ковде и последовательно разорил волости Ковду, Умбу, Кереть, Кемь и иные мелкие поморские волости. «И те волости повоевали, церкви и дворы пожгли и людей побили, и, воевав, ушли Кемью рекою вверх»[50].

Так что вот кем были эти упомянутые «немецкие люди», что разорили Кереть и уничтожили «Чупские выселки», вблизи которых подвизался в то время и где окончил свой земной путь преподобный Варлаам Керетский.

Завершая этот короткий рассказ о «немецких людях», обратим внимание на то, что, как упоминают финские источники, возвращение Весайнена после этого похода в Керетские пределы было «безрадостным». Пока он был занят убийствами и грабежами в беззащитных поморских селах, с севера, по рекам Колокол (Iijoki) и Кеми (Kemijoki) спустились два отряда русских и жестоко воздали Весайнену за его злодеяния. Был уничтожен его хутор и сожжено более 100 домов, убиты многие его родственники, в том числе двое сыновей Весайнена[51]. Финское предание красочно описывает ярость Весайнена при этом возвращении и его клятвы о скорой личной мести врагам[52].

---

[47] Aslak Outakoski. Pekka Vesainen / Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952. P. 44. (Перевод О. Липиной.)

[48] См.: «Данная» 1569 года порьегубца Евсевия Букина Троицкому Печенгскому монастырю, «строителю Феодориту с братьею, на половину требов по реке Порье» (Белокуров С. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 65).

[49] Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1894. Кн. 3. С. 12.

[50] Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951. С. 230.

[51] Heikki Kirkinen. Karjala Taistelukenttana. P-II, Helsinki, 1976. P. 180.

[52] См.: Aslak Outakoski. Pekka Vesainen/Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952.



Карта-схема районов боевых действий финнов при разорении русских поселений в 1589 году

1 — Поход Весайнена в декабре 1589 года
2 — Поход Весайнена в мае—июне 1589 года
3 — Поход Весайнена в сентябре 1589 года

Надо признать, увы, что месть эта ему удалась. Выше мы описывали, как в декабре 1589 года отряд Весайнена уничтожил Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский монастырь. Однако на этом Господь положил предел злодеяниям Пекки, и «на обратном пути один из пленных русских убил Весайнена»[53].

[53] Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. / Смесь. ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 12. Финские источники указывают, что Пекку убил монах по кличке Ахма («росомаха» — фин.), и что произошло это у финского селения Tornio. Местечко Торнио находится значительно западнее Оулу. Это свидетельствует о страхе Весайнена перед возможным преследованием со стороны русских, который заставил его столь далеко на запад обходить границу.

Но мир так и не наступил. В январе 1590 года началась настоящая официальная война, и со стороны Швеции в русское Беломорье вторглось регулярное войско, действующее в соответствии с королевской инструкцией: «причинять неприятелю наибольший вред и урон, грабя и сжигая все, что можно»[54]. И вновь Керетские пределы были преданы жестокому разорению.

Так что в то время, когда скончался Варлаам, Георгиевская церковь стояла сожженной вместе с селом. Именно по этой причине далеко не сразу обнаружили кончину преподобного, и «поим тело его некто боголюбивый человек и принес в Кереть **на погост**». Видимо, деревенский погост-кладбище было единственным «процветающим» местом среди всеобщего пепелища и разорения.

Похоже, что достаточно долгое время тело Варлаама так и не было захоронено, чему должно было способствовать столь впечатляющее чудо нетления мощей подвижника: было оно *«благообразно, и смрадныя вони по обычаю мертвых телес не имуще, и цело все и тлению совсем не причастно»*[55].

Указанное на иконном клейме «погребение Преподобного в Керети **при церкви**»[56] состоялось лишь тогда, когда появилась сама церковь, вновь отстроенная соловецкими монахами и жителями села. Тогда и состоялось погребение Варлаама, *«и положено близ церкви святаго великомученика Георгия со псалмы и песньми и с каждением по обычаю»*[57], ибо так и подобает священнику быть упокоенным у алтаря церкви своего служения. Случилось это не ранее 1593 года, когда Георгиевская церковь, сожженная в 1589 году финскими разбойниками, была построена заново, «что видно из грамоты Новгородского митрополита Варлаама»[58].

---

[54] Из королевской инструкции предводителю похода. Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. / Смесь. ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 13.

[55] «Слово историческое…» Л. 305.

[56] Государственный архив Архангельской области. Ф. 29, оп. 2т2, д. 1004, л. 10а.

[57] «Слово историческое…» Л. 305.

[58] Мелетиев. Керетский приход. С. 181.

ГЛАВА XII



Чудеса

Кольский крест

«Лета 7143 [в 1635 году] июня в 16 день поставлен сий крест на поклонение православным христианам, при Царе и Великом Государе Михаиле Феодоровиче». Такова надпись, вырезанная на древнем поклонном кресте, что находится ныне в Благовещенской церкви города Колы. «Это самый древний деревянный памятник на Кольской земле»[1].

Крест этот, еще на памяти нынешнего поколения, стоял при Кольской дороге, и городское предание прочно увязывало историю его установки с именем преподобного Варлаама Керетского. До времен богоборческих крест стоял «при самом устье реки Колы, на восточном конце города, рядом с маленькой ветхой деревянной часовней [часовня Всемилостивого Спаса. — **Прим. М. М.**]. Часовня эта, по мнению местных старожилов, стоит здесь с незапамятных времен… Крест же раньше стоял выше по реке, и только будучи там сломан, переставлен на свое теперешнее место, хотя тоже в очень давние времена»[2].

Известная «Повесть о преподобнем Варлааме Керецком»[3] сообщает в этой связи следующее: *«Был некто от вельмож царских, после Литовской войны правя в Кольском остроге воеводскую власть при благоверном царе Михаиле Феодоровиче всея России. Имя же ему Гурий Иванович Волынцев. Впал он в болезнь духовную — черную немощь, и не знал уж откуда ждать ему помощи.*

И явился ему святой Варлаам во образе иноческом, глаголя: "Не скорби, человече, избавит тебя Бог от сей болезни". Воевода же начал вопрошать инока: "Кто еси ты, господин мой, и откуда?" Он же отвечал ему: "Аз есмь из Керети Варлаам". Вельможа очнулся от болезни, как ото сна, и стал всем рассказывать о бывшем ему видении, вопрошая: "Кто есть тот Варлаам?" Челядь воеводская ничего о Варлааме не знала, и тогда он отослал их расспросить о Варлааме жителей Колы.

И поведали воеводе во граде живущие: "Был в давние лета такой муж, священствовал в Кольском остроге. После жил в Керети иноком,

[1] Ушаков И. Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 1997. № 2. С. 61.

[2] Запись со слов Кольского священника протоиерея Александра Попова. Фаусек В. Материалы к вопросу об отрицательном движении берега в Белом море и Мурманском берегу // Записки Русского географического общества. СПб., Т. XXV. № 1. 1891. С. 48.

[3] Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 194. В основу цитаты положен текст XVII века с некоторой адаптацией к современному звучанию слов.

там и преставился". Тогда послал вельможа узнать, нет ли кого сейчас во граде Коле из Керети пришедших. И привели к воеводе жителя Керетской волости Василия Мухина, и вопрошали его о святом Варлааме, как и где положено честное тело его. Василий поведал подробно все, что знал о святом, и что тело его, где упокоилось, там и почивает, и про то, что в небрежении пребывает ныне место сие.

И стал воевода Гурий с тем Василием совещаться, как бы крест над могилой святого поставить и сень над ним сотворить. И что на это дело благое даст воевода Василию серебра.

И придя в Кереть, исполнил Василий повеление воеводы, и соделал над могилой святого гробницу. Воевода же Гурий по молитвам преподобного Варлаама избавился от духа нечистого».

В Житии Варлаама, изданном в 1908 году, касаясь возможного времени произошедшего чуда исцеления, указывается: «Здесь, вероятно, разумеется вторая Литовская война, окончившаяся в 1635 году»[4]. Так же и профессор И. Ф. Ушаков указывает: «Неизвестно, об этом ли кресте идет речь в рассказе, но Г. И. Волынцев действительно в середине 30-х годов XVII века воеводствовал в Коле»[5].

Таким образом, очевидное совпадение времени установки креста в «лета 7143 [в 1635 году]» со временем воеводства Волынцева объясняет устойчивое увязывание в народе этого «Кольского креста» с именем преподобного Варлаама Керетского. Крест этот мог быть установлен в Кольском остроге «на поклонение православным христианам» повелением исцеленного воеводы, то есть там, где Варлаам *«Божьим судом был поставлен пресвитером в церкви Николы Чудотворца».*

Однако связь Кольского креста с именем кольского воеводы становится не столь очевидной, если принять во внимание уточнение, сделанное позже тем же профессором И. Ф. Ушаковым относительно времени воеводства в Коле упомянутого Г. И. Волынцева: «В 1615 году в Коле тяжело заболел воевода Гурий Иванович Волынцев…»[6] Так же и в перечне кольских воевод профессор Ушаков Волынцеву отводит даты правления: «1614–1615 гг.»[7], что вполне справедливо и соответствует упоминаниям времени его правления в исторических документах[8].

Конечно же, хорошим временным ориентиром для установления времени описанных событий служит упомянутая в рассказе Литовская война. Также несомненно и то, что Первая Литовская война (1613–1615) более

[4] Сказание о преподобном Варлааме // Жития русских святых. Сентябрь — декабрь. Оптина Пустынь. 1993. С. 292. Прим. 2.

[5] Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Мурманск, Т. 3. 1998. С. 249.

[6] Там же. Т. 2. С. 301.

[7] Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время. Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. С. 43.

[8] «…за печатью Гурья Волынцева, что он Гурей в нынешнем во 123 году [1615]…» Жалованная несудимая грамота Кандалакшскому Богородицкому монастырю // Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. С. 691.

памятна на Русском Севере[9], чем Вторая (1632–1635), мало коснувшаяся этих мест. Однако все это лишь косвенные доказательства. Так или иначе, но Кольский крест в народе по-прежнему называют «Варлаамовым». И Гурий Иванович мог распорядиться об установке Кольского креста и после своего непосредственного воеводства в Коле.

Ныне эта святыня установлена «на поклонение православным христианам» в Благовещенской церкви города Колы.

«Часовня над гробом»

Как известно из исторических документов, причиной, побудившей Церковь к освидетельствованию мощей Керетского подвижника, послужило явление в часовне над могилой «преподобнейшего Варлаама, которого почитали за святого издавна»[10]. Часовня, воздвигнутая над могилой святого, появилась далеко не сразу[11]. Строительство ее явилось определенным итогом немалого времени и результатом тех многочисленных случаев чудесной помощи, что получали от Варлаама попавшие в беду поморские мореплаватели.

Давайте еще раз проследим последовательность тех событий. Варлаам преставился «у часовни в Чупской губе за Керетью в двадцати верстах от села Кереть». Тело почившего Варлаама было доставлено на кережке, «поскольку богач не захотел гонять свою лошадь». То есть время года было таким, когда можно было еще проехать в Чупу на лошади и в то же время уже протащить по снегу санки-кережки. На Севере этим условиям наиболее отвечает время поздней осени.

В древних текстах иконописных подлинников указан соответствующий день памяти — 7 ноября[12], который и является днем кончины преподобного Варлаама Керетского. И не исключено, что усопшему подвижнику и упомянутому в предании «некоему боголюбивому человеку» пришлось дожидаться снега. Как мы уже оговаривали ранее, когда тело усопшего было доставлено из Чупы на деревенский погост Керети, то оно оставалось достаточно продолжительное время *«на погосте»* и не захоранивалось до времени, что

---

[9] «Шайка, состоявшая наполовину из черкас [запорожских казаков. — **Прим. М. М.**], литовских людей и русских воров, в числе более 7000 человек разбойничала на Севере». Костомаров Н. И. Русская история. Ростов н/Д., 1997. Т. 2. С. 82.

[10] Голубинский. История канонизации. С. 451.

[11] В связи с этим надо полагать ошибочным истолкование житийного клейма иеромонахом Никодимом (Кононовым) на иконе в Керетской церкви, сделанное в 1901 году: «Погребение преподобного в часовне Керетской веси». (Древнейшие Архангельские святые и исторические сведения об их церковном почитании. СПб., 1901. С. 35.) Верное описание этой иконы было сделано в 1816 году, где упомянутая житийная сцена была озаглавлена «Погребение Преподобного в Керети при церкви».

[12] ИРЛИ, колл. Перетца, № 524, л. 82 об., и БАН, собр. Дружинина, № 975, л. 29.

вполне соответствовало традициям того времени[13]. Когда же появилась эта возможность и была заново отстроена Георгиевская церковь, останки святого старца захоронили у ее алтаря с установкой могильного креста.

И вот *«по некоем времени восхотел Бог явить труды Своего угодника преподобного Варлаама»*. Житие повествует о самом первом чуде, засвидетельствованном в начале XVI века: *«Некий купец, Евфимий каргополец, плывущий в море в лодье, и от зельного* [сильного. — **Прим. М. М.**] *обуревания стал уже потопающим, вместе со всеми иными безнадежно плачущими о погибели своей. Тогда предстал пред ними святой и от смерти неминучей избавил, и при том о себе поведал — кто им явился.*

Евфимий и все сущие с ним, увидев таковую преславную помощь от преподобного, поехали в Кереть. И, придя туда, поведали всем, как молитвами Варлаама Керетского, избавил их Бог от потопления морского. И повелел Евфимий от имения своего ***поставить сень*** *над могилой святого и свечу перед святителевым образом возжигать»*. Таким образом, вскоре, *«по некоем времени»*, *«над могилой святого»* Варлаама, кроме креста, была поставлена первая сень со *«святителевым образом»*. Речь, надо полагать, идет об образе святителя Николая Чудотворца. Таким образом, именно с тех времен на Поморье появилась традиция молиться «о счастливом плавании» не только «Николе Чуднику», но и «Варлаамию Керетскому»[14].

Однако мы помним, что в 1615 году *«житель Керетской волости Василий Мухин»* поведал исцеленному кольскому воеводе об иной картине на могиле святого, и *«что в небрежении пребывает ныне место сие»*. Причина этого возникшего *«небрежения»* ясна, поскольку воевода Волынцев *«правил в Кольском остроге воеводскую власть после Литовской войны»*. В 1614 году литовские «воры, стояв под Холмогорским острогом три дня, побежали вспять на Вагу, мимо Архангельска, и в Поморье, и тамо русских людей множество жгли, и мучили, и побивали, и животы их грабили»[15]. Тогда, видимо, вместе с сожженной церковью сгорел и крест с сенью над могилой преподобного.

Воевода, как мы помним, *«дал серебра»* и повелел *«крест над могилой поставить и сень сотворить»*. Так, вновь своим чудесным заступничеством Варлаам подвигнул поморов к сугубому почитанию места своего упокоения и воздвижению над ним новой сени.

Преподобный в дальнейшем не забыл благодарного Евфимия из Каргополя, и этому купцу вновь довелось испытать силу чудесного заступничества Варлаама за «попавших в беду на море». В этот раз Евфимий (фамилия его Болнищев) был с другим купцом из Каргополя Иаковом Посновым. Вышли они на ладье из Онежского устья в Белое море по направлению к Керети.

---

[13] «В зимнее время они (русские) не хоронят покойников, а ставят их в доме, выстроенном за городом, который называют божедом, до наступления весны». Флетчер Джильс. О государстве Российском / Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 137.

[14] См.: Максимов. С. 151.

[15] Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 19.

«И когда пробежали мы уже Соловецкий остров, и вышли на большое море, наехало на нас множество льда, так что не могли уж мы протиснуться сквозь него. И с этим льдом, идущим на нас и давящим нашу лодью, и погубить нас хотящим, много мы боролись и ничего не успели, и совсем в жизни своей отчаялись.

Преждереченный муж Евфимий, стоя в корме, обессиленный, опустился на палубу и от печали великой и усталости воздремал. И явился ему в лодьи старец, вопрошая: "Далече ли путь ваш лежит, братия?" Евфимий отвечал: "Шли в Поморие торговать, да вот ныне льдом нас совсем затерло, и уж все погибнуть готовы". Старец на это отвечал: "Не скорби, брат, поедете вы теперь в Кереть, и Бог вам даст путь туда чист". С этими словами старец пошел в нос корабля и начал льды раздвигать. Евфимий же при этом очнулся и не увидел никого, лишь дружину свою, что в лодье горевала. И только начал он им свой чудный сон рассказывать, как сквозь лед вроде как дорога образовалась. Очень они все возрадовались, да тут и погода прояснела, и ветер подул попутный. Вскоре оказались они на чистой воде совершенно невредимы.

Когда пришли они в Кереть, то всем живущим там стали рассказывать про чудное явление святого Варлаама и про то, как Бог по молитвам его избавил их от страшной погибели.

И в благодарность о том чудесном заступничестве муж тот Евфимий соделал над могилой преподобного часовню. И веру ко святому Варлааму имел великую».

Вот как и когда над местом упокоения преподобного Варлаама Керетского, за алтарем церкви святого Великомученика Георгия Победоносца, с восточной стороны, появилась часовня. Это та часовня, в которой спустя сто лет, в 1722 году, явился Керетский Преподобный, очень недовольный указом императора Петра I, повелевшего все часовни в России «деревянные, где построены, разобрать, а каменные употребить на другие потребы»[16].

Но, да об этом явлении несколько позже.

«Поведание от чудес»

По сути, все известные нам и надежно засвидетельствованные чудеса, совершенные преподобным Варлаамом, собрал житель Керети *«некий муж именем Петр Буторин»*. До него в тексте Жития числилось лишь одно, упомянутое выше, чудо *«спасения от потопления купца Евфимия каргопольца»*.

Надо заметить, что сам факт произошедшей записи всех собранных этим помором в течение жизни Варлаамовых чудес прописан в тексте Жития как

[16] Указ св. Синода № 509 от 28 марта 1722 года.

некое особое событие: *«Поведание от чудес преподобного Варлаама Керецкого чудотворца. В лета 7172* [в 1664 году]*, июня в 1 день поведал нам некий муж именем Петр Васильев, прореклом* [по фамилии. — **Прим. М. М.**] *Буторин…»* И далее следует описание чудес, начиная от первого явления святого Варлаама, случившегося, когда Петр был еще одиннадцатилетним мальчиком.

*«Как-то с отцом завершали мы уже рыбную ловлю в районе Сонострово*в[17]*. И во сне увидел я, будто плывем мы с отцом на карбасе домой, в Кереть, мимо Шарапова наволока*[18]*. Тут нежданно взъярилось море волнами, и судно наше наполнилось водой, а я пришел как в исступление* [сильное волнение, потрясение. — **Прим. М. М.**]*. Оглядевшись, увидал я в судне нашем старца, седа брадою, защищающего нас от той волны. И тут внезапно все стихло, и оказалось судно наше в отиши, за коргой*[19]*. Старец же повернулся ко мне и сказал: “Потонуть было вам сегодня, если бы не аз, Варлаам из Керети”, — и повелел мне поведать о том людям. Я же очнулся и стал рассказывать отцу о моем видении. Он же, посчитав меня еще несмышленым, не обратил на слова мои никакого внимания.*

Наутро увидели мы странную лодью, на всех парусах идущую в открытое море, несмотря на весьма крепкое волнение. Наш сосед, керетчанин, рыбачивший на ближайшей с нами тоне[20]*, тоже видал то судно и сказал нам: “Наша, де, керетская лодья пошла. Но я не решился к ней подойти — больно зыби* [большого волнения. — **Прим. М. М.**] *на море много”.*

И тут отец мой внезапно засобирался и сказал: “Мы идем в волость [Кереть]*, нам хлеб нужен”. И мы пошли, а ветер крепкий был. И когда шли мы у Шарапова наволока, внезапно поднялась над нами и накрыла нас огромная волна, и наполнился наш карбас водой. Мы же в растерянности были и в ужасе великом. И увидели тут мы следующую волну, еще страшнее и лютее первой, на нас ярящуюся и погубить хотящую. Тут мы уже совсем отчаялись о жизни своей. Но внезапно судно наше, никем не направляемое, оказалось в укрытии, за коргой у берега. И возрадовались мы небывало, отчерпали воду из карбаса и благополучно пришли в волость.*

Дней через пять явился мне вновь во сне тот старец и поносил меня, стращая, и хотел уже бить дубьем: “Почто ты обо всем бывшем с вами и о деянии моем не поведал всем человекам?” И вновь велел обо всем людям рассказать».

Этот случай, видно, оставил в душе мальчика неизгладимый след, и Петр Буторин потом в течение всей жизни примечал все иные *«поведания о чудесах преподобного Варлаама»*. Таким образом, все упомянутое нами выше,

---

[17] Остров Сонострров находится близ берега, недалеко от Керетского рейда и восточнее его. Место, удобное для укрытия при непогоде.

[18] Мыс Шарапов обозначает поворот для входа на Керетский рейд.

[19] Корга — скала или камень; риф; каменная подводная гряда. Максимов. С. 600.

[20] Тоня — место рыбного промысла, участок на берегу, приспособленный для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

все случаи заступничества керетского святого стали известны нам лишь благодаря стараниям Петра Васильевича и пронесенной им через всю жизнь вере к керетскому старцу.

Из последних, ставших ему известными, чудесных спасений на море Петр Буторин приводит случай с неким *«двинянином, именем Никифор, который со своими клевретами шел с мурманского рыбного промысла»*. Как можно понять из рассказа, рыбаки решили миновать Святой Нос морем, не теряя времени на хлопоты с «волоком». Мы же помним, что по молитвам Варлаама Керетского путь именно через «волоковые губы» Святоносского залива был сотворен безопасным для мореходов от «морского червия».

Так вот, *«когда были они против Святого Носу, стала одолевать их ветряная буря, и древо мачты сломалось. Парус унесло в море, а волны стали накрывать лодью. Вскоре все имущество их было смыто за борт, а волны все дальше и дальше относили их судно в морскую пучину открытого океана. И их, совсем уже отчаявшихся в жизни своей, отнесло очень далеко от берегов.*

И вот спустя многие дни их скитаний в волнах явился Никифору во сне святой старец и начал ему выговаривать: "Что это вы впали в отчаяние? Почему не заботитесь о своем спасении? Парус ваш здесь, в лодье, тут же и древо мачтовое с ногами [с вантами[21]]. *Чего это вы древо не ставите? Промышляйте о своем спасении, не отчаивайтесь — и Бог вас вынесет!"*

Никифор, очнувшись от того видения и еще в недоумении пребывая, начал шарить вокруг, говоря своим товарищам: "Где, братья, парус-то наш?" Те же, удивляясь его словам, отвечали: "Ты чего, Никифор, — нет больше паруса, унесло его той бурей". Но Никифор продолжал искать и там, и здесь по лодье и вдруг нашел парус, а с ним и весла, и стир [руль]. *Сильно изумилась дружина Никифора, и, приободрившись, начали они трудиться, прилаживая мачту, парус и такелаж. Потрудившись много, изнемогли, и сон их объял. И вот во сне том уже все они увидели того мужа святого, который говорил им: "Промышляйте о своем спасении и еще призывайте Бога на помощь — вынесет вас Господь Бог". Никифор же спросил чудного заступника: "Кто ты, господин наш, что так о нашем спасении печешься и так о нас заботишься?" И отвечал старец Никифору: "Аз есмь из Керети Варлаам".*

Проснувшись, стали рыбаки спрашивать друг у друга, кто такой Варлаам с Керети. Но никто не слыхал о таком. Тут начали они дружно готовить судно в путь. И лишь подняли парус, как подул ветер попутный, да так, что на третий день достигли они родного Двинского устья.

На следующий год после сего явления пришел Никифор в Кереть и стал вопрошать жителей, где живет муж такой, именем Варлаам

[21] «Ногами моряки-поморы называют ванты». Ванты — часть стоячего такелажа парусного судна, служащая для поддержки мачты и ее отдельных частей. См.: Подвысоцкий А. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

нарицаемый, полагая его еще живым. Керетчане же поведали Никифору, что то ему явление святого было, что он во успении своем теперь поморам является, и по молитвам его Бог от потопления многих спасает. И показали часовню и могилу святого Варлаама. И принес Никифор свечей много на могилу, и молился долго, благодаря Варлаама о чудесном заступничестве того пред Господом и о спасении своем».

«Поведал нам...»

«Поведал нам некий муж...» — именно так, как мы уже говорили, начинается описание чудес Варлаама Керетского, записанных в 1664 году со слов помора неким агиографом и книжником XVII века. Кто же он, этот неведомый автор, которому все это *«поведал»* керетчанин Петр Буторин?

Мы знаем, что активную роль в прославлении преподобного Варлаама сыграл Соловецкий монастырь в лице знаменитого книжника архимандрита Сергия (Шелонина). Еще в 1657 году на основании Жития святого им был написан «Канон преподобному Варлааму, новому чудотворцу Керетцкому». Потому, где ж, как не в Керети, должны были хорошо знать архимандрита Сергия, почитая память преподобного Варлаама и иных северных святых молебными песнопениями по текстам его Канонов. Тем более что сама Керетская волость с 1635 года полностью принадлежала Соловецкому монастырю[22].

Так что, надо полагать, все вышеупомянутые чудеса *«Петр Буторин поведал»* архимандриту Сергию, для чего Петр должен был посетить Соловецкий монастырь. Во всяком случае, эту запись чудес мог произвести кто-то из грамотеев «книгописной палаты» монастыря, «о существовании которой источники определенно говорят начиная с середины XVII века»[23].

Размышляя об этом предположении личного участия старца Сергия в записи чудес, следует заметить, что упомянутое *«Поведание от чудес...»* не отличается тем особым словесным изяществом, что неизменно присуще «писаниям» Соловецкого книжника Сергия Шелонина. В *«Поведании от чудес...»* мы скорее видим живую и подчас бесхитростную поморскую речь, насыщенную как названиями географических мест рыболовного промысла, так и «профессионально умелым употреблением мореходной терминологии»[24].

Думается, все дело в том, что, записав «начерно» летом 1664 года эти живые свидетельства о чудесах преподобного Варлаама, архимандрит Сергий

[22] «В 1535 году оставшиеся три четверти волости с крестьянами и со всеми угодьями были отданы царем монастырю». История Соловецкого монастыря. С. 127.

[23] Сапожникова О. С. Материалы к биографии книжника Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 180.

[24] Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 190.

предполагал в дальнейшем придать им соответствующий вид, отвечающий требованиям книжной изящности и житийной поэтичности. Но, увы, он просто не успел.

Согласно последним исследованиям, касающимся биографии Сергия Шелонина, время его кончины определено как конец 1664 года[25]. Думается, будет уместно упомянуть некоторые необычные обстоятельства, связанные с его кончиной.

В составе рукописных книг Соловецкого собрания РНБ можно увидеть книгу творений святителя Григория Паламы и Николая Кавасилы, на внутренней стороне обложки которой есть примечательная надпись. Писана, мол, та книга «тщанием преподобного Сергия, священноинока и архимандрита… А больше Сергию за скорбию, в ней же и смерть его постиже, писать не прилучилось»[26].

Комментируя эту запись, исследователи обычно говорят о болезни старца Сергия, в которой он и скончался. Однако эта приписка в книге свидетельствует об ином. Следует уточнить, что «болезнь» на старославянском обозначается словом «немочь». Слово же «скорбь» означает именно скорбь как некую особую душевную муку, давление, сильное угнетение[27].

Какая же столь сильная скорбь «постигла» священноинока Сергия, что в конечном итоге явилась причиной его кончины в 1664 году?

Скорбь священноинока Сергия

Днем 5 мая 1664 года инок Исайя, келейник соловецкого книжника, к тому времени уже престарелого архимандрита Сергия Шелонина, как обычно, находился на послушании в монастырской келии старца. Старцу нездоровилось, и он дремал на своей кушетке.

В это время внимание инока привлекли странные тени, промелькнувшие за окном келии. Подойдя к окну и вглядевшись в нечто летавшее над монастырем, Исайя в ужасе прошептал: «Господи, помилуй». И в этот момент некая мерзкая тварь в виде крылатого змея, заметив в окне Исайю, развернулась в воздухе и ринулась на него. Инок едва успел отпрянуть от окна, как *«змий, прилетев к окну его и пробив окончину у окна, едва его, Исаию, не достигнул»*[28]. Разбуженный внезапным грохотом, архимандрит Сергий приподнялся с постели и, к ужасу своему, обнаружил, что его келейник борется с какой-то гнусной тварью, вломившейся в окно келии. Возопив мо-

[25] «Мы можем с большим основанием считать дату смерти книжника Сергия — конец 1664 года». Сапожникова О. С. Материалы к биографии книжника Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 200.

[26] Рукописный фонд РНБ, Соловецкое собрание. № 87/87.

[27] Дьяченко. Словарь. С. 609.

[28] РНБ, Соловецкое собрание. № 895/1005, л. 234 об.

литву «Да воскреснет Бог…», старец схватил бутыль с крещенской водой и начал поливать борющихся. Почуяв святыню, крылатая нечисть разразилась душераздирающими криками. Общими усилиями и уже изнемогая, все же удалось задавить это исчадие ада, которое, страшно шипя и извиваясь, наконец испустило дух. Келья при этом наполнилась столь ужасающим смрадом, что жуткую бестию поспешили скорее вытолкнуть за окно.

Однако радоваться победе, как оказалось, было рано. Взглянув в окно, старец с келейником похолодели от ужаса. Окна келии выходили на монастырскую трапезную, так вот, совсем рядом, на кресте трапезной *«нагорбяся сидел змий велик и страшен зело, три главы имущий, а хобот* [хвост. — **Прим. М. М.**] *его висел аж до кровли»*. В это время в келью вбежали иеромонах Артемий и несколько иноков, которые, взглянув в окно, также в ужасе стали креститься. *«И на того змия зряху множество людей иноков и белцов, полон монастырь, и за монастырем множество людей смотряху»*[29].

Для инока Исайи все эти события имели самые тяжелые последствия. Прямо скажем, что это вовсе не удивительно, поскольку столь непосредственный контакт человека с миром бесовским неизбежно приводит к сильнейшим духовным расстройствам. *«И от того времени случилась ему болезнь: нападе на него страх велий, начал боятися людей, и от того страхования впал в конечную болезнь, был не в целом разуме, стужаем от бесов»*[30].

История эта была записана на Соловках под заголовком *«О чудесах в Анзерской пустыни, как Господь Бог наш Иисус Христос исцелил больного инока Исаию от бесовского озлобления…»*. Завершалась история чудесным исцелением инока спустя три года в результате явления ему святых соловецких угодников. Именно это продолжение истории тогда, в 1668 году, показалось наиболее интересным современникам, поскольку несло в себе некие поучительные моменты, важные для идеологической полемики в ходе уже начавшегося «Соловецкого сидения».

О том, какие последствия имел тот физический контакт с миром бесовским для монастырского старца архимандрита Сергия Шелонина, в истории не упоминается. Однако, как мы писали выше, известно, что после этой истории *«Сергию за скорбию, в ней же и смерть его постиже, писать более не прилучилось»*[31]. Таким образом, мы видим, что следствием тех страшных событий на Соловках стала невозможность для Сергия Шелонина далее совершать свое главное делание — «писать», и в этом же 1664 году он скончался.

Потому и *«Поведание от чудес преподобного Варлаама Керецкого»*, записанное на скорую руку со слов *«некоего мужа именем Петра Бутурина»*, так и осталось литературно необработанным.

---

[29] РНБ, Соловецкое собрание. № 895/1005, л. 235.

[30] Там же. Л. 235 об.

[31] Рукописный фонд РНБ, Соловецкое собрание. № 87/87.

ГЛАВА XIII



Долгий путь Прославления

Явление в Керетской часовне

Осенью 1722 года архиепископ Холмогорский и Важский Варнава (Волатковский) получил странное донесение из села Керети. Священник Василий Ефимов со своим причтом докладывал Владыке о том, что, исполняя его благословение и указ Святейшего Синода, повелевавший «все деревянные часовни, где построены, разобрать, а каменные употребить на иные потребы», они приступили к разборке часовни, что с давних лет стояла над могилой «черного попа Варлаама», уроженца этого села. Однако вскоре они вынуждены были прекратить работы по разборке часовни, так как в ней «явился преподобнейший Варлаам, которого здесь почитали за святого издавна, но еще не свидетельствованный»[1].

Идея упразднить в России часовни, появилась у Петра I еще в 1707 году, когда «по именному Его Императорского Величества указу было велено все в Санкт-Петербурхе построенные часовни разобрать и обретающиеся в них иконы и книги убрать в церкви». Это было связано с распространением ереси беспоповства, приверженцы которой часто использовали часовни для своих молений «мирским чином».

В 1722 году Святейший Синод пошел дальше, посчитав, что «понеже в царствующем граде так учинить определено, то и в прочих городах и селах часовни упразднить должно». В итоге был издан Указ от 28 марта 1722 года «О не дозволении вновь строить часовни и об упразднении уже существующих»[2], который в Архангельские пределы был доставлен лишь к июлю месяцу. Срок же «оному часовен разбранию полагался в каждом месте от получения сего указа на неделю».

Мы не знаем, что именно сказал явившийся в часовне «преподобнейший Варлаам», поскольку сам текст донесения отца Василия, подписанный всем причтом, до нас не дошел. Но, судя по тому, что работы по разборке были прекращены, надо полагать, святой ясно высказал свое мнение об этом, явно неблагочестивом деянии. И если мы припомним не очень деликатные

---

[1] Указ Св. Синода № 509 от 28 марта 1722 года. Цит. по: Голубинский. История канонизации. С. 451.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1722. Т. 2. С. 157. Обоснование такому неоднозначному решению Св. Синод сумел найти весьма примечательное — «правило поместного иже в Карфагене Собора 84-е». Однако это правило говорит лишь о необходимости «просить славнейших царей, да истребляются всяким образом остатки идолопоклонства». Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милаша). Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 2. С. 236.

манеры керетского старца, выказываемые им при своих явлениях, то можно предположить, что прещения он дал достаточно строгие.

Владыка запросил у Святейшего Синода указаний, как поступать в сложившейся ситуации.

15 января 1723 года указом Святейшего Синода из Соловецкого монастыря в село Кереть был направлен о. Иосиф, иеродиакон-инквизитор (были в Петровское время и такие должности. — **Прим. М. М.**), для сбора сведений о житии и чудесах преподобного. Записав рассказы священника села Кереть Василия Ефимова, иеродиакона Николая и старосты с мирскими людьми, иеродиакон Иосиф передал их провинциалу[3] иеродиакону Александру, который предоставил эти сведения в Святейший Синод. Казалось, что этим все и закончится, поскольку взяться за прославление святого, совершившего грех убийства, да еще взявшего на себя такой «странный» подвиг, вряд ли кто надумает. Тем более здесь, в поморском селе, приверженном расколу. Так что дело это постепенно стало забываться.

Однако нет: *«Бог ли не защитит избранных Своих» (Лк. 18, 7)*. Неожиданно, в самом конце 1724 года, спустя почти два года, преосвященному Холмогорскому Варнаве последовал Указ Святейшего Правительствующего Синода — произвести освидетельствование мощей преподобного Варлаама Керетского.

Таким образом, владыка Варнава оказался перед серьезной проблемой.

Истоки проблемы

Керетская волость еще со времен «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) пребывала в расколе, «известном под именем русского старообрядства», что вполне объяснимо, поскольку, как мы говорили, вся эта волость к 1635 году являлась Соловецкой монастырской вотчиной.

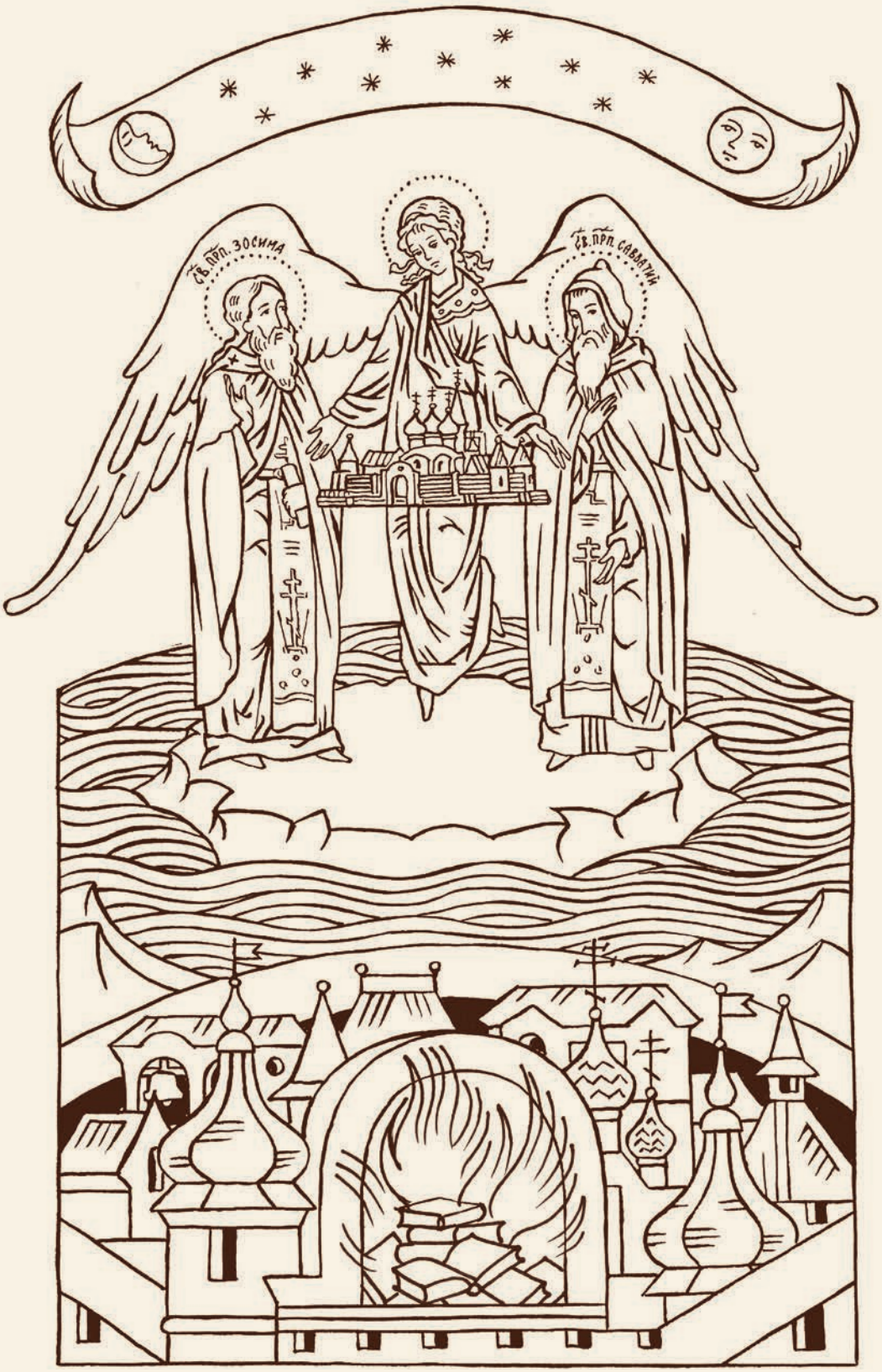
К моменту Соловецкого бунта в самой монастырской братии, равно как и на всем Беломорском поморье, установилось стойкое представление о некоем особом избранничестве и вселенском значении Соловецкой обители как последнего оплота православия. «Столп каменный посреди моря и Новый Иерусалим»[4] — именно так возвышенно воспринимали свое «стояние в вере» многие соловецкие иноки, заявляя, что «мы засели в монастыре сем, чтобы умереть»[5]. Во многих документах того периода можно найти эсхатологическое восприятие стояния в вере «новыми исповедниками» соловецкими:

---

[3] «Иеродьякон-провинциал Александр — главный начальник над монастырями Холмогорской епархии». Никодим (Кононов), иеромонах. Древнейшие Архангельские святые и исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1901. С. 32.

[4] См.: Чумичева О. В. Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 285–292.

[5] История Соловецкого монастыря. С. 101.


Св. прп. Зосима
Св. прп. Савватий

«Пощади, Государь, нашу обитель, аще не пощадишь, то время преставлению света сего быти»[6].

Надо сказать, что соловецкие монахи, непримиримо относясь к церковным нововведениям и печатным богослужебным книгам, до последнего всячески стремились подчеркивать свою законопослушность царской власти, лояльность «Великому Государю и помазаннику Божьему»: «Милосердый Государь, не вели больше напрасно присылать к нам учителей, так как мы не изменим прежней православной вере и не нарушим предания апостольского и чина святых отец Зосимы и Савватия; повели, Государь, прислать на нас свой царский меч и переселить нас от сего мятежного жития на безмятежное и вечное»[7].

Надо понимать, что и жители соловецких поморских вотчин в полной мере разделяли эти настроения. И, конечно же, в дальнейшем «основной причиной силы и длительности восстания была тесная связь повстанцев с местным населением». При этом «главным стимулом помогать осажденным был высочайший духовный авторитет этой обители в Поморье»[8].

Несмотря на то что уже с 1669 года шла осада монастыря стрельцами, лишь в декабре 1674 года в монастыре «положили не молиться за царя». В марте 1669 года мятежники уничтожили более 200 книг монастырской библиотеки, признанных ими не соответствующими «старой вере». Многие древние рукописные книги подверглись корректуре и припискам. Особо разбираться в аргументах стороны не желали. Заметим, например, что среди этих уничтожений уцелела нетронутой книга, принадлежавшая преподобному Зосиме Соловецкому, где молитва Иисусова указана с благословленным Церковью написанием: «Господи, І**исусе** Христе…» Также часослов святителя Филиппа Соловецкого, в котором прописано молиться **трегубой** (троекратной) «аллилуйей».

Но спокойно поразмыслить над этими примерами ревнителям старины уже было недосуг. К тому времени власть в монастыре окончательно перешла в руки «грубых и невежественных людей», и на стороне приверженцев восстания почти не осталось ни одного иеромонаха. Абсолютное большинство монахов-священников были либо противниками восстания, либо сторонниками умеренного течения, выступавшего за диалог и компромисс.

В конечном итоге из числа священнослужителей бунтовщиков продолжали поддерживать лишь иеромонах Леонтий да самый неукротимый лидер мятежа — архимандрит Никанор, утешавший единомышленников словами: «мы и без священников проживем; священники нам не нужны»[9]. «К весне 1669 года на Соловках утверждается беспоповская практика, наиболее ран-

---

[6] Панченко О. В. Соловецкие повести о «Видениях» 1668 года // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 467.

[7] Макарий (Булгаков), митрополит. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 203.

[8] Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 92, 94.

[9] История Соловецкого монастыря. С. 107.

няя из зафиксированных в старообрядчестве… Это привело к решительному изменению церковной традиции»[10]. Так были заложены основы страшной ереси «беспоповства».

Темной снежной ночью января 1676 года царский воевода Иван Мещеринов сумел взять неприступную крепость Соловецкого монастыря. Бунт на Соловках был подавлен.

Жители Соловецких вотчин, многочисленных поморских деревень, хотя и не бунтовали, и «затвориться» им было негде, однако сочувствовали монахам и в душе, практически все поголовно, остались на стороне «соловецких страдальцев».

Стояние в гордости

Ранее, еще в самом начале нашей книги, мы говорили о том удивительном феномене морского богоискательства мореплавателей Крайнего Севера, для которых почти что ежедневная смертельная опасность воспринималась как норма жизни, формирующая особый уклад веры.

Такая специфика жизни формировала и достаточно противоречивые людские характеры. С одной стороны, поморскому люду были неведомы многие вечные вопросы аскетики, которые остро стояли перед «сухопутными» христианами. Мы имеем в виду такие аспекты духовного совершенствования, как, например, преодоление холодности сердца и равнодушия, стяжания чистоты и искренности в молитве или же умения в полной мере полагаться на волю Божью. В то же время этот постоянный риск, возможность померяться силами с грозной стихией, поглядеть в глаза смерти позволяли на личном опыте узнать, что, как писал поэт:

«Есть упоение в бою
и бездны смертной на краю»…

Все это хорошо видно в поморских поговорках о море, о «зеленухе»[11], о «девятом вале»: «Кто на валу не бывал — тот и страха не видал, а кто валу брат — тот и черту сват»[12].

Этот волнующий путь личного преодоления суровых обстоятельств жизни, эта способность выстоять и победить неизбежно порождали чувство самодостаточности, стимулировали осознание собственного достоинства и, в конечном итоге, часто приводили к закоренелой, неистребимой гордости. Почва для этого была самая благоприятная, поскольку изначально в столь дальние пределы земель российских приходили люди далеко не слабые,

[10] Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 102.

[11] «Зеленуха — особенно большая, очень высокая морская волна, идущая по направлению к судну и грозящая залить рыбацкие, беспалубные суда». Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 60.

[12] Там же. С. 20.

свободолюбивые и волевые. В большинстве своем этот люд был, как говорится, «с прошлым», со своими историями конфликтов с властями. И в дальнейшем, в течение всех столетий, «никакой помор никогда под началом не ходил и шапки ни перед кем не ломал».

Ко всему этому надо добавить частое и долгое пребывание вне села, на тонях, промыслах, зимовках, вне приходской церковной жизни, и плюс к тому ставший привычным личный, «напрямую» разговор с Богом. Все это приводило к угасанию чувства церковной соборности, к атрофированию потребности в Церковных Таинствах и общении со священником, и в целом — к нарастанию пренебрежения священноначалием и недоверия силе Соборного разума Церкви. Недостаток чистоты евангельского духа веры компенсировался подчас различными суевериями, языческими действиями, приемами местной практической магии[13].

Таким образом, перед нами две ясно выраженные специфические духовные составляющие поморской жизни, которые во второй половине XVII века увели в раскол большинство жителей беломорского побережья Крайнего Севера. Искренняя, горячая, можно сказать — истовая вера в Бога, пребывающая в парадоксальном согласии с непомерной гордостью. Показательно, что это абсурдное сочетание, этот немыслимый для христианства духовный симбиоз, породивший на Севере Руси трагедию беспоповской веры, справедливо получил характерное название — «Поморское согласие».

Ситуация

Итак, вернемся к ситуации, в которой оказался архиепископ Холмогорский и Важский Варнава (Волатковский) в конце 1724 года, когда ему последовал Указ Святейшего Правительствующего Синода произвести освидетельствование мощей преподобного Варлаама Керетского. Владыке предстояло освидетельствовать мощи, находящиеся на территории села, абсолютное большинство населения которого пребывало в расколе с Православной Церковью.

Отношение к официальной церковной духовной власти в это время со стороны приверженцев «Выговского (Поморского) согласия» хорошо иллюстрирует бытовавшая в их скитах «икона» с названием «Собор архиереев», на которой имелась надпись: «Не стони, аде, скоро ты наполнишься архиереями, попами, дьяками…»[14]

[13] Так, например, известный магический прием вызывания ветра, при котором один из мореходов становится к мачте и, царапая ее ногтями, с присвистом начинает призывать духа нечистого: «Беля, беля, беля, белолапко!» И так до тех пор, пока не почувствуется струя ветра и парус «зарябит».

[14] Выговская Поморская пустынь и ее значение в истории России. Сборник научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 14.

Справедливости ради надо заметить, что и Российская Православная Церковь так же отвечала раскольникам явно нехристианской любовью: «Тех, которые прежнее Святое Крещение нарицали неправым, исповедав и причастив, казнить смертию без всякого милосердия… А кто покорения Святей Церкви не принесет, тех, по тридневному допросу не покорившихся, жечь в срубе и пепел развеять»[15].

Также знал Владыка и о том, сколь большая потребность у «беспоповцев» в обретении любых значимых святынь, а тем более мощей святого, имеющего несомненный, признанный авторитет среди всех христиан Русского Севера. Стремление обрести подлинные православные святыни часто толкало беспоповцев на прямые похищения, чему было придумано необходимое оправдание: «аще кто икону древнюю или ино что священное украдет из церкви, тот из полону и неволи вызволяет»[16].

Чувствуя, что так называемые «мощи их святых», например, «в мнимых мощах славимого ими Корнилия, а с ним Виталия»[17], не несут той духоносной силы, как святые останки прославленных подвижников древности, старообрядцы всячески стремились подкрепить свой авторитет, так или иначе, апеллируя к подлинным, благодатным мощам. Печальным результатом такого «перетягивания» мощей святых «на свою сторону» явились беспрецедентные факты деканонизации святых древности.

Это ныне широко известная история с прославлением и обретением мощей в 1650 году святой благоверной великой княгини Анны Кашинской и дальнейшим «пересмотром канонизации княгини Анны Кашинской, окончившимся аннулированием или изглаждением ее канонизации»[18], что произошло в 1677 году по инициативе патриарха Иоакима. В 1909 году состоялось ее второе прославление, и титло святости святой благоверной княгине Анне было возвращено.

Подобный прецедент, также спровоцированный расколом, имел место и в отношении преподобного Евфросина Псковского, переведенного в 1682 году «из разряда общецерковных святых в разряд святых местных»[19].

История с предстоящим обретением мощей преподобного Варлаама Керетского грозила стать очередным крайне неприятным для Церкви фактом вторжения политики в «жилище Святого Духа». Однако Указ Святейшего Синода надо было исполнять, и владыка Варнава направил свое «указное предписание» настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Варсонофию, «чтобы ехать ему, архимандриту, в Керецкое село или священника искуснейшего послать, и в оной Керецкой волости за святого почитаемаго освидетельствовать».

---

[15] Указные статьи о раскольниках от 7 апреля 1685 года // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 4. С. 420.

[16] О мнимых мощах, ложных святынях и похищенных // Братское слово. Журнал, посвященный изучению раскола. М., 1888. № 6. С. 488.

[17] Там же.

[18] Голубинский. История канонизации. С. 165.

[19] Там же. С. 169.

Обретение, «которого не было»

Архимандрит Варсонофий на обретение мощей сам не поехал. Как и каждый настоятель крупного монастыря того времени, он в 1720 году был избран лично императором из иеромонахов Александро-Невской лавры. Такой порядок был установлен с 1715 года, и, таким образом, все будущие архимандриты духовно созревали и нравственно формировались в стенах Лавры под личным контролем Петра I, в ходе придворных служб в церквах дворцов.

Отец Варсонофий понимал, что владыка Варнава этим «указным предписанием» всю меру ответственности за возможные последствия обретения мощей в селе, приверженном расколу, перекладывает на него. Равно как и возлагает на него весь грех предстоящей неправды. Этот грех предстоящей лжи состоял в том, что, с одной стороны, мощи преподобного надо обретать и свидетельствовать, а с другой стороны — прославления Варлаама в мощах и последующей канонизации допустить по политическим соображениям никак было невозможно. Да и вообще, сам этот «деревенский, рыбацкий» святой с его сомнительным подвигом настоятелю мало импонировал. Так что предстоящая задача, прямо скажем, была не из приятных.

Однако теперь предстояло еще найти такого «священника искуснейшего», которому можно было бы все это доверить. Для исполнения этого щепетильного дела настоятель выбрал соловецкого иеромонаха Иону.

В самой Керети тем временем готовились к обретению мощей преподобного Варлаама, которое было назначено на 15 января 1725 года. С вечера 14 января и всю ночь «в часовне над мощми псалтирное пение читали до утра два человека, и для хранения мощей приставлено же было два человека»[20].

С прибытием в село соловецкого иеромонаха Ионы, приехавшего с десяцким Кушерецкой волости священником Епимахом Кононовым (который, надо так понимать, являлся представителем владыки Варнавы)[21], «в церкви святителя Николая чудотворца святую Литургию служили». После Литургии и молебна прибывшие представители церковных властей вместе с «тоя церкви священником и мирскими людьми, пришедши в часовню, где преподобный погребен, гробницу его и помост разобрали и землю копали».

О результатах освидетельствования мощей иеромонах Иона в своем донесении докладывал, как и требовалось, «сдержанно»: «Обрели преподобного Варлаама в часовне, в земле, глубиною аршина в полтора, не во гробе, но просто лежаща, токмо одежды на нем монашеские обветшалые, а во оных

[20] ГААО. Ф. 29, оп. 2т.2, д. 1004 (08.01.1814–07.11.1816). «Дело о находящихся в Кемском уезде Святых мощах». Л. 11 об.

[21] Десятский Кушерецкой волости церкви Вознесения Господня священник Епимах Кононов (1672–1738) является прапрапрадедом сщмч. епископа Белгородского Никодима (Кононова). Кушерецкая волость, селение Кушрека находится весьма далеко от Керети, на берегу Онежской губы. Десятский — выборная административная должность в селе, низший полицейский чин.

кости ветхия, и основание, и подобие все человеческое, кроме благоухания, так как и прочих кости лежат».

Совсем иную картину увидели другие участники освидетельствования, священник Епимах Кононов, священник Василий и дьячок Игнатий, что и представили в своем донесении: «как выкопали глубиною человеку до персей, то обрели мощи преподобнаго Варлаама в целости, в Поморской кережке лежаща, в черном русском кафтане облачен. Кережка же вся та изгнила, а кафтан и ризы на Преподобном, яко же вчера облечены — никакому тлению не прикоснулись. И образ его сохранился в подобии, яко же на иконе его изображен, на главе его власы и брада — все цело. А благоухания в начале, в часовне никакого от мощей его не было, а как оные его мощи из земли вынули, да внесли в алтарь церкви великомученика Георгия, тогда от мощей его благоухание всем видимым стало, подобное тому, как от росного ладана дым. И сказывали мы иеромонаху Ионе: исходит де от мощей Преподобного благоухание, он же, иеромонах, нам отвечал: от печи дым исходит, а не благоухание».

В тот же день при молебном пении и «при собрании народа обоего полу перенесены были мощи преподобного Варлаама в церковь Святаго великомученика и страстотерпца Георгия, где и положены были честне против леваго крыласа, близ алтаря у северных дверей»[22].

«Быть мощам в земле»

Получив два вышеупомянутых донесения, архиепископ Варнава понял, что состоялось полноценное обретение мощей святого подвижника. И что на сегодня абсолютно невозможно уже заставить Керетский приход эти мощи опустить в землю. Давать же ход процессу официального прославления Керетского подвижника Владыка не видел достаточных оснований, с трудом, видимо, воспринимая его житие и суть весьма «соблазнительного» подвига Варлаама.

В конечном итоге архиерей решил поступить по известному совету евангельского Гамалиила: *«если это предприятие от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его» (Деян. 5, 38; 39)*. Архиепископ Варнава решил пока вообще ничего не предпринимать.

Так прошло два года. Почитание преподобного Варлаама, Керетского чудотворца, набирало все большую силу. Паломничество на поклонение мощам Керетского подвижника становилось все более массовым. *«Прихождаху к нему множество народа с верою исцеления ради, и помощь приемлющее неоскудно»*[23]. В Холмогорской епархии, таким образом, созда-

[22] ГААО. Ф. 29, оп. 2т.2, д. 1004 (08.01.1814–07.11.1816). «Дело о находящихся в Кемском уезде Святых мощах». Л. 11 об. — 12.

[23] Надпись на житийном клейме иконы прп. Варлаама. Государственный архив Архангельской области. Ф. 29, оп. 2т2, д. 1004, л. 10а.

вался прецедент всенародного почитания благодатных мощей подвижника древности, отношение церковных властей к которому официально так и не определилось.

И вот спустя еще два года, в 1727 году, из канцелярии Святейшего Синода пришло напоминание о необходимости донести результаты исполнения Указа 1725 года об освидетельствовании мощей Варлаама Керетского.

Владыка Варнава срочным порядком представил в Синод донесение, в котором приведенные нами выше два свидетельства решил назвать «несогласованными меж собой». И далее объяснял, что исходя из этой «явной несогласованности» им дано указание: «На том месте, где рака Преподобнаго поставлена, выкопав яму, учинить в ней гроб каменный или кирпичный. Или обставив по бокам досками и вложив в раку Святаго, учинить на верху своды и закрепив землею, засыпать до указу вашего святейшества [Святейшего Синода], а панихиды в приличные дни и в Проскомидии и в Литургии править по нем, и поминать». В то же время в завершение своего донесения Высокопреосвященный Варнава «спрашивал Синод, как тот заблагорассудит быть, и что чинить повелит».

Святейший Синод «рассуждая о том, что в вышеупомянутых свидетельствах явилась рознь, приказали: **быть тем мощам в земле**». Также было определено, что «впредь о таких мощах свидетельство чинить опасно, и тех людей, которые к таким мощам станут приписывать чудеса, приводить тех к присяге — не ложно ли, и для какой учинили страсти, ибо и в оной “Повести…” означены трое человек, те чудеса приписующие, а какого они жития и не подозрительны ли, не означено, почему и верить тому не надлежит»[24].

Так, еще почти на двести лет великий заступник Крайнего Севера преподобный Варлаам Керетский оказывался вне признания официальных властей Российской Православной Церкви.

Потому и не имеем мы больше иных *«поведаний о чудесах»*, кроме тех, что собрал *«некий муж именем Петр Буторин»* в 1664 году. Желающих быть «приведенными к присяге» и подвергнуться допросу о том, «для какой страсти» свидетельствуют они «ложь», естественно, не оказалось.

Самое же печальное (а может быть, и утешительное) состояло в том, что все эти «мудрые» решения, политически аргументированные указы и предписания жили какой-то своей собственной жизнью, существуя лишь в бумажной переписке и не имея подчас никакого отношения к реальности. Так было и в данном случае. Потому много позже, в начале XX века, уверенно сообщалось: «Святые мощи преподобного Варлаама Керетского перенесены были в церковь св. великомученика Георгия Победоносца и положены против левого клироса, близь алтаря у северных дверей, где они и поныне пребывают»[25]. К слову заметить, и «неугодная» часовня у алтаря над могилой преподобного также осталась неразобранной.

[24] Голубинский. История канонизации. С. 453.

[25] Никодим (Кононов), иеромонах. Древнейшие Архангельские святые и исторические сведения об их церковном почитании. СПб., 1901. С. 34.

Многострадальные мощи

Эта историческая часовня простояла 150 лет и сгорела лишь в 1769 году, вместе с древними церквами села — Георгиевской и Никольской. Спасенные при пожаре мощи были отнесены из церкви метров на триста от села. По преданию, от этого места в сторону пожара побежал ручей, вода которого помогла остановить дальнейшее распространение огня на деревню. След Варлаамова ручья, пересекающего территорию бывшего села, существует и поныне. Памятный крест на этом месте сохранялся жителями до нашего времени[26].

Мощи были укрыты здесь во временной часовенке до 1773 года. В этом году в Керети было закончено строительство новой двухпридельной (двухэтажной) церкви великомученика Георгия с приделом святителя Николая Чудотворца. Рака с мощами преподобного Варлаама была помещена на втором этаже церкви. Это решение, как выяснится позже, имело трагические последствия.

Известный финский фольклорист Э. Ленрот, посетивший Кереть в 1837 году, оставил нам в своих воспоминаниях интересную подробность: «Говорят, в церкви хранятся мощи некоего Варлаама, гроб которого висит привязанный к потолку». Если финский протестант чего-нибудь не напутал, то, скорее всего, речь идет об остатках той самой кережки, в которой были обретены мощи Варлаама. Под потолком они могли оказаться, скорее всего, с целью не допустить растаскивания святыни по кусочкам почитателями памяти преподобного.

В течение последующего столетия мощи преподобного Варлаама оставались объектом паломничества и сугубого почитания для всех жителей Поморья, Белого и Баренцева морей.

Но вот в 1857 году в Керети случилась большая беда — необычайно сильный пожар. Стихия уничтожила 26 домов, при этом дотла сгорела и Свято-Георгиевская церковь. Из верхнего придела второго этажа храма спасти ничего не удалось. Горе в селе было чрезвычайное — мощи преподобного посчитали утраченными навсегда.

Лишь через несколько дней, когда жар на пепелище наконец утих и «сделалось возможным находиться на месте сгоревшей церкви», священник Федор Ануфриев с крестьянами с удивлением обнаружили на дымящихся головнях чудесным образом сохранившиеся части мощей преподобного Варлаама. При этом было отмечено, что «от тех частей, кои не перегорели, действительно благовонный запах издается…».

Так произошло, по сути, второе чудесное обретение святых мощей. И дату, стоящую на официальном рапорте священника Феодора Ануфриева на имя архангельского епископа Антония (Павлинского) — 3/15 июня 1857 года — мы можем считать датой этого второго их обретения.

Эти обнаруженные части мощей святого после освидетельствования были «сложены следственной комиссией и за приложенными оной печатями

[26] Видимо, именно этот крест сохранился до сего времени в Керети, перенесенный ближе к берегу реки и поныне там сберегаемый.

хранились в устроенной для временного священнослужения часовне». Такое положение сохранялось до 1867 года, когда было завершено строительство новой Свято-Никольской церкви. После чего остатки святых мощей были уложены в богатую раку, изготовленную в Санкт-Петербурге.

Надо отметить, что эти остатки мощей святого заступника мореходов Севера по-прежнему источали не только благоухание, но и удивительные чудеса. Святыня края пользовалась все большим и большим почитанием как поморских промышленников, так и простого люда с берегов Белого и Баренцева морей.

И вот в 1903 году наконец восторжествовала справедливость — имя преподобного Варлаама Керетского было внесено в переизданный «Верный месяцеслов» с установлением дня его памяти 6/19 ноября[27]. Так, без официальных процедур канонизации, неприметным образом состоялось давно чаемое православным людом Крайнего Севера общецерковное прославление этого великого угодника Божьего.

Двадцатый век

Наступили безбожные времена XX века. Священник села был арестован в 1937 году. В селе Кереть, да и на всем Поморье, торжествовало богоборчество.

22 мая 1949 года Георгиевская церковь села вновь сгорела. На пожаре мощи успели забрать из драгоценной раки. В дальнейшем их уложили в небольшую шкатулку, которая хранилась теперь в уединенной избушке вместе с иным уцелевшим имуществом сгоревшей церкви. В этой же избушке собирались помолиться последние верующие жители села — старообрядцы.

Сохранились свидетельства участников археографической экспедиции Мурманского Педагогического института в 1961 году в село Кереть. По их описаниям «много мелких косточек темно-коричневого цвета хранились в деревянном киоте с разбитым стеклом. Бабушки очень переживали о том, что им надо разъезжаться и куда им отдать эту святыню. Предлагали нам забрать для хранения, но для нас тогда все это было непонятно, поскольку эти реликвии научной ценности не представляли» (из рассказа автору участников той экспедиции в 1998 году).

Эта необходимость «разъезжаться» жителям Керети из родного села была вызвана принятым руководством страны волюнтаристским решением по ликвидации так называемых «неперспективных деревень». В стране уничтожили 40 тысяч поселений. В 1960 году был ликвидирован Керетский рыболовецкий колхоз «Красный рыбак», закрыты школа, больница, магазин, хлебопекарня

[27] Верный месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Св. Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 гг. М., 1903. С. 43. Этому предшествовало появление сообщения о почитании прп. Варлаама в «Источниках русской агиографии» Барсукова Н. П. СПб., 1882. С. 76–77.

и библиотека. Был упразднен Сельский совет и отключен свет. Большинство жителей стали перебираться в Чупу и Лоухи. По истечении четырех с лишним лет старинное поморское село Кереть прекратило свое существование.

В конце 1960-х годов последние жители Керети покинули село. Избушка-молельня сгорела. Престарелые свидетели этих событий — почили. На сегодняшний день села Кереть практически не существует. В течение пятидесяти с лишним лет судьба оставшихся после пожара мощей преподобного Варлаама оставалась неизвестной.

СБЕРЕЖЕНИЕ ПАМЯТИ

На сегодняшний день преподобный Варлаам, кроме общецерковного дня памяти 6/19 ноября, чествуется в Соборе Карельских святых. Это празднование Собора по инициативе митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) в 1972 году было установлено в субботу между 31 октября и 6 ноября (ст. ст.). В 2004 году по решению Священного синода и благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II этот праздник был перенесен на 21 мая/3 июня.

В 1997 году в восстанавливаемом и ныне Благовещенском соборе г. Кеми Карельской епархии, в нижнем Никольском храме, впервые после безбожных лет был освящен правый придел в честь преподобного Варлаама Керетского. Здесь же находится сохранившаяся редкая икона с изображением святого, написанная в 1889 году для местного ряда иконостаса Свято-Варлаамовского придела Георгиевской церкви села Кереть усердием лесопромышленников братьев Савиных — Александра, Владимира и Алексея. С 2000 года при Благовещенском соборе расположен Кемский мужской Благовещенский монастырь во имя Новомучеников и Исповедников Церкви Русской.

В 2001 году в Мурманской епархии, в городе Коле, при кладбище, на месте древней «Никольской церкви, что в Кольском остроге», в которой в XVI веке служил Варлаам, построена и освящена первая в истории отдельно стоящая церковь во имя преподобного Варлаама Керетского Чудотворца.

В 2002 году в поселке Чупе Карельской епархии также была построена и освящена церковь во имя преподобного Варлаама Керетского, к сожалению, сгоревшая 1 мая 2010 года. Сейчас на этом месте строится новое каменное здание Свято-Варлаамовской церкви.

В VI томе Православной энциклопедии, на страницах 632–633, помещена обширная статья, повествующая о житии преподобного Варлаама Керетского и истории его почитания.

Преподобный Варлаам Керетский Чудотворец благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 28 ноября 2003 года включен в Собор Кольских святых с усвоением Дня памяти Собору 15/28 декабря.

В 2005 году усердием благочестивых почитателей памяти преподобного Варлаама и жителей поселка Чупы в ныне заброшенном селении Кереть, на месте сгоревшей в 1949 году Свято-Георгиевской церкви, построена часовня в честь святого великомученика Георгия Победоносца.

При всем этом судьба мощей великого заступника нашего Крайнего Севера все еще оставалась неизвестной.

Первый отклик на нашу печаль по поводу утраты этой величайшей святыни пришел в январе 2015 года из соседней, Костомукшской епархии. Маленькая частичка мощей преподобного Варлаама Керетского обнаружилась в Санкт-Петербурге. Внук одной из жительниц села Кереть поведал, что бабушка строго завещала ему хранить до лучших времен некую святыню, завернутую в бумажку, с подписью «преподобный Варлаам с Керети», которую она вывезла из села в 60-е годы XX века. Нам удалось договориться и отделить частичку святыни для Североморской епархии, и теперь она пребывает в церкви Свв. мцц. Веры, Надежды, Любови и матери их Софии г. Североморска.

Однако мы не прекращали своих молитвенных воздыханий и прилагали усилия, дабы Господь открыл нам место пребывания той, остальной части мощей, что также были вывезены из села Кереть в 60-е годы XX века.

И вот недавно наши поиски увенчались успехом. Эти мощи были обнаружены в коллекции одного из собирателей древностей. Оказалось, что при отъезде в 60-е годы старообрядцы села Кереть наибольшие части мощей уложили в уцелевшую старинную церковную чашу (возможно, времен служения преподобного Варлаама) и залили их воском. В крышку вмонтировали увеличительное стекло от старинного морского компаса, и таким образом получился весьма достойный ковчег для хранения этой святыни.

Со временем, в безбожные времена, наследники и потомки тех стойких старообрядцев из с. Кереть веру свою растеряли, и древняя чаша была продана как предмет антиквариата.

Для вызволения мощей преподобного Варлаама из этого «плена» в Мурманской митрополии был объявлен сбор средств, которых требовалось весьма немало. И вот в 2021 году отреставрированная чаша-ковчег прибыла в нашу Мурманскую епархию. Преподобный Варлаам наконец вернулся в родные края из дальнего плавания по штормовому морю безбожных времен.

ПРОЩАЯСЬ

Вот, собственно, и все, что на сегодня узнали мы о преподобном Варлааме Керетском, его друзьях и учителях. Все, что открыл нам Господь и чем мы поспешили поделиться с вами, терпеливые читатели.

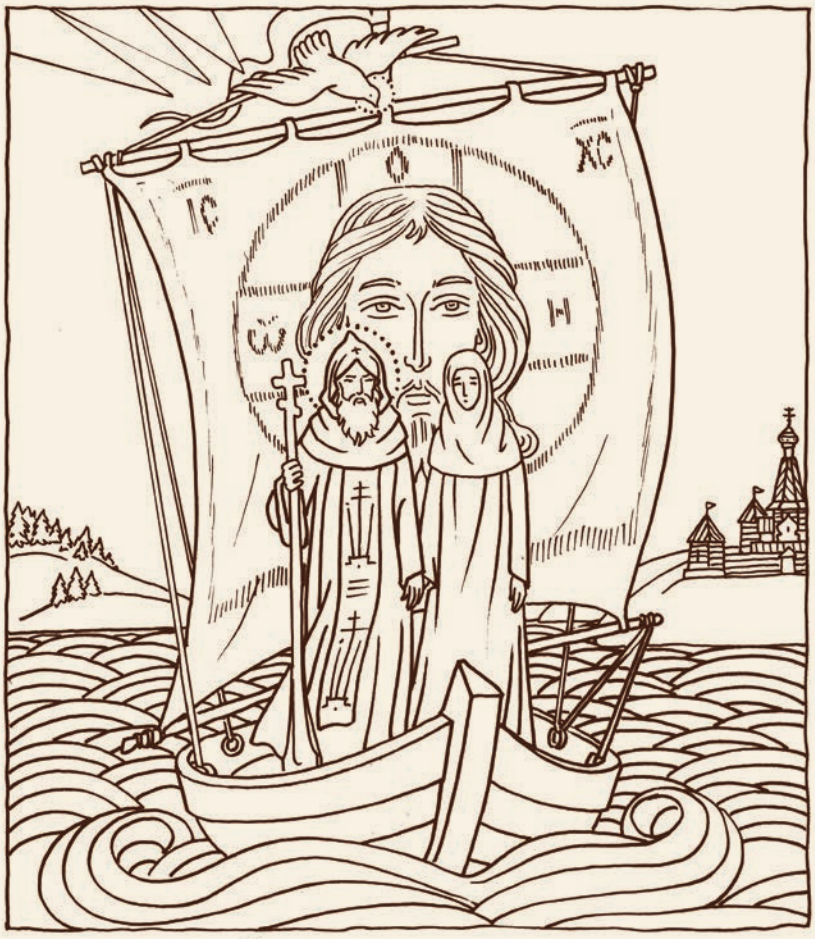
Мы завершаем наше исследование об удивительной жизни и небывалых подвигах великого подвижника древности преподобного Варлаама

из Керети и его великих современников, что подвизались на Кольском полуострове в XVI веке.

Как мы теперь знаем, преподобный Варлаам по возрасту был самым младшим из славной плеяды великих подвижников Кольского Севера, что были явлены Русской Церковью в XVI веке. Потому и промысел Божий о нем был таков, что величие его доселе не оцененного подвига раскрылось нам лишь после завершения полноценного исследования житий его великих учителей, друзей и сомолитвенников — преподобных Феодорита Кольского и Трифона Печенгского.

Полагаем, что призыв благодарных сердец верующих жителей нашего края нашел свой полноценный отклик в строках этой книги, и мы сумели воздать должное великому святому подвижнику Крайнего Севера и его выдающимся святым современникам.

В какой мере нам это удалось — судить вам, благосклонные читатели, и, конечно же, Тому, Кто благословил нас на этот нелегкий и ответственный труд.



Тропарь преподобному Варлааму Керетскому
Глас 1

Божественною свыше просветився благодатию, / евангельски Христу последовал еси / и Того во всем воли повинулся еси, / и сего ради восприим силу на врага сопротивнаго, / не убоялся еси морския тяготы и студени, ниже уклонися, / в своем плаче по Бозе не усыпая, /в мале ладиице по водам шествие творил еси, / против зельного обуревания плавав, / и равноангельное житие пожив, / темже и по преставлении источаеши чудес благодать, / да вси тебе возопием: Варлааме преблаженне, // моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак преподобному Варлааму Керетскому
Глас 1

Все умное свое желание к Богу вперив, / житейские молвы до конца отринул еси, / в молитвах и слезах и злостраданиях плоть свою изнуряя, / добре подвизався противу невидимаго врага козней / и, победив я, путь морский от ядовитаго червия человекам без вреда сотворил еси, / и веселяся пришел еси к небесным чертогам, / где ныне, со ангелы Святей Троице предстоя, молишися непрестанно, / сохраняя нас от враг видимых и невидимых / и ненаветны соблюдая от скорбей, зол и болезней, / да твоими молитвами спасемся, Варлааме преподобне, отче наш.

Молитва преподобному Варлааму Керетскому

О, преподобне отче наш Варлааме, яко имеяй дерзновение ко Творцу, Избавителю всех, Иже в Троице Святей покланяемому истинному Христу Богу нашему, помяни нас, грешных и недостойных щедрот Его, у страшнаго престола Господа Славы и Судии Всех, идеже ты в сонме праведных предстоиши. Да подаст нам, непотребным, погруженным в бездну греховную, покаяние сердечное, слез излияние и пламень стыда во утробах наших. В сим же пламене да сгорят вся наша беззакония и неправды, яже соделали есмы во вся дни живота нашего, да не будем наследницы пламене геенскаго, готоваго пожрети души наши. Молим тя, отче святый, умоли Господа

Вседержителя даровати нам сил и мудрости воеже избавитися от всякаго тлетворнаго страстнаго действа, от поползновения греховнаго. Упроси, отче Варлааме, Всемилостиваго Бога даровати нам ревнование о житии равноангельском, о стяжании молитвы чистыя, о пребывании в посте и добродетелех христианских. Не премолчи вопия за ны ко Господу, да с терпением течем на предлежащий нам подвиг имея в житии твоем образ назидания не токмо людем мирским, но и ликом иноческим. Научи нас, богоносне отче Варлааме, каятися твоим покаянием суровым, полагатися несумненно на волю Господа нашего, яко да и малая лодеица смертного сего телесе нашего без препятия одолеет бурный океан греховных страстей мира сего и к тихому пристанищу притечет, идеже ты и вси от века Богу угодившия пребывают во Христе Иисусе Господе нашем, Емуже подобает всякая слава, держава честь и поклонение со Безначальным Его Отцем, и со Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом во веки веков. Аминь.



ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. «Я — ИЗ КЕРЕТИ ВАРЛААМ...» 3
Троица нераздельная 5
Кереть 7
Истоки 8
Воспитание морем 9
«Научен книгам...» 12

ГЛАВА II. КОЛА 15
Возвращение Феодорита 16
Трифон 18
В дружине боярской 20
Атаман Митрофан 22
Божий призыв 24
Плач и покаяние 25
Брань духовная 25
Феодорит и Трифон 27
«Церковь Николы в Колском граде» 29
Поп Иван, предшественник попа Василия 30
Как рождаются матушки 33
Кольский поп Василий 34
Монастырь на Коле 36
Встреча и прощание 39

ГЛАВА III. КЕРЕТЬ 41
«Ангелы» села Кереть 43
Сеть бесовская 46
Преодолевая пошлость 48
«Гневаясь не согрешайте» (Еф. 4, 26) 50
Тайна копия 53
Грех 54
Канонические аспекты 55

ГЛАВА IV. ГРЕХ 57
Небывалая епитимия 59
Радости «мертвого» 60
Мудрость Старца 61
В деснице Божьей 63
Против ветра 66
От Керети до Святого Носа 67
От Святого Носа до Колы 70
Полярной ночью 71

Путь Варлаама 74
Три года 76
«Мертвое тело» 77

ГЛАВА V. ВЕНЕЦ 79
«Около Святаго Носа» 81
«Вредоносные черви» 83
«День приблизился» 84
Предчувствие 85
Новый человек 87
Власть любви 89
Встреча у Волока 90
Чудо 93
«Венец Победный» 94
«Христово благоухание» 96
Обретение 99
К радости 100

ГЛАВА VI. «НЕСЛЫХАННЫЕ МЯТЕЖИ...» 101
Бунт в Коле 103
Ветер с Соловков 105
Изгнанник и страстотерпец 106
Монастырский остров 106
Феодорит 110
Драгоценные подробности 111
Встреча на Ниве 113
Островок в Чупской губе 116

ГЛАВА VII. ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО ТРИФОНА 119
Закат 121
Мятежные дни на Печенге 122
В устье Печенги 125
Встреча в ночи 129
Иринарх 130
Пармен 134
«А была ночь» (Ин. 13.30) 137

ГЛАВА VIII. ТРИФОН И ВАРЛААМ 141
Варлаамово пророчество 143
Крест преподобного Трифона 144
Очищение морем 147

ГЛАВА IX. ПЕЧЕНГСКИЕ МУЧЕНИКИ 149
Последнее пророчество 151
Первая кровь мести 153
Венцы небесные 156

ГЛАВА X. «ВОЗДУХ ЛОПСКОЙ ПРЕЛЕСТИ» 159
Морской путь святости 161
История проблемы 162
О высоком богословии 164
Грань времен 167

ГЛАВА XI. ВЕК XVI. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 169
«Во вселенную» 171
«Чернеческие ризы» 173
Пустынь упокоения 175
«Погостишко в Чупской губе» 177
На пороге вечности 179
Время кончины 180
«Немецкие люди» 183

ГЛАВА XII. ЧУДЕСА 189
Кольский крест 191
«Часовня над гробом» 193
«Поведание от чудес» 195
«Поведал нам...» 198
Скорбь священноинока Сергия 199

ГЛАВА XIII. ДОЛГИЙ ПУТЬ ПРОСЛАВЛЕНИЯ 201
Явление в Керетской часовне 203
Истоки проблемы 204
Стояние в гордости 207
Ситуация 208
Обретение, «которого не было» 210
«Быть мощам в земле» 211
Многострадальные мощи 213
Двадцатый век 214
Сбережение памяти 215
Прощаясь 216
Тропарь преподобному Варлааму Керетскому Глас 1 218
Кондак преподобному Варлааму Керетскому Глас 1 218
Молитва преподобному Варлааму Керетскому 218

Ознакомиться с книгами митрополита Митрофана (Баданина)
можно на официальном сайте Мурманской епархии:
www.mmeparh.cerkov.ru
в разделе «Книги митрополита Митрофана».

Заказать книги можно по электронному адресу:
eparhia_murmansk@mail.ru

или по почте:
183010, Мурманск, ул. Зеленая, д. 11;
тел.: 8 (815) 25-97-61; +7 (960) 028-66-77; 8 (815) 25-53-38.

В свободной продаже книги во всех церковных лавках
Мурманской митрополии.

Митрополит Митрофан (Баданин)

АЗЪ ЕСМЬ ИЗ КЕРЕТИ ВАРЛААМ

ИСТОРИЯ ЖИТИЙ СВЯТЫХ ОТЦОВ
КОЛЬСКОГО СЕВЕРА XVI ВЕКА

Художник: *Инна Куксенко*
Корректор: *Юлия Кучумова*
Подготовка оригинал-макета:
ООО «АБД дизайн»
+7 (921) 756-03-16
abd_designstudio@mail.ru

ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 040. Подписано в печать: 17.03.2021 г. Бумага офсетная.
Формат: 70×100 $^{1}/_{8}$. Объем: 28,0 п.л. Тираж: 300 экз.
Санкт-Петербург, 191015 а/я 83,
тел.: (812) 685-73-00, 970-35-70
e-mail: asterion@asterion.ru www.asterion.ru
https://vk.com/asterion_izdatelstvo

ДАРОУЕННЫЙ КОВЧЕГ СО СВЯТЫМИ МОЩАМИ ПРЕПОДОБНОГО ВАРЛААМА КЕРЕТСКОГО ЧУДОТВОРЦА